

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

6

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdiyev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoy SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. М. ЩЕРБАК

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАММАТИК ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. То, что почти все тюркские языки — младописьменные, причем у большинства отсутствуют источники, относящиеся к более или менее раннему времени, не исключает возможности составления их исторических грамматик. Последнее может осуществляться главным образом на основе внутренней реконструкции, использование которой предполагает постоянное обращение к результатам сравнительных исследований и к типологическим данным: достоверность допускаемых фонетических переходов, преобразований форм и изменений семантики подтверждается степенью их соответствия общезыковым закономерностям развития. Наибольшая эффективность использования внутренней реконструкции достижима при условии тщательного выявления всех специфических случаев, выпадающих из общего хода эволюции и оказывающихся следствием действия разных факторов, в частности аналогий. Вспомогательный источник исторической грамматики — лексические и морфологические заимствования в родственных и неродственных языках. Привлечение материалов неродственных языков требует большой осторожности, так как высока степень вероятности однократных и даже многократных изменений, связанных с освоением заимствований в иноязычной среде.

Учет всего достигнутого в области сравнительного изучения родственных языков облегчает разграничение того, что является принадлежностью общего состояния, образовалось в условиях существования автономных языковых групп или же отражает особенности развития каждого языка в отдельности. Так, нет серьезных оснований сомневаться в возможности отнесения формы прошедшего категорического на *-dī* к общетюркским формам и в том, что ее первоначальным значением была перфективность, так как прошедшее время в общем смысле, так называемый претерит, восходит к перфекту. Несколько иначе обстоит дело с формами на *-yaп* и на *-mīš*, которые, будучи общетюркскими, тем не менее еще на уровне праязыка подверглись перераспределению и получили разную специализацию в диалектах. Хотя форму на *-mīš* имеют все современные тюркские языки, включая тувинский и якутский, в своем перфективном значении четко и последовательно она выступает лишь в огузских языках, что не позволяет рассматривать собственно глагольное развитие ее как общетюркский процесс. Принципиально иное положение — у изолированных форм, образовавшихся, как правило, в ходе обособленного развития конкретных языков. История многих из них все же связана с проявлением общетюркских тенденций и, следовательно, может быть раскрыта в сравнительном освещении. Однако немало и та-

ких форм, которые «прочно» выпадают из общетюркского процесса либо вследствие наличия прямой или косвенной обусловленности иноязычным влиянием, либо в силу каких-то других, пока неизвестных нам обстоятельств.

Описание общетюркского пласта в морфологии разных тюркских языков сводится к констатации сохранения первоначального содержания или переосмысления его и развития новых значений, к объяснению причин внешних изменений. Например, форма на -г с самого начала выделялась тем, что обозначала действие, происходящее вообще или возможное. Модальность ее предопределила направление дальнейшей специализации в плане выражения временных значений (настояще-будущее, будущее время) почти во всех тюркских языках. В якутском языке форма на -г стала выражать значение прошедшего времени («прошедшее незаконченное»), ср.: *baraġim* 'я ходил', *turaġa* 'он стоял', *kögögö* 'он видел', и, следовательно, факты якутского языка нуждаются в дополнительном изучении. Возьмем еще одну форму, форму дательного падежа на -qa ~ -ya ~ -a... Она относительно устойчива и неизменна на протяжении длительного периода времени. Все же и в отношении этой формы должны быть даны некоторые разъяснения. Большой интерес вызывает вопрос о том, как повлияло на ее содержание появление других аффиксов дательного падежа: -sa ~ -za — в хакасском языке, -*dıva* ~ -*tıva* ~ -*duva* ~ -*tuva* и -*ıdı* ~ -*qıdı* ~ -*ıudu* ~ -*qudu* — в тувинском. Разъяснения необходимы также по поводу не совсем обычного для тюркских языков совмещения значений дательного и местного падежей в якутском языке, ср.: *at dalya turar* 'лошадь стоит в загоне', *at dalya kireg* 'лошадь входит в загон'. Здесь потребуются всесторонняя оценка внешних факторов, оказавших влияние на развитие якутского языка, в первую очередь тесных связей его с монгольскими языками, в которых указанное совмещение значений носит характер давно сложившейся нормы. Со стороны средств выражения очень своеобразен «дополнительный» п в составе аффикса дательного падежа в казахском и каракалпакском языках: *maıap* 'мне', *saıap* 'тебе', *oıap* 'ему'. Он наблюдается только у личных местоимений и только в пределах определенного структурного типа: у местоимений, оканчивающихся на л. Поэтому заслуживает особого внимания предположение В. Котвича об имевшей место в данном случае метатезе: *maıpa* > *maıap*, *saıpa* > *saıap*, *oıpa* > *oıap* [1. С. 134]. Как известно, личные местоимения множественного числа ничего подобного не обнаруживают.

Последующая часть статьи будет посвящена изолированным формам, так как именно они плохо поддаются объяснению и нередко становятся предметом острых и затяжных дискуссий. Трудность исторического комментирования их усугубляется отсутствием строгой методики исследования, что побуждает использовать все имеющиеся в нашем распоряжении данные.

1. 1. Начнем с формы прошедшего времени на -*çu* ~ -*çü* в киргизском языке, которая употребляется самостоятельно и в сочетании со вспомогательными словами [2. С. 56—61]: *alçu* 'он брал', *alçıtıp* 'я брал', *alçusuñ* 'ты брал', *alçu emes ele* 'он не брал'. Эта форма давно привлекает внимание тюркологов, и о происхождении ее высказаны противоречивые мнения. Коснувшийся первым данного вопроса И. А. Батманов воспринял аффикс -*çu* ~ -*çü* как усеченную разновидность аффикса -*ııçu* ~ -*güçü* (*alçu* < *alıçu* < *alııçu*) и для обоснования своей точки зрения указал на факт сохранения в северных говорах киргизского языка форм типа *alıçu*, *kelüçü* [3. С. 50]. Б. О. Орузбаева, отметившая наличие в киргизском языке таких вариантов аффикса -*çu* ~ -*çü*, как -*içu* ~ -*içü*,

-ūču ~ -ūčū, -uču ~ -üčū, отвергла точку зрения И. А. Батманова и после сопоставления аффикса -ču ~ -čū с аффиксом -čih ~ -čik в хакасском языке высказала предположение, что они восходят к одной праформе [4. С. 36—47]. Позднее Н. А. Баскаков объединил с киргизским и хакасским аффиксами тувинский аффикс прошедшего времени -čiq ~ -čik [5. С. 5—10]. Однако тувинский тюрколог Д. А. Монгуш отнесся отрицательно к попытке подобного объединения [6. С. 132—133, 143—144] и, по существу, был поддержан В. И. Рассадным [7. С. 214—216]. Б. А. Серебренников, убедительно показавший различия киргизской, тувинской и хакасской форм как с фонетической стороны, так и со стороны содержания, связывает необычную киргизскую форму с причастием типа aluču, kelüčū [8. С. 13—15] и занимает, следовательно, ту же позицию, что и И. А. Батманов. К сожалению, Б. А. Серебренников не сделал окончательного вывода и к числу вариантов аффикса -ču ~ -čū ошибочно отнес -čī ~ -čī.

При окончательном решении вопроса о происхождении формы на -ču ~ -čū не следует забывать, что основной источник образования временных форм глагола в тюркских языках — причастия. Принимая во внимание это обстоятельство, существующие фонетические соответствия и происходящие в грамматических формах изменения, а также наличие в карачаево-балкарском языке формы настоящего времени на -ivču (alivčuma, alivčusa, alivčudu, alivčubuz, alivčusuz, alivčudula) [9. С. 251—253], можно с уверенностью возвести глагольную форму на -ču ~ -čū к причастию типа alıyčī — keligčī, в котором аффикс -ıyčī ~ -igčī преобразовался сначала в -ūču ~ ü:čū, затем — в -uču ~ üčū, далее — в -ču ~ -čū: alıyčī > alıvčī > aluvču > alūču > aluču > alču. Дадим пояснения. Вторичные образования от глагольных имен на -ıy ~ -ig были широко употребительны в древнетюркском языке, и некоторые из них явились прототипами собственно глагольных форм, ср.: alıyта, alıyсаq, alıylı(q), alıysar, alıyčī. На месте сочетаний ıy, ig в киргизском языке оказываются долгие u, ü: azū (<azıy) 'клык', arū (<arıy) 'чистый', sıjaqtıy (<sıjaqtıy) 'подобный', čaqıgū (<čaqıgıy) 'вызов, приглашение' [10]. Иными словами, в киргизском языке нет соответствующих кратким i, i долгих i:; i: восьми кратким гласным соответствуют шесть долгих гласных. Наконец, необходимо подчеркнуть распространенность в тюркских языках процесса упрощения сложных морфологических показателей, в частности аффиксов, включающих в себя сочетания ıy, ig, например: др.-тюрк. barsa- <barıysa- 'хотеть идти', kelsä- <keligsä- 'хотеть прийти', alsa- <alıysa- 'хотеть взять'; тур. (диал.) versem (<verigsem < verigserim) 'дам', alsan (<alıysan < alıysarsın) 'возьмешь', jatsaniz (<jatıysaniz < jatıysarsıniz) 'ляжете' [11. С. 87—89].

Несколько слов о своеобразии содержательной стороны формы на -ču ~ -čū. Очевидно, его можно объяснить, исходя из особенностей развития временных форм глагола вообще. Причастия, выражающие значения процесса и результата действия, естественно, соотносятся с отрезками и настоящего и прошедшего времени. В этом отношении примечательна судьба формы на -ıylı, ср.: др.-тюрк. barıylı 'идуший', keliglı 'приходящий', jaratıylı 'создающий, творящий'; каз. alulı 'он взял', bagulı 'он пошел'; тур. kimin evi satılıq 'чей дом продается?'. Попутно заметим, что, по мнению А. Нурмагамбетова, форма прошедшего времени на -ulı развилась из формы прошедшего неочевидного на -ıptı [12. С. 84—86], тогда как с точки зрения Н. З. Гаджиевой она является реликтом древнего причастия на -ı [13. С. 43—45].

1. 2. Другая изолированная форма — из узбекского языка. В опубликованной на страницах журнала «Советская тюркология» статье

Х. Алимурадов сообщил о том, что в нижнесурхандарьинском говоре узбекского языка есть форма множественного числа на $-(a)q$ и что таким образом подтвердилось предположение о существовании в тюркских языках, наряду с аффиксами $-lag$ и $-z$, третьего аффикса множественности [14. С. 53—55]. Сведения о форме на $-(a)q$ содержатся также в автореферате диссертации Х. Алимурадова [15. С. 4—6], в его более ранней публикации [16. С. 65—67] и в вышедшей в 1960 г. статье А. Маткулова [17. С. 71—72].

Х. Алимурадов приводит следующие примеры: *sizaqtıqqajam* керкетирра 'и к вам приходил?', *čečinip alışqa tüşinizaq* 'раздевайтесь и приступайте к борьбе', *Hamra palvanga birävinizäm čıyalmadıñizaqço* 'ведь никто из вас не смог противостоять Хамра-палвану', *özinizaq kirinizaq* 'входите сами', *vözinizaq kördinizaq bojimbomajaptı* 'вы же сами видели, не соглашаемся', *kettinizaq* и *kettilärinizaq* 'вы ушли', ... *endi čabasizaq* '...теперь вы бегаете', *bizaqtı* 'нас', *sizaqtı* 'вас' [14. С. 53—54].

Прежде всего необходимо решить, достаточно ли обоснована интерпретация приведенных Х. Алимурадовым примеров как форм множественного числа. Перечислим особенности функционирования аффикса $-(a)q$ в нижнесурхандарьинском говоре. Во-первых, он не подчиняется закону гармонии гласных, действие которого в упомянутом говоре как будто не вызывает сомнений. Во-вторых, в приведенных примерах совершенно очевидно присутствие наряду с $-(a)q$ других средств выражения множественности: *sizaqtıqqajam* 'и к вам' (*siz* — личное местоимение 2-го лица множественного числа), *tüşinizaq* 'приступайте' (*tüşiniz* — форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа), *özinizaq* 'вы же сами' (*öziniz* — выделительное местоимение в форме 2-го лица множественного числа), *kördinizaq* 'вы видели' (*kördiniz* — форма прошедшего категорического, 2-е лицо множественного числа), *čabasizaq* 'вы бегаете' (*čabasiz* — форма настоящего времени, 2-е лицо множественного числа). В-третьих, в сочетании с $-(a)q$ выступает усилительная частица *qo*: *čıyalmadıñizaqço* 'вы не смогли ведь выступить'.

Перечисленные особенности затрудняют принятие точки зрения Х. Алимурадова: среди примеров нет ни одного, в котором аффикс $-(a)q$ был бы единственным и бесспорным выразителем множественного числа. Утверждение, что в словоформах типа *kettinizaq* 'вы ушли' присутствуют два аффикса множественного числа, $-z$ и $-aq$, не подкреплено никакими аргументами.

Несколько лет тому назад, излагая свои соображения относительно того, был ли в тюркском праязыке дательный падеж на $-q$, мы отметили факт вхождения в состав многих форм усилительной частицы *oq ~ ök* [18. С. 51—53]. Как в древних, так и в современных тюркских языках она образует устойчивые сочетания с рядом именных и глагольных форм. Не является исключением в этом плане и узбекский язык. Примеры: *sizdanoq* 'от вас (именно)', *hoziroq* 'сейчас же', *birinči jildajoq* 'в первый же год', *ertagajoq* 'завтра же', и *keldi degunčajoq* 'до его прихода' и т. д. [19. С. 578—579]. Примечательно, что в говорах узбекского языка частица *oq ~ ök* может выражать не только усилительное, но и ограничительное значение: *daptardan uštajoq* (= лит. *učtagina*) *qoldı* 'остались только три тетради', *majlis soat beštajoq* (= лит. *beštagina*) *bošlangan edi* 'собрание началось только в 5 часов' [20. С. 150]. Таким образом, вполне вероятно, что в рассматриваемых формах нижнесурхандарьинского говора мы имеем дело не с аффиксом множественного числа, а с усилительной частицей *oq ~ ök*. В пользу только что высказанного предположения свидетельствует также относительно свободный порядок следования

указанного элемента в словоформах, наблюдаемый обычно лишь у частиц [21. С. 41], ср.: карач.-балк. *kelčigiz* (kel-či-giz), узб. *kelinizči* (keliniz-či) 'придите-ка'; узб. *kelarmisan* (kelar-mi-san) ~ *kelarsanmi* (kelarsan-mi) 'придешь ли?'. При этом среди тех из них, которые подвержены инверсии, встречается и частица *oq* ~ *ök*, ср.: хак. *pirgejökpin* (pirgej-ök-pin), *pirerökpin* (pirer-ök-pin) 'дам ведь' [22. С. 22, 24], *pariboxča* (parib-ox-ča) 'ты также пошел' [23. С. 120]; шор. *alaroqsīŋ* (alar-oq-sīŋ) 'ты также возьмешь' [24. С. 248].

1. 3. Продолжая разговор об изолированных формах в связи с обсуждением вопроса о принципах составления исторических грамматик, рассмотрим тот тип изменений, который получил наименование аналогии. Роль аналогии в тюркских языках велика, и, не учитывая ее, едва ли удастся правильно объяснить некоторые особенности. Действие аналогии происходит главным образом в группах слов, близких друг к другу по значению, и в парадигмах [25. С. 117—119]. Многие случаи давно известны. Так, под влиянием слова *čeršembe* 'среда' в турецком языке находящееся с ним в одном семантическом ряду слово *penčšembe* 'четверг' изменилось в *peršembe*. Нечто похожее — в истории слова *pazartesi* 'понедельник'. Ср. *juma ertesi* > *jumartesi* (juma-rtesi) 'суббота', *pazar ertesi* > *pazartesi* (paza-rtesi). Действие аналогии наблюдается также в группе разделительных числительных. Аффикс, образующий их в турецком языке, — -ar ~ -er: *birer* (bir-er) 'по одному', *üçer* (üç-er) 'по три', *dörder* (dört-er) 'по четыре', *beşer* (beş-er) 'по пять', *sekizer* (sekiz-er) 'по восемь', *doquzar* (doquz-ar) 'по девять', *onar* (on-ar) 'по десять'. Однако в результате переразложения в числительном *beşer* выделился компонент *şer* (*beşer*), и под влиянием этого структурного типа образовались варианты форм разделительных числительных: *ikişer* (iki-şer), *altışar* (alti-şar), *jedişer* (jedi-şer), *ellişer* (elli-şer) [26. С. 161]. Таким образом, к количественным числительным, оканчивающимся на согласный, присоединяется аффикс -ar ~ -er, а к количественным числительным с конечным гласным — -şar ~ -şer. В староузбекском языке в качестве модели наряду с *beşär* выступало числительное *birär* (bi-rär), ср.: *ikişär* (iki-şär) ~ *ikirär* (iki-rär) [27. С. 139].

Приведем другие примеры, иллюстрирующие действие аналогии.

Бросается в глаза использование в говорах хакасского языка наряду с -bīn ~ -vīn ~ -mīn второго лично-предикативного аффикса 1-го лица единственного числа — -sīm ~ -zīm: *kizizīm* 'я человек', *toxsīm* 'я сыт', *saṡajzīm* 'я караец', *alarsīm* ~ *alarzīm*, *aladırsīm* ~ *aladırzīm* 'беру', *aljaŋsīm* ~ *aljaŋzīm* 'я брал, бывало', *alarjīhsīm* 'взял бы я', *alṡajzsīm* ~ *alṡajzīm* 'возьму-ка'. Ср.: 2-е лицо единственного числа: *altīrzīŋ* 'берешь'. 1-е лицо множественного числа: *altīrsīvīs* ~ *altīrzīvīs* 'берем' [28. С. 44—50]. Согласно предположению Д. Ф. Патачаковой, аффикс -sīm ~ -zīm образовался путем изменения согласного j в s(z): *kizijīm* > *kizizīm* [28. С. 50]. Ясно, что это предположение далеко от того, чтобы удовлетворить нас, так как ни хакасскому, ни другим тюркским языкам подобный звуковой переход неизвестен. Однако в статье Д. Ф. Патачаковой есть привлекающий наше внимание важный момент. Отмечается наличие в хакасском языке форм типа *albasīm* (albas-īm) 'не возьму', *albasīŋ* (albas-īŋ) 'не возьмешь', *albasīvīs* (albas-īvīs) 'не возьмем'. Мы считаем, что вследствие переразложения приведенных форм (*alba-sīm*, *alba-sīŋ*, *alba-sīvīs*) выделились компоненты *sīm*, *sīŋ*, *sīvīs*, которые стали употребляться в качестве лично-предикативных аффиксов, ср.: *albassīm*, *albassīŋ*, *albassīvīs*.

Следующий пример — лично-предикативный показатель 2-го лица единственного числа в формах настоящего и настояще-будущего време-

ни, у которого много разновидностей: $-s \sim -sa \sim -s\ddot{a} \sim -se \sim -san \sim -s\ddot{a}n \sim -sen \sim -sin \sim -sa\eta \sim -s\ddot{a}\eta \sim -se\eta \sim -s\ddot{i}\eta \sim -si\eta \sim -i\eta \sim -i\eta$ и т. д. Примеры: кар. *alas* ~ *alasın*, карач.-балк. *alasa*, кум. *alasan*, уйг. *alisän*, чув. *iledën*, як. *ilayın*, гар. *alarsın*, к.-калп. *alasaη*, кирг. *alasın*, хак., туркм. *alarsın*, шор. *aların* ~ *alarsın* 'берешь, возьмешь'. В ходе анализа приведенных разновидностей возникает вопрос: какие из них первичные и какие вторичные? Чтобы ответить на него, необходимо учесть все имеющиеся факты. Показателями лица в форме прошедшего категорического времени являются аффиксы принадлежности, развившиеся из лично-предикативных показателей, ср.: хак. *aldım* 'я взял', *aldın* 'ты взял', *aldībīs* 'мы взяли', *aldınlar* ~ *aldar* 'вы взяли'. Лично-предикативные же показатели восходят к личным местоимениям. Принимая во внимание последнее обстоятельство и опираясь на приведенные примеры, мы можем сделать следующий вывод. В тюркском праязыке в конце лично-предикативного показателя 2-го лица единственного числа был не *п*, а *η*. Личное местоимение 2-го лица единственного числа как в современных, так и в древних тюркских языках имеет в исходе *п*. Однако в тексте «At-tuhfa...» есть случай употребления его с конечным *η*: *sāη* 'ты' (39a12) [29. С. 363]. Итак, было бы заблуждением считать, что местоимения *бер* ~ *теп* 'я' и *sen* 'ты' включают в себя общий компонент *п*, так как конечный *п* в местоимении 2-го лица единственного числа, вероятнее всего, появился на месте первоначального *η* в результате действия аналогии.

Теперь коснемся вопроса о происхождении форм 2-го лица множественного числа, например: тур. *aldınız* 'вы брали', *alirsiniz* 'вы берете'. Грамматисты, занимающиеся изучением тюркских языков, полагают, что в тюркском праязыке был аффикс двойственного, или множественного, числа $-(i)z \sim -(i)z$ [30. С. 141]. На первый взгляд, эта гипотеза кажется правдоподобной: $i \sim i$ — так называемые вставочные звуки, и таким образом во 2-м лице единственного числа прошедшего категорического, скажем, в турецком языке, оказывается *-п*, во множественном числе — *-niz* ~ *-niz*. Ср.: *aldın* (*aldı-n*) 'ты взял', *geldin* (*geldi-n*) 'ты пришел' — *aldınız* (*aldı-n-iz*) 'вы взяли', *geldiniz* (*geldi-n-iz*) 'вы пришли'. Между тем в нашем распоряжении нет фактов, подтверждающих мысль о существовании в прошлом аффикса двойственного, или множественного, числа *-z*. Точнее, ни в древних, ни в современных тюркских языках компонент *z* сам по себе не выполняет таких функций. Использование же его как словообразовательного аффикса, на что указывает М. Эргин, наблюдается лишь в турецком языке и, за исключением *ikiz* 'двойня', лишь в составе аналогических новообразований, ср. *üçüz*, *dördüz*, *beşiz*, *altız*, *jediz* [26. С. 161]. Поэтому для форм типа *aldınız*, *alirsiniz* приходится искать иное объяснение природы компонента *z*. Здесь также вполне правдоподобна главенствующая роль аналогии, чаще всего проявляющейся как раз в пределах личных глагольных форм.

- Ср.: I. *aldım* — *aldībız* > *aldīmız* (*aldım-iz*)
 alırım — *alirībız* > *alirīmız* (*alırım-iz*) > *aliriz*
 II. *aldın* — *aldınız* (*aldın-iz*)
 alirsın — *alirsınız* (*alirsın-iz*)

1. 4. Опора на типологические данные особенно важна при определении природы звуковых изменений. Попытаемся показать это на одном конкретном примере. Как известно, общетюркскому *s(z)* в чувашском языке во всех положениях, кроме начала слова, соответствуют *s(z)* и *г*. Приблизительно такие же соответствия прослеживаются в монголь-

ских и тунгусо-маньчжурских языках. При этом количество лексических параллелей, иллюстрирующих явление ротацизма, последовательно сокращается в направлении от тюркских языков к монгольским и далее — от монгольских к тунгусо-маньчжурским. Например, чувашско-тюркских параллелей подобного рода очень много, тогда как тюркско-монгольских — около трех десятков. Что же касается монголо-тунгусо-маньчжурских параллелей ротацирующего типа, то их, пожалуй, не более десяти. Все тунгусо-маньчжурские слова, входящие в эти параллели, имеют внешний облик монголизмов, ср.: эвенк. *bogo* 'серый', *ikigē* 'двойня', *ukur* 'корова', *kurkan* 'ягненок', *taḡaṡaj* 'лысый, плешивый', *kūr* 'струнный музыкальный инструмент', что нетрудно объяснить заимствованием их из монгольских языков. Соответствующие же монгольские слова — тюркского происхождения, ср.: др.-тюрк. *boz*, *ikiz*, *öküz* (<и.-е.), *qoqu*, *taz*, *qobuz*.

Чтобы ответить на вопрос о природе соответствия *s(z)* — *г*, необходимо четко определить фонетические условия перехода *s(z)* в *г* [31]. Указанный переход отмечен во многих языках и достаточно полно охарактеризован различными авторами. Варрон, по-видимому, был первым, кто обнаружил его в латинском языке [35. С. 238]. Говоря об индоевропейском ротацизме, В. М. Жирмунский констатирует сохранение *z* в готском языке и переход *z* в *г* в западных и северных германских языках: гот. *maiza*, дрвн. *mēra*, нем. *mehr*, англ. *more* 'больше'; гот. *batiza*, дрвн. *bezzer*, нем. *besser*, англ. *better* 'лучше' [36. С. 136]. Другие примеры: лат. *ausum* > *aurum* 'золото'; ст.-фр. *courin* (*cousin*) 'кузен', *rairon* (*raison*) 'разум; довод, основание' [33. С. 274], *fraire* (*fraise*) 'земляника' [34. С. 209]; герм. **alisā*, дрвн. *elira* (с метатезой: *erila*) 'ольха', нем. *elsbeere* (*els-beere*) 'рябина', фр. *alise* (<герм.) 'боярышник' [32. С. 22].

Как показывает анализ примеров из германских и романских языков, *s(z)* перешел в *г* в интервокальном положении, что представляется весьма существенным, так как именно эта позиция наиболее благоприятна для рассматриваемого перехода в тюркских языках, ср.: др.-тюрк. *taṭiysiz* 'лишенный вкуса' — *taṭiysira* 'лишаться вкуса', *tuvuz* 'крупный' — *tuvra* (*tuvuga*) 'увеличиваться в размерах', *semiz* 'жирный' — *semgi* (тув. *semiri*) 'тучнеть, полнеть'; туркм. *yūduz* 'бешеный, взбесившийся' — *yūduga* 'баловаться, шалить, бесноваться'. Позиция, в которой *s(z)* мог изменяться в *г*, не была единственной. Подобное изменение имело место также в конце любых многосложных слов и в конце односложных слов с этимологическими долгими гласными. К стати сказать, попытка объяснить озвончение *s* его ослаблением в позиции после долгих гласных была предпринята А. Дж. Эмре почти полвека тому назад [37. С. 61 и сл.], но незаслуженно подверглась суровой критике в рецензии Н. Поппе [38. С. 123]. В итоге складывается довольно четкое представление об условиях перехода *s(z)* в *г* в чувашском языке, поддержанное типологическими данными: ротацизм — следствие последовательного озвончения *s* в специфических условиях максимального ослабления. Для исторической грамматики чувашского языка сделанный вывод будет иметь далеко идущие последствия.

2. Ситуации, когда не могут быть эффективно использованы ни старописьменные тексты, ни внутренняя реконструкция, ни сопоставительные данные, ни факты смежных языков, являются довольно редкими. Тем не менее они существуют, и тщательное описание их с предлагаемыми решениями — первый шаг на пути к длительным и трудным поискам. Приведем пример. Связь существительного с причастием в качестве определения в тюркских языках обычно выражается их соположением:

первый компонент — причастие, второй — существительное. Словоизменятельные аффиксы присоединяются к существительному, причастие остается неоформленным. Все же в сочетаниях такого рода не исключены случаи присоединения к причастию аффикса множественного числа и аффиксов принадлежности: др.-тюрк. *bunda kelgānlār kik* 'приходившие сюда звери', *bunda uçqanlar quş* 'прилетающие сюда птицы' [39. С. 3]; азерб. *oxuduğum kitab* 'книга, которую я читал', *jazajayım məktub* 'письмо, которое я напишу'; тур. *aldığım defter* 'тетрадь, которую я взял'.

Первый случай характерен для текстов, обнаруживающих заметные следы влияния старомонгольского языка, и уместно высказать предположение об иноязычных истоках его. Ср.: *manı sajid ebüğe* 'наши славные предки' [40. С. 79], *sajid nöked* 'верные спутники', *miñyan çayayad terigüten ebüged* 'тысяча белоголовых (resp. седовласых) стариков' [41. С. 114, 124], *ülegsed çerigüd* 'отставшие воины', *qayanıjan qardaysad ağad* 'араты, посягнувшие на своего кагана' [42. С. 61—65]. К сказанному выше добавим, что в старомонгольском языке оформление первого компонента или обоих компонентов определительного сочетания имело значительные размеры и, как показывают примеры, распространялось и на прилагательные.

Второй случай — отличительная особенность огузских языков (возможно, отчасти и тувинского). Причастия на *-dığ ~ -dik* и на *-ajay ~ -äjäk*, выступающие в функции определения, присоединяют к себе аффиксы принадлежности. Объяснить появление такой особенности постоянным влиянием едва ли удастся, так как в языках, составлявших ближайшее окружение огузской группы на протяжении последнего тысячелетия, ничего подобного не обнаружено. Г. Винклер предложил в свое время оригинальную интерпретацию грамматической сущности первого компонента: азерб. *oxuduç* в сочетании *oxuduğum kitab* — не причастие, а имя действия (попеч actionis), и сочетание в целом означает не «прочитанная мною книга», а «книга моего прочтения». В соответствии с занятой позицией им предложено иное толкование и других причастий, ср.: азерб. *üstü jazılmamış məktub* не «письмо с ненаписанным адресом», а «письмо отсутствия написания адреса» [43. С. 65]. Толкования Г. Винклера являются отражением его концепции «гениativoобразного» построения исходных синтаксических структур. В самом деле, принцип «гениativoобразных» построений — основополагающий для тюркского синтаксиса, однако восприятию сочетаний типа тур. *aldığım defter* как «гениativoобразных» препятствует отсутствие совершенно необходимого для посессивных конструкций тюркских языков морфологического показателя у второго компонента. Примечательно, что в туркменском языке причастие на *-dığ ~ -dik* в составе определительных сочетаний утрачивает аффиксы принадлежности, тогда как в текстах XVIII—XIX вв. они употреблялись часто [44. С. 360]. Примечательно также отсутствие соответствующего оформления у причастия на *-dığ ~ -dik* в древнейших тюркских памятниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. N nominal//RO. 1936. 12.
- ² Щербак А. М. Заметки по исторической фонетике и морфологии киргизского языка//Восточная филология. Тбилиси, 1983. Т. 5.
- ³ Батманов И. А. Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940. Т. 3.
- ⁴ Орузбаева Б. О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
- ⁵ Баскаков Н. А. Форма глагола на *-чых// -чик ~ -чу// -чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках//Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.
- ⁶ Монгуш Д. А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.

- 7 Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- 8 Серебренников Б. А. Из истории звуков и форм тюркских языков: О происхождении форм прошедшего времени с показателем *-çuk* в тувинском и с показателем *-çu* в киргизском языке//Сов. тюркология. 1974. № 6.
- 9 Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- 10 Исключений из этого правила немного, например: *sarī* (вм. *sarū*) 'желтый', ср.: *sarūla* 'желтеть, бледнеть'. В ряде односложных слов *ɣ* изменился в *j*: *žij* 'собирать'.
- 11 Mollova M. Le futur dans un parler turc de Bulgarie//Linguistique Balkanique. Sofia, 1962. 5, 2.
- 12 Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1974.
- 13 Гаджиева Н. З. Значение ареальной лингвистики для истории тюркских языков: Реликты древнего причастия на *-(y)лы*//Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.
- 14 Алимуратов Х. Об одной форме множественности в нижнесурхандарьинском говоре узбекского языка//Сов. тюркология. 1981. № 4.
- 15 Он же. Морфология узбекских кыпчакских говоров низовья Сурхандарьи: (Имя и глагол): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1982.
- 16 Он же. Сурхондарё область Қўнғирот шеваларида кўплик категорияси//Ўзбек тили ва адабиёти. 1974. № 4.
- 17 Маматқулов А. Шеробод район желовчи шевасида сон категорияси//Ўзбек тили ва адабиёти масалалари. 1960. № 5.
- 18 Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
- 19 Ўзбек тили грамматикаси. Тошкент, 1970. Т. 1.
- 20 Афзалов Ш. Ўзбек тилининг Паркент шеваси//Ўзбек диалектологиясидан мате-риаллар. Тошкент, 1975. Т. 1.
- 21 Щербак А. М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специаль-ного лингвистического исследования//Вопр. языкознания. 1983. № 3.
- 22 Катанов Н. Ф. Хакассский фольклор. Абакан, 1963.
- 23 Дыренкова Н. П. Грамматика хакаского языка. Абакан, 1948.
- 24 Она же. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- 25 Курилович Е. О природе так называемых «аналогических» процессов//Очерки по лингвистике. М., 1962.
- 26 Ergin M. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967.
- 27 Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
- 28 Патачакова Д. Ф. Личная форма на *-сым* в диалектах хакаского языка//Языки народов Сибири. Кемерово, 1980.
- 29 Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на араб-ском языке)//Введ., лексико-граммат. очерк, пер., глоссарий, граммат. указ. Э. И. Фазы-лова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978.
- 30 Caferoğlu A. Türk dili tarihi: Istanbul, 1970. С. 1.
- 31 С фонетической точки зрения допустим и переход *r* в *s(z)*, хотя он встречается редко, ср.: фр. *chaire* (<лат. *cathedra*) — *chaise* [32. С. 150], ст.-фр. *béricle* (искажен-ное *béryl*, лат. *beryllus* <гр.) — *besicles* [32. С. 84]. Во французском языке XVI в. измене-ние *r* в *s(z)* — особенность манерного произношения куртизанок. Примеры: *mazi* (*mari*) 'муж', *pèse* (*père*) 'отец' [33. С. 274], *Pazis* (*Paris*) 'Париж', *pèze* (*père*) 'отец', *mèze* (*mère*) 'мать' [34. С. 209].
- 32 Dauzat A. et al. Nouveau dictionnaire étymologique et historique de la langue française. Paris, 1971.
- 33 Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. Paris, 1906. V. 2.
- 34 Bourciez E. Phonétique française. Paris, 1914.
- 35 Шубик С. А. Языкознание древнего Рима: История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.
- 36 Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965.
- 37 Emre A. C. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri: (ilk deneme). Istanbul, 1949. Birinci kitap: Fonetik.
- 38 Poppe N. //Oriens. 1951. 4, 1.
- 39 Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.
- 40 Mostaert A. et Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel, p. 79.
- 41 Poppe N. Ein mongolische Fassung der Alexandersage//Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1957. 107 (NF 32).
- 42 Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1984.
- 43 Winkler H. Die altaische Völker- und Sprachenwelt. Leipzig; Berlin, 1921.
- 44 Грамматика туркменского языка. Ашхабад. 1970. Т. 1.

А. П. ЮДАКИН

СУЩНОСТЬ ТЮРКСКОГО ИЗАФЕТА И СТАНОВЛЕНИЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема частей речи в тюркских языках по-прежнему остается одной из самых сложных и наименее решенных, хотя ей и посвящено немалое число исследований. Камнем преткновения являются, в первую очередь, именные части речи. В данной статье, частично затрагивающей некоторые спорные вопросы именных частей речи, основное внимание уделяется определению сущности тюркского изафета и той роли, которую изафетные конструкции играют в генезисе имени прилагательного как самостоятельной части речи. Как ни странно, но при обилии исследовательской литературы по тюркскому изафету вопрос о взаимоотношении изафетных (т. е. определительных) конструкций и имени прилагательного никогда не поднимался, хотя именно с этого, на наш взгляд, и следовало бы начать решение некоторых проблем тюркской морфологии и синтаксиса [1].

Разумеется, мы далеки от мысли дать исчерпывающий ответ на поставленные вопросы, ибо в тюркологической литературе до сих пор отсутствуют четкие критерии разграничения семантики прилагательных: не определен разряд притяжательных прилагательных, качественные и относительные прилагательные зачастую рассматриваются совместно, причем последние выделяются в особый разряд весьма осторожно (что вполне правильно). Для доказательства достаточно привести всего лишь один пример. Прилагательные с суффиксом *-lı* распределяют по нескольким разрядам: качественные (*tatlı* 'вкусный' — *tat* 'вкус'; *yaşlı* 'пожилой' — *yaş* 'возраст'), относительные (*akıllı* 'умный' — *akıl* 'ум'; *tuzlu* 'соленый' — *tuz* 'соль'), притяжательные (*çantalı adam* 'человек с портфелем' — *çanta* 'портфель') [2. С. 140, 76], хотя и допускается, что этот аффикс формирует значение принадлежности [2. С. 73]. Очевидно, что в этом случае нарушается основание для деления прилагательных на разряды: все они произведены от существительных с помощью одного и того же аффикса и, кроме слова *çantalı*, однотипны. Между тем категориальная принадлежность имени прилагательного мотивируется производящей основой: ср. рус. *послушный* (качественное прилагательное, соотносимое с глаголом *слушаться*) и *железный* (относительное прилагательное, произведенное от сущ. *железо*), образованные посредством суффикса *-н*. С этой точки зрения прилагательные с аффиксом *-lı* следует определять как качественно-притяжательные.

Исследователь испытывает еще большие затруднения, если в одной форме происходит совпадение имени прилагательного с наречием (что

характерно для тюркских языков), а иногда и с существительным (уйгур. *чоңкур* 'глубокий', 'глубоко', 'яма') (ср., например: [3. С. 314; 4]).

При разграничении разрядов прилагательных следует учитывать, что строй тюркских языков, в котором категория принадлежности занимает важное место, препятствует распространению относительных прилагательных, вследствие чего их удельный вес в структуре тюркского имени прилагательного невелик. Вообще, употребление прилагательных в тюркских языках до известной степени ограничено. Это объясняется тем, что «первые члены изафетной конструкции в тюркских языках могут иметь значение прилагательных, хотя по форме они остаются существительными» [6. С. 113]. Категория принадлежности манифестируется на различных уровнях языка: на лексическом образует определенное число наречий или наречеобразующих аффиксов (узб. *бу кун* 'в этот день', *хар кун* 'ежедневно', тур. *akşamlağı* 'по вечерам', *sabahlağı* 'по утрам'), на морфологическом передает различные атрибутивные отношения (изафет), на синтаксическом формирует развернутые конструкции, соответствующие придаточным предложениям индоевропейских языков [7. С. 33—35].

В тюркологии изафетом называют определительные словосочетания, состоящие из двух существительных, которые, по законам грамматики тюркских языков, взаимодействуют между собой, причем первое существительное определяет второе. При необходимости выразить большее число определений составляются изафетные цепочки (примеры см. у С. С. Майзея [8. С. 138 и след.]). По структуре (т. е. по характеру морфологического оформления) различают три типа изафетных конструкций: изафет I типа — морфологически неоформленный (модель $N+N$); в изафете II типа стержневое существительное получает аффикс принадлежности, изменяющийся по закону гармонии гласных и имеющий два варианта: *-si* после гласного, *-i* — после согласного звука основы (модель $N+N+si/i$); в изафете III типа морфологически оформлены оба существительных: первое получает аффикс родительного падежа, второе — тот же аффикс принадлежности (модель $N+in+N+si/i$).

Существуют две противоположные точки зрения на структуру изафетной конструкции: 1) двухаффиксный изафет развился из морфологически неоформленного словосочетания ($N+N$) [9. С. 21; 10. С. 50; 5. С. 223—228; 8. С. 51]; 2) двухаффиксный изафет редуцировался в морфологически неоформленное словосочетание [11. С. 15—23; 12]. Наиболее последовательно вторая точка зрения изложена у Н. А. Баскакова. Теоретически она имеет право на существование, тем более что аналогичные процессы можно было бы усмотреть и в индоевропейских языках. Например, иранские языки, если рассматривать их состояние от древнейшего до современного, характеризуются эволюцией изафетных конструкций в грамматической структуре языков. В дополнение к приводимым в тюркологической литературе возражениям против этой концепции мы приведем еще одно. С точки зрения типологической, концепция эволюции двухаффиксного изафета в безаффиксный в некотором смысле уязвима: в иранских языках распространение изафетных конструкций, по всей вероятности, связано с разложением падежной системы и исчезновением родительного падежа, между тем как в тюркских сокращения падежной системы и функции родительного падежа не наблюдается. Наоборот, в тюркских языках отмечается примат категории принадлежности по отношению к остальным морфологическим и синтаксическим категориям, что, безусловно, поддерживает стабильность генитивных конструкций и, следовательно, изафета. Если

все же наблюдается разрушение III и II типов изафета [8. С. 178—184], то это обусловлено рядом других причин, и, прежде всего, — генезисом некоторых разрядов прилагательных. «Исследование изафетных словосочетаний з орхонских и древнеуйгурских памятниках показывает, что изафет I и II типов ко времени возникновения этих памятников, т. е. в период между VII—X вв., имел уже достаточно богатую и развитую систему значений, свидетельствующую о значительном историческом пути, пройденном словосочетаниями этих типов. Изафет III типа имеет очень бедную семантическую структуру. Все это дает основание признать правильность мнения ряда тюркологов о том, что историческая последовательность развития изафета в тюркских языках должна быть такой: I изафет → II изафет → III изафет» [13. С. 23].

Если подобное утверждение справедливо (а мы это с необходимостью признаем), то можно спросить: в силу какой необходимости возник изафет II, и особенно изафет III, тем более что в общем случае они оба передают значение принадлежности. Ответ на этот вопрос дает исследование семантики изафетных конструкций в диахронии. Как уже отмечалось, большой удельный вес в строе тюркских языков категории принадлежности стимулировал эволюцию изафета, в результате чего произошло становление родительного падежа [14]. Согласно одной из точек зрения [15], для тюркских языков характерно упрощение системы склонения существительных и орудийного падежа: направительный падеж на *-а* формирует дательный, на основе орудийного на *-ын/-ин* развивается родительный падеж, сокращается число лативов [6. С. 77—89]. Возможно, эти процессы отражены в якутском языке, в котором нет родительного падежа, но возможен изафет с аффиксом *-ын*. Но тогда прав В. В. Радлов, отмечавший совпадение окончания родительного падежа с аффиксом принадлежности [16. С. 61].

«Изафет представляет собой такую определительную группу, в которой определяемое, являясь всегда субстантивом, характеризуется с точки зрения принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему» [9. С. 19]. Большинство тюркологов, исследовавших изафет, выделяют в его семантике два момента: передачу относительного признака и принадлежности; ср.: тур. *taş duvar* 'каменная стена' (I тип изафета); *türk dili* 'турецкий язык' (II тип), *Ahmedin kitabı* 'книга Ахмеда' (III тип). Качественный признак передают имена прилагательные: тур. *güzel kız* 'красивая девушка'. Уже это простое сопоставление опровергает мнение тех ученых, которые считают препозитивное имя в изафете прилагательным. Правильнее сказать, что это имена существительные в определительной функции: ведь не утверждают же исследователи, что в русских выражениях *зверь-баба* и *яйцо всмятку* слова *зверь* и *всмятку* — прилагательные. Более чем очевидно, что это соответственно — существительное и наречие в атрибутивной функции.

Язык не терпит лексических дублетов, а потому грамматические варианты довольно быстро расходятся в значении и за новым значением закрепляется новая форма. В ранних тюркских языках — древнесугзском (или орхонском) и древнеуйгурском I тип изафета имеет большое распространение и часто употребляется в тех случаях, когда в современных тюркских языках используется изафет II или III [13]: *taş bärk* 'каменное здание' — I тип изафета в типичной для него функции относительного прилагательного; *türk budun* 'тюркский народ', *kyrgyz budun* 'народ кыргызов' — изафет I обозначает национальную принадлежность, конкурируя со II типом изафета (ср.: *türgiś kaγanu* 'каган

тюркешей', *kyrgyz kanu* 'кыргызский хан'). I тип изафета в древности употреблялся в тех случаях, когда в современных языках используются суффиксальные прилагательные: ср.: древнетюрк. *bitig taş* 'камень с надписью' и азерб. *jazyly daş* — в том же значении. Думается, возникновение аффиксных изафетов и суффиксальных прилагательных обусловлено дифференциацией значения безаффиксного изафета.

Столь же очевидно, что как средство дифференциации значений II типа изафета возник изафет III, который в раннетюркских письменных памятниках употребляется редко и имеет еще очень бедную семантическую структуру. Различие одно- и двухаффиксного изафетов идет по линии передачи абстрактной (тип II) и конкретной (тип III) принадлежности. На основании примеров из памятников средневековой письменности можно сделать вывод, что изафет II типа используется для обозначения абстрактной и конкретной принадлежности, в то время как изафет III типа — преимущественно для указания на принадлежность конкретному лицу: изафет II—*türk taŋgrisi* 'бог тюрков', *baj ar konu* 'овца богача' (любого богача и конкретного, указанного в тексте); изафет III—*çigüng oğlu* 'сын чура' (данного). Индивидуализация зависимого компонента в его отношении к стержневому достигается посредством приемного родительного падежа.

Таким образом, издревле изафет I употребляется в основном для передачи относительного признака имени существительного и частично отношений принадлежности; изафет II служит главным образом для передачи отношений принадлежности — абстрактной и конкретной; исходным значением изафета III типа является передача принадлежности конкретному лицу. Сужение семантики изафета в связи с усложнением его структуры указывает на то, что развитие его форм происходило в направлении от безаффиксного изафета к двухаффиксному и каждая последующая форма возникла как средство дифференциации одного из значений предыдущей формы. Мы покажем, что распространение суффиксальных прилагательных осуществлялось параллельно развитию изафета и под его влиянием и что распространение изафетных конструкций стимулирует в тюркских языках становление относительных и притяжательных прилагательных, дифференцирующих именно те значения, которые были присущи трем типам изафета (качественный признак передают прилагательные).

Рассмотрим вторую проблему. Если мы предположили взаимодействие изафетных конструкций и прилагательных, то следует признать, что значение трех типов изафета с необходимостью трансформируется, так как некоторые их функции переходят к прилагательным, приспособленным именно для выражения признака предмета. В сочетаниях $N+N$ определяемое выражает признак предмета, им обозначаемого. Но ведь этот признак может быть отвлечен от предмета и зафиксирован в морфологических формантах. Выигрыш здесь в том, что аффикс вычленяет ряд предметов из множества других на основании какого-либо одного признака. Совокупность аффиксов, дифференцирующих некоторое множество понятий, служит для различения ряда грамматических категорий. Таким путем, помимо всего прочего, создается возможность избежать грамматической омонимии. Так, в русском языке суффикс *-н*, образуя относительные прилагательные от существительных (*железо* > *железный*, *книга* > *книжный*), противопоставляет их другим именам. Следовательно, он образует от ряда существительных имена прилагательные и относительные, чем отличается от суффикса *-лив*, с помощью которого от глаголов образуются имена прилагательные качественные (*болтать* > *болливый*, *смешить* > *сmeshливый*). Суффикс

-н в системе с другими адъективными суффиксами формирует в русском языке имя прилагательное как часть речи. Различие между I типом изафета тюркских языков и именем прилагательным индоевропейских языков можно проиллюстрировать следующими русскими примерами: *золото-мальчик* и *золотой мальчик*. Первое словосочетание по функции сходно с I типом изафета. Здесь отождествляются два имени, и это отождествление (по правилам синтаксиса языка) формирует в сознании человека признак предмета или лица. При большей специализации понадобятся другие (лексические или морфологические) средства: как *золото*, *подобный золоту*, *золото—золотой—золотистый* и т. п. Тур. *gül uapak* 'роза-щеки' неточно интерпретируют как 'розовые щеки', хотя турецкому языку известен принцип специализации признака с помощью лексических и грамматических средств: *gül rengi uapak* 'щеки цвета розы', *gül gibi güzel uapak* 'красивые, как роза, щеки' и другие теоретически возможные варианты. Лексический (описательный) способ передачи признака рано или поздно дает начало морфологическим (более абстрактным) средствам передачи признаков предмета, что позволяет сопоставить самые разные предметы на основе различных признаков — ср.: тур. *türk dili* 'турецкий язык' (изафет II типа) и уйгур. *уйгурчэ тил* 'уйгурский язык' (суффиксальное прилагательное) [17. С. 9, 11]. Разумеется, с помощью трех типов изафета тюркских языков можно выразить все богатство морфологических средств, например, индоевропейских языков, но для специализации признаков предмета их явно недостаточно. Поэтому в тюркских языках происходит дальнейшее формирование имени прилагательного и постепенное семантическое переоформление изафетных конструкций, а в некоторых случаях даже замена их прилагательными.

Исследователи давно обратили внимание на изменение семантики изафетных конструкций. Относительно семантики изафета I типа споров меньше: первый член изафета признают либо существительным либо прилагательным. Значительные затруднения возникают при определении семантики одноаффиксного и двухаффиксного изафетов. Н. К. Дмитриев был склонен считать, что изафет II и изафет III составляют корреляцию по признаку неопределенность—определенность [5. С. 226]. Такой взгляд был вызван, скорее всего, неопределенностью семантических границ изафета II. Э. В. Севортян демаркационной линией между категорией принадлежности (азерб. *евим* 'мой дом') и изафетом II (азерб. *эдәбијјат институту* 'институт литературы') считает обозначение соответственно отношений личной принадлежности и общей — неличной [18. С. 43], а С. С. Майзель — выражение эвентуальной (потенциальной) (тип II) — тур. *kadın şarkası* 'шляпа женщины', 'женская шляпа' и фактической, или реальной (тип III), — тур. *kadının şarkası* 'шляпа женщины' [8. С. 31]. В другом месте автор точнее определяет одноаффиксный изафет как релятивный, а двухаффиксный — как посессивный [8. С. 24, 30]. В целом эта точка зрения верна, и нам остается понять некоторые нюансы. Изафет III в тех тюркских языках, где он получил наибольшее распространение, часто совмещает в себе функции изафета II и III древности: он обозначает абстрактную и конкретную принадлежность, а также в рамках конкретной принадлежности противопоставляет имена по признаку определенности — неопределенности: тур. *kadının şarkası* 'шляпа женщины', *şarkanın beyazlığı* 'белизна шляпы', *aşkın kuvveti* 'сила любви'. Изафет II типа в современном турецком языке выражает преимущественно относительный признак предмета или близкие к нему отношения между предметами: тур. *kadın şarkası* 'женская шляпа', *güneş ziyası* 'солнечный свет' и т. п. Фактиче-

ски он вторгся в область функционирования прежнего безаффиксного изафета. С. С. Майзелем отмечены случаи морфологического упрощения словосочетаний, «которые имеют в качестве первого члена арабское существительное и раньше строились по типу изафета $Co+M_1$ (т. е. по типу II. — А. Ю.) либо как сочетания адъективированного арабской „йотой относительности“ первого же члена со вторым членом — существительным все чаще и чаще строятся по типу изафета $Co+Mo$ » (т. е. по типу I.—А. Ю.): *Şimal İtalya* вместо *Şimal İtalyası* или *Şimalî İtalya* ‘Северная Италия’ [8. С. 182; 19]. Эти и другие случаи перехода одноаффиксного изафета в безаффиксный свидетельствуют об увеличении адъективирующей роли первого члена изафетной конструкции, что возможно лишь при условии взаимодействия изафета и имени прилагательного и возникновения новых разрядов прилагательных на основе изафетных конструкций. Но и с учетом указанных тенденций мы не вправе называть первый член изафета I типа прилагательным, — это существительное в атрибутивной функции.

Современные тюркские языки дают немало примеров, свидетельствующих об усилении адъективирующей функции существительного в изафете III типа. Это вполне закономерно, так как в структуре изафета III налицо семантическое противоречие: родительный падеж препозитивного имени обозначает принадлежность, афф. -і второго имени указывает на относительный признак первого (ср., например, *kadın şarkası* и *kadının şarkası*). Логическое противоречие изафета III может быть устранено посредством совмещения препозитивного имени двух значений, выражаемых изафетом III типа, что вполне возможно: ср. рус. *отец—отца—отцов—отцовский* (прилагательное выражает принадлежность и относительный признак). Процесс устранения логического противоречия в структуре и значении изафета III может осуществляться по следующим направлениям: 1) появление аффиксальных прилагательных, дублирующих то или иное значение изафета; 2) совмещение обоих значений изафета в первом имени путем присоединения аффикса и опущения реляционного аффикса (исторически — аффикса принадлежности) у второго члена изафета [20]. В современных тюркских языках протекают оба процесса, что служит доказательством общности судеб изафета и имени прилагательного. Указанный турецкий пример предстанет в следующем виде: *kadının şarkası* → 1) *şarkalı kadın*; 2) *kadınınkı*.

Оба варианта употребительны в турецком языке, но для второго характерно субстантивное и предикативное употребление [22]. В ряде тюркских языков сформировались притяжательные местоимения, употребительные как в атрибутивной, так и в предикативной функции: тат. *минеке кыз* ‘моя дочь’, *кыз минеке* ‘дочь моя’, *минеке* ‘моя’, принадлежащая мне’ (например, книга) [18. С. 39—40]. В диалектах татарского языка встречаются формы притяжательных местоимений с наращением аффикса принадлежности у формы на -ки: *сез-нең-ке-се кыз* ‘ваша дочь’ [23. С. 170]. Тюркский аффикс -lık/-lik в некоторых языках специализируется для образования относительных прилагательных: в киргизском языке образованные с его помощью прилагательные употребляются параллельно изафетной конструкции: *америка империализмы* (изафет II типа) — *америкалик империализм* ‘американский империализм’, *американын газетасы* (изафет III типа) — *америкалык газета* ‘американская газета’. Таким образом, постепенное разложение и элиминация изафета III (иногда и II) типа

сопровождается интенсивным формированием в тюркских языках некоторых разрядов прилагательных, прежде всего притяжательных (в ряде языков и относительных). На наш взгляд, два аффикса претендуют на роль универсального показателя имен прилагательных тюркских языков [24]: *-li*, который в четырех вариантах (по закону гармонии гласных), присоединяясь к именам существительным в основном падеже, образует преимущественно притяжательные и притяжательно-относительные прилагательные (при исходном значении принадлежности этого аффикса), и *-ki*, который от существительных в форме родительного падежа образует имена (преимущественно субстантивированные) со значением принадлежности (при исходном атрибутивном значении этого аффикса).

Универсальность этих аффиксов заключается в том, что они образуют прилагательные практически от любого имени, а аффикс *-ki// -gi* — еще и относительные прилагательные, как правило, — от существительных, обозначающих пространство и время, непосредственно (тур. *sabahki* 'утренний' < *sabah* 'утро'; *geceki* 'ночной' < *gece* 'ночь'; *öteki* 'находящийся на той стороне' < *öte* 'та сторона'; тат. *алдагы көз* 'будущая осень'); прочие существительные присоединяют аффикс *-ki* не непосредственно, а к форме местного падежа (тур. *ev-de-ki adam* 'находящийся в доме (дома) человек'; *dolar-ta-ki kitaplar* 'находящиеся в шкафу книги'). Аффикс *-лы// -ле* в татарском языке присоединяется даже к парноантонимным прилагательным: *аклы* 'белый' — *каралы* — 'черный' [23. С. 193].

Теперь определим роль родительного и местного падежей в формировании разрядов притяжательных и относительных прилагательных.

Производные прилагательные сохраняют некоторые особенности, свойственные тюркским прилагательным, и употребляются без изменения формы в адverbиальной функции, так как наречие тюркских языков не выработало свой аффиксальный фонд, отличающий его от имени прилагательного (ср., например, уйгур. *кәһриманча* 'геройский', 'геройски'). Впрочем, некоторые производные качественные прилагательные в позиции приименного и прилагольного определения различаются ударением: тур. *sıkça orman* 'довольно густой лес'; *sıkça gelmek* 'часто приходит'.

Следовательно, выработанные в процессе развития тюркских языков специальные определительные конструкции, известные под названием *изафета*, взаимодействовали между собой и с именем прилагательным, в результате чего изменялось значение *изафетных* конструкций и происходило становление производных прилагательных. В общем случае строй тюркских языков, в которых особое значение приобрела категория принадлежности, способствует становлению притяжательных и в меньшей степени относительных прилагательных. Но в формировании прилагательного как части речи участвуют и заимствованные элементы. Как правило, они составляют разряд относительных прилагательных. В тюркских языках сохраняется значительное число прилагательных, образованных по правилам грамматики арабского языка с помощью суф. *-î* (после согласных основ) и *-vî* (после гласных основ): ср. тур. *tarihi* 'исторический' < *tarih* 'история'; *senevî* 'годовой'; *sene* 'год'. В турецком языке есть иранские заимствования, образованные с помощью суффикса *-(y)i*, существует и ряд прилагательных, образованных по этой модели от турецких слов (что уже само по себе знаменательно): *nefti* 'темно-зеленый' < перс. *neft* 'нефть'; *armudî* 'грушевидный' < перс. *armud* 'груша'; *samanî* 'цвета соломы' < *saman* 'солома'; *demirî* 'цвета железа' < *demir* 'железо'. Имеется ряд заимствований из

французского языка, в том числе оканчивающихся на -i (burgiazi 'буржуазный' и т. п.). В целом заимствованных прилагательных, оканчивающихся на -i, в лексическом фонде тюркских языков сравнительно немного, но, по всей вероятности, они составляют систему с тюркскими прилагательными на -i, а также с аффиксом -ki (который к тому же лишь частично подчиняется гармонии гласных) и одним из вариантов аффикса принадлежности (dost sesi 'дружеский голос'). Эта система — изафет, исконные и заимствованные прилагательные — и видоизменяет семантическую структуру имени прилагательного в тюркских языках. Основанием системы является обозначение относительного признака предмета, по нашим предположениям, развивающегося у имени прилагательного.

Формирование имени прилагательного в тюркских языках осуществляется самобытными путями, совсем не так, как например, в кавказских, но здесь можно выделить несколько моментов, характерных для эволюции прилагательного и в кавказских языках: участие локативов в становлении абстрактных падежей и имени прилагательного (орудийный → родительный, направительный → дательный, местный падеж → имя прилагательное), особая роль генитива в эволюции системы прилагательного, дублирование одних аффиксов другими, близкими по значению, например, при образовании притяжательных местоимений (частично притяжательных прилагательных — преимущественно в разговорной речи и диалектах).

Итак, в некоторых современных тюркских языках наблюдается разрушение изафетных конструкций, особенно изафета III типа. Изменение семантики изафета, ослабление его аффиксального режима, вероятно, обусловлено взаимодействием изафетных конструкций и имени прилагательного, становлением в тюркских языках морфологически оформленных притяжательных и относительных прилагательных, а также притяжательных местоимений. В древности изафетные конструкции, выполнявшие функции относительных (главным образом изафет I) и притяжательных прилагательных (изафет II и III), смогли повлиять на становление родительного падежа существительных. В современных тюркских языках противоположная тенденция: на основе родительного падежа существительных происходит формирование притяжательных прилагательных и местоимений (тур. kadın-in-ki 'женский', 'принадлежащий женщине', biz-im-ki 'наш', 'принадлежащий нам').

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк: (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969.

² Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

³ Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

⁴ См. довольно широкое определение Н. К. Дмитриева для группы слов, выражающих понятие качества, — «прилагательно-существительно-наречие» [5 С. 81].

⁵ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

⁶ Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

⁷ Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности: (на материале турецкого языка) // Сов. тюркология. 1973. № 1.

⁸ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.

⁹ Гаджиева Н. З. Природа изафета в тюркских языках // Сов. тюркология. 1970. № 2.

- ¹⁰ Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.
- ¹¹ Баскаков Н. А. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках//Сов. тюркология. 1971. № 4.
- ¹² Боровков А. К. Природа турецкого изафета//Академику Н. Я. Марру XLV. М.; Л., 1935.
- ¹³ Аракин В. Д. К истории изафета в тюркских языках//Тюркологические исследования. М., 1976.
- ¹⁴ Юдакин А. П. Определенные и неопределенные прилагательные//Вопр. языкознания. 1979. № 6.
- ¹⁵ Гипотеза не во всем кажется убедительной, так как аффиксом родительного падежа служил формант *-ын//иң, -ың//иң*, но это требует дополнительных объяснений. Вероятно, становление генитива происходило под влиянием латива на *-га//гә* (ср., например, окончания родительного падежа существительных в узбекском языке).
- ¹⁶ Radlof W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Спб., 1897.
- ¹⁷ Насилов В. М. Имена в уйгурском языке//Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
- ¹⁸ Севортян Э. В. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. 2.
- ¹⁹ С. С. Майзель приводит прекрасный, по его словам, пример ослабления аффиксального режима изафета: *dost bir ses* 'дружественный голос' вместо *dost ses* или *dostun ses* [8. С. 182].
- ²⁰ По свидетельству В. М. Насилова, второй путь становления прилагательных с помощью аффикса *-лык//лик*, присоединяемого к родительному падежу имени, известен из древних памятников [21. С. 35].
- ²¹ Насилов В. М. Аффиксы включения//Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
- ²² Это явление на общеалтайском материале исследовано В. Котвичем [1. С. 117—123].
- ²³ Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- ²⁴ Конечно, в общем случае, потому что указанные процессы в различных тюркских языках протекают неравномерно.

А. Б. ДЖУРАЕВ

АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

Термин «ареальная лингвистика» учеными употребляется в разных значениях — его отождествляют с: а) неолингвистическим учением итальянских языковедов [1—3; 4. С. 112—114; 5. С. 3—16; 6. С. 519—533; 7. С. 256; 8. С. 217—218 и др.]; б) лингвистической географией [9; 10. С. 16, 25—26; 11. С. 3—4; 12. 121; 13. С. 5; 14. С. 150—151] и в) учением о языковых союзах [15. С. 1; 16. С. 135—147; 17. С. 7—8 и др.].

В последние годы в СССР все прочнее завоевывает свои права четвертая — синтетическая концепция ареальной лингвистики, выдвинутая проф. М. А. Бородиной. В содержательном плане эта концепция, в некоторой степени охватывая атрибуты предыдущих концепций, превосходит их тем, что проникнута эволюционным развитием ареальных знаний.

М. А. Бородина считает, что ареальная лингвистика представляет собой последовательное развитие диалектологии, лингвистической географии и ареалогии [18. С. 7—9; 19], причем лингвистическая география выступает как «техника» диалектологии, как промежуточное звено между диалектологией и ареалогией, хотя и имеет особый предмет исследования (все статусы языка, кроме литературных). «Современная диалектология не мыслится вне картографирования (если таковое возможно в какой-то мере, что зависит от степени сохранности диалекта). Однако картографирование имманентно приводит к ареалогизированию, т. е. к проведению изоглоссы. Ареал и изоглосса — два основных понятия ареалогии» [23. С. 21].

Ареальная лингвистика как самостоятельное направление языкознания исследует лингвистическое пространство: его структуру, особенности формирования и закономерности развития, а также строит собственную (ареальную) классификацию языков и диалектов. При этом она сочетает в себе элементы диалектологии, лингвистической географии и ареалогии, каждая из которых, изучая лингвистическое пространство, фиксирует свой объект по определенному и ограниченному списку признаков из бесконечного их множества, свойственных лингвистическому пространству. Термины и понятия этих дисциплин, взаимодействуя между собой, образуют своеобразную плеяду.

Такое понимание ареальной лингвистики означает, что истоки ареальных знаний в лингвистике восходят к первым диалектологическим пробам, которыми характеризуется начальный — эмпирический этап ареальной лингвистики, когда происходила фиксация и описание местных особенностей языка без каких-либо обращений к ретроспективе и перспективе.

Ф. де Соссюр писал: «Географическое разнообразие языков — вот что констатировала лингвистика прежде всего; это предопределило первоначальное направление научных изысканий в области языка уже у греков; правда, греки обратили внимание только на различия, существовавшие между различными эллинскими диалектами, но это объясняется тем, что их интересы вообще не выходили за пределы самой Греции» [24. С. 227].

На территориальные различия, существовавшие внутри того или иного языка, обращали внимание и в древности, и в средневековье, в странах как Востока, так и Запада (напомним классификацию средневековых тюркских племенных диалектов, предложенную М. Кашгарским в XI в. [25. С. 66—69], классификацию французских диалектов на *langue d'oïl* и *langue d'oc*, предложенную поэтом Bernat d'Auriac в 1284 г., а также попытку классификации английских диалектов, предпринятую Trevisa в 1387 г. [26]).

Но, как справедливо отмечали Й. Чамберс и П. Трудгилл, «до второй половины XIX столетия характеристики диалектных ареалов были интуитивны и случайны» [27. С. 16].

Систематизация диалектологических штудий началась в недрах германского языкознания — этому способствовало зарождение и развитие сравнительно-исторического языкознания в Германии, а также деятельность школы младограмматиков. Идеи младограмматиков сыграли определенную роль и в переходе к следующему этапу ареальных исследований — лингвистической географии [29].

В конце XIX—начале XX в. лингвистическая география получила значительное развитие во Франции и Германии, особенно с появлением лингвистических атласов Ж. Жильерона [31] и Г. Венкера [33]. С тех пор было создано более двух сотен лингвистических атласов. Атласированию было подвергнуто большое количество языковых массивов, причем некоторые из них атласировались с различными целями, с различным охватом, в разное время и по несколько раз (французский, немецкий, голландский, румынский, польский, испанский, японский, итальянский, украинский, эстонский и некоторые другие).

Начало теоретических разработок проблем лингвистической географии принято связывать с работами М. Бартоли [1—3]. Неолингвистическое (ареальное) учение М. Бартоли имело много общего с теоретическими воззрениями Ж. Жильерона, Г. Шухардта, И. Шмидта и А. Шлейхера. Неслучайно его диахроническая направленность была связана с проверкой основ сравнительно-исторического языкознания. Время выявило слабые и сильные стороны этого учения [35. С. 95—108; 4. С. 112—115; 5. С. 5; 12. С. 129—133; 6. С. 519—522]. Ареальная теория М. Бартоли, с одной стороны, переоценивая роль экстралингвистических факторов, ревизовала основы сравнительно-исторического языкознания, а с другой, — внося ряд уточнений в теорию лингвистической географии, стимулировала рост лингвогеографических исследований, способствовала поискам закономерностей лингвистического пространства. Эволюция ареальных знаний в лингвистике привела все же к интеграции приемов ареальной лингвистики и сравнительно-исторического языкознания, термин «ареальная лингвистика» утратил свое первоначальное значение и, как справедливо писала О. Н. Мораховская, «стал термином с широким объемом значения, включающим самые разнообразные исследования языков и диалектов в пространстве — и в описательном, и в историческом аспектах» [22. С. 106].

В СССР лингвогеографическим исследованиям уделяется особое внимание. В советский период были изданы диалектологические атласы

русского, еврейского (на территории СССР), белорусского, украинского, болгарского (на территории СССР), молдавского языков, а также «Карпатский диалектологический атлас», включающий говоры разносистемных языков — украинского, молдавского и венгерского. Продвинулась работа по подготовке «Общеславянского лингвистического атласа» и «Диалектологического атласа тюркских языков». Ведется интенсивная работа и по составлению диалектологических атласов конкретных тюркских языков: азербайджанского, башкирского, киргизского, казахского, каракалпакского, татарского, туркменского и узбекского. Интерес к лингвистическому картированию и атласированию в СССР все возрастает. Об этом свидетельствует и проведение специальной конференции на тему: «Проблемы атласной картографии» (Уфа, 28—30 января 1985 г.).

За лингвистическим картированием закономерно следует интерпретация лингвистических карт. Интерпретация и сопряженный анализ лингвистических (диалектологических) карт, а также картографическое моделирование (ареалогизирование), начатые еще Ж. Жильероном, годняли ареальный поиск на новую ступень развития. Изменение онтологической специфики объекта при метакартографировании имплицитно признается почти всеми лингвистами, поэтому лингвистическое метакартографирование часто именуется новой фазой, новым этапом лингвистической географии, и это неслучайно: если лингвистическая география по своей сути является фактографической дисциплиной, то ее новый этап, названный М. А. Бородиной ареалогией [36], имеет дело с ареалом, который понимается как фрагмент структуры лингвистического пространства, отождествляемый с познавательными конструкциями в виде картографических моделей.

Развитие ареальных исследований, сопровождаемое приращением нового знания, связано с процессами обобщения, выработкой все более обобщенных форм выражения знания. При этом в структуре ареального знания все основательнее становится выделение определенных этапов обобщения в виде субординированной системы (диалектология→лингвогеография→ареалогия), в которой каждый этап в снятом виде включает в себя знания предыдущего этапа. Переход на новый этап обобщения сопровождается уточнением существующих и формулировкой новых понятий, которые включаются в теоретическую концепцию ареальной лингвистики.

По предмету исследования ареальную лингвистику можно подразделить на общую и таксономическую части. Общая ареальная лингвистика — составная часть науки о лингвистическом пространстве — связана с построением дедуктивных моделей ареальных процессов. Теоретическая компонента ареальной лингвистики, таким образом, противопоставляется области эмпирического знания, включающей сбор, обработку фактического материала с построением индуктивных моделей. Основная задача общей ареальной лингвистики — разработка и совершенствование моделей большей степени общности — законов и теорий.

Таксономическая ареальная лингвистика занимается исследованием конкретных лингвистических таксонов, тенденций их формирования, процессов развития и самобытности. Как увязать таксономические исследования с общетеоретическими? Путь к преодолению этой трудности видим в правильном соотношении «уникального» в таксономической ареальной лингвистике с «универсальным» в общей ареальной лингвистике.

Таксономическая ареальная лингвистика по характеру изучаемых таксонов подразделяется на две части: 1) ареальное изучение гетеро-

генных таксонов (через описательную контактологию к контактологии более высокого уровня с использованием приемов лингвогеографии и ареалогии); 2) ареальное изучение гомогенных таксонов (диалектология, лингвогеография, ареалогия).

Схема членения ареальной лингвистики имеет следующий вид:

Объективное развитие ареальных исследований различных языков и диалектов диктовалось процессами интеграции и обобщения ареальных знаний, которые с неизбежной необходимостью привели затем к образованию целостной концепции ареальной лингвистики; поскольку становились более или менее ясными предмет и задачи ареальной лингвистики и ее внутреннее строение и шел процесс складывания ее понятийного языка с определенным кругом исследовательских методов и приемов, возникла потребность в выработке общей ареальной лингвистики. Однако аспекты, элементы и связи общей ареальной лингвистики, которые составляют ее содержание и структуру, еще не определены, хотя теоретическая компонента ареальной лингвистики, которая дала бы возможность не только увязать разрозненную груду накопленных научных фактов, но и объяснить их и предсказать новые, еще неизвестные закономерности лингвистического пространства, просматривается на всех этапах ее истории. Достаточно вспомнить теорию волн И. Шмидта—Г. Шухардта [37. С. 15—25; 38. С. 259—276], идеи разработки универсальной типологии лингвистических ареалов М. Бартоли [1], теорию К. Санфельда—Н. Трубецкого о языковых союзах [39; 40. С. 17—18], теорию субстрата Б. Террачини [41. С. 321—364], теорию В. М. Жирмунского о первичных и вторичных диалектных признаках и «полудиалекте» [42. С. 496; 43. С. 70—76; 44. С. 389; 45. С. 79—119; 46. С. 41—43], теорию диалектного языка и диалектных различий Р. И. Аванесова [47. С. 7—28; 48. С. 3—9], концепцию ареальной лингвистики, разработанную М. А. Бородиной [49. С. 30; 50. С. 7—25], учение Н. З. Гаджиевой о «дистинктивных признаках» [13. С. 240—245] и др.

В последние годы в связи с интенсивным и целенаправленным изучением различных языковых массивов и усилением работ по анализу материалов лингвистических атласов существенно уточнились представления о путях создания общей ареальной лингвистики. К числу важнейших особенностей современных ареальных идей в советском языкознании следует отнести не только известную их выводимость из обобщения громадного фактического материала (Н. З. Гаджиева, Г. Ф. Благоева, Т. М. Гарипов), но и построение с привлечением дедуктивно постулируемых положений (М. А. Бородина, К. А. Кристя), а также междисциплинарный характер, проявляющийся во взаимоувязке и согласовании факторов, определяющих разнотипные и разномасштабные ареальные процессы (Н. И. Толстой). Отмеченные особенности теоретической мысли можно считать непосредственным следствием современной научной парадигмы, выдвинувшей на передний план новые проблемы и задачи, которые не могли быть решены в рамках традиционной диалектологии и лингвогеографии.

Что же касается таксономической ареальной лингвистики, то следует сначала уточнить понятия, которыми мы оперируем в ареальных исследованиях, — «лингвистический таксон» и «лингвистическое таксонирование».

Лингвистический таксон (в таксономической ареальной лингвистике) есть диалектно-языковой комплекс — операционная ареальная система с выраженной индивидуальной структурой, сформировавшаяся в специфических условиях (географическое положение, воздействие окружения, история развития и т. п.).

Лингвистическое таксонирование (в таксономической ареальной лингвистике) есть иерархическая дискретизация лингвистического пространства.

Для чего необходимо лингвистическое таксонирование, какие цели оно преследует? Цели здесь могут быть эвристическими, научно-познавательными — изучение лингвотерритории как определенного комплекса или группы комплексов, их структуры, особенностей и закономерностей пространственных различий. Таксонирование может предприниматься также с целью более логичной группировки лингвоареальной информации, например, для последовательного изложения результатов регионального исследования тюркских языков Средней Азии, Кавказа, Сибири и т. д., что уже, кстати, осуществляется в тюркологии [51].

Следующую группу проблем лингвистического таксонирования составляют вопросы методологического характера. Следует отметить, что объектом лингвистического таксонирования служат иерархически соподчиненные индивидуальные ареальные системы различных величин и значимости.

Установив объект таксонирования, следует определить принципы выявления диалектно-языковых комплексов (таксонов), проведения границ между ними, проанализировать географические и историко-культурные факторы, формирующие особенности этих участков, выявить причины их обособления, исследовать процессы развития и т. д. При этом придется, может быть, не один раз углубляться в изучение некоторых важных частных и в то же время не упускать из виду целостность картины пространственной дифференциации диалектно-языковых комплексов (таксонов) с тем, чтобы мозаика подробностей и деталей не отвлекала внимание от соподчинения дробных единиц, поскольку каждая из них как часть более крупной ареальной системы существует и развивается на ее фоне, а специфика их не может быть понята без учета места и роли в более крупной ареальной системе. Итак, общая ареальная лингвистика изучает лингвистическое пространство в целом, общие закономерности и дифференциации лингвистического пространства, его структуру и развитие. Таксономическая ареальная лингвистика изучает диалектно-языковую среду конкретных территорий в разных таксономических рангах — от крупных регионов (Кавказ, Сибирь, Средняя Азия и т. д.) до малых диалектных зон (Хорезм, Верхняя Кашкадарья и т. д.).

Теоретические концепции и закономерности, изучаемые общей ареальной лингвистикой, находят конкретное воплощение в таксономических исследованиях, которые, в свою очередь, служат для проверки соответствия теоретических положений реальности и для накопления материала как основы для теоретических построений.

Разделение ареальной лингвистики на общую и таксономическую не означает, конечно, что любая частная ареальная дисциплина (диалектология, лингвогеография, ареалогия и контактология) не имеет и не может иметь своих собственных теоретических обобщений. Но кон-

кретное и теоретическое сливаются в них воедино.

Что касается принципа гомогенности/гетерогенности в членении таксономической ареальной лингвистики, то известное высказывание И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [52. С. 363], хотя и содержит определенное рациональное зерно, тем не менее не может перечеркнуть реальность генетической и типологической дифференцированности языков. Поскольку «степень влияния языков друг на друга бывает различной...», не всякое влияние следует считать смешением [53. С. 71]. Следовательно, можно говорить о гомогенных и гетерогенных лингвистических таксонах. Это тем более важно, что излюбленной для лингвистов, работающих в области ареальной лингвистики, является проблема диалектно-языковых контактов и языковых союзов. Последняя содержит много спорного в своей трактовке, ибо ряд диалектно-языковых комплексов разных величин и значимости представляется возможным «подогнать» под понятие «языковых союзов» или видеть в них очень схожие явления [54]. Мы считаем методически удобным рассматривать все подобные вопросы отдельно, в рамках исследования гетерогенных лингвистических таксонов, тем более что для многих языковедов мира учение о языковых союзах не связывается с диалектологией и лингвогеографией [27. С. 184—186; 16. С. 135—147].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Bartoli M. Introduzione alla neolinguistica. Geneva, 1925.

² Bartoli M., Vidossi G. Lineamenti di linguistica spaziale. Milano, 1943.

³ Bartoli M. Saggi di linguistica spaziale. Torino, 1945.

⁴ Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание//В кн.: Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы. М., 1956.

⁵ Алиева Т. Место итальянской школы в современной лингвистике//В кн.: Современное итальянское языкознание. М., 1971.

⁶ Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.

⁷ Жирмунский В. М. Существовал ли общегерманский язык-основа?//В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание: Избр. тр. Л., 1976.

⁸ Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1983.

⁹ См.: Coseriu E. La geografie linguistica. Montevideo, 1956.

¹⁰ Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.

¹¹ Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968.

¹² Серебренников Б. А. Методы лингвогеографических исследований//В кн.: Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973.

¹³ Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975.

¹⁴ Удлер Р. Я. О содержании терминов «лингвистическая география», «ареальная лингвистика», «ареалогия» и др.//В кн.: Типы языковых общностей и методы их изучения: Тез. М., 1984.

¹⁵ Emeneau B. Language and Linguistic area. Stanford, 1980.

¹⁶ Winter W. Areal Linguistics: Some General Considerations//In: Current Trends in Linguistics. Monton, 1973. Vol. 11.

¹⁷ Balazs J. Az arealis nyelvészeti kutatások története, módszerei és eredményei. Budapest, 1980.

¹⁸ Бородина М. А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов//В кн.: Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования. Л., 1980.

¹⁹ Эта концепция М. А. Бородиной поддерживается рядом исследователей (см.: [20. С. 48; 21. С. 58; 22. С. 104—106]).

²⁰ Гаджиева Н. З. Проблемы ареальной лингвистики: (на материале языков народов СССР)//Вопр. языкознания. 1984. № 2.

²¹ Кручинина А. А., Озерова Г. Н. Некоторые тенденции в развитии лингвистического картографирования//В кн.: Лингвоэтногеография, Л., 1983.

²² Мораховская О. Н. К разграничению понятий, связанных с терминами «диалек-

тология», «лингвостратиграфия» и «ареальная лингвистика»//В кн.: Типы языковых общностей и методы их изучения: Тез. М., 1984.

²³ Бородина М. А. О понятиях «диалектология», «лингвистическая география», «ареалология» и «ареальные исследования»//Там же.

²⁴ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

²⁵ Қошғарий М. Девону лугат ит-турк. Тошкент, 1960. 1 т.

²⁶ См. об этом: [27. С. 16; 28].

²⁷ Chambers J. K., Trudgill P. Dialectology. Cambridge, 1980.

²⁸ Jochnowitz G. Dialect Boundaries and the Question of Franco-Provençal. Mouton, 1973.

²⁹ См., например: [30. С. 62—63, 472].

³⁰ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

³¹ Об атласе Ж. Жильерона подробнее см.: [32; 28].

³² Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.: Л., 1966.

³³ О вкладе Г. Венкера в немецкую лингвостратиграфию. см.: [34].

³⁴ Mitzka W. Handbuch zum Deutschen Sprachatlas. Marburg, 1952.

³⁵ Pisani V. Matteo Bartoli e la linguistica spaziale//Paideia. Riv. letteraria di informazione bibliografica. 1946. Т. 1.

³⁶ Проф. М. А. Бородина любезно сообщила, что впервые термин «ареалология», вкладывая в него комплексное содержание, употребил французский лингвист Жан Сеги. Пользуясь случаем, выражаем проф. М. А. Бородину свою глубокую признательность за ценные советы и консультации по теме исследования.

³⁷ Schmidt J. Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.

³⁸ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

³⁹ Sanfeld Kr. Linguistique balkanique: Problems et resultats. Paris, 1930.

⁴⁰ Actes du Premier Congrès International de Linguistes a la Haye du 10—15 avril 1928. Leiden, 1928.

⁴¹ Terracini B. Sostrato//Scritti in onore di A. Trombetti. Milano, 1936.

⁴² Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии//В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.

⁴³ Степанов Г. В. Учение В. М. Жирмунского о первичных и вторичных диалектных признаках в приложении к новой Романии//В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

⁴⁴ Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков//В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.

⁴⁵ Миронов С. А. Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи// В кн.: Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.

⁴⁶ Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка. М., 1983.

⁴⁷ Русская диалектология. М., 1964.

⁴⁸ Горшкова К. В., Калынь Л. Э. О некоторых вопросах теории диалектологии//Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1984. № 6.

⁴⁹ Бородина М. А. От лингвостратиграфии к ареалологии//В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. М., 1974.

⁵⁰ Она же. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов//Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.

⁵¹ См. указанные лингвоареальные исследования Н. З. Гаджиевой и Г. Ф. Благовой.

⁵² Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

⁵³ Шараденидзе Т. С. Родство языков, процессы дивергенции, конвергенции и соответствующие им классификации языков//В кн.: Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М., 1982.

⁵⁴ Ср.: [55. С. 14—19].

⁵⁵ Солнцев В. М. Еще раз о типологии языковых союзов//Ўзбек тили ва адабиети. 1986. № 4.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

И. А. АБДУЛЛИН

КРУПНАЯ ВЕХА В ТАТАРОВЕДЕНИИ

Общеизвестна роль финских лингвистов в зарождении и развитии алтаистики. Вслед за М. Кастреном, Г. Рамstedтом, внесшими существенный вклад в общую тюркологию, исследователи обратились к конкретным тюркским языкам. Появились монографии М. Рясненa (1923), А. Каннисто (1925) и П. Равилы (1933), посвященные татарским заимствованиям в марийском, вогульском (мансийском) и мордовском языках. В 1953 г. Э. Карахой был издан сборник песен, сказок, пословиц и поговорок, собранных в 1897 г. Х. Паасоненом среди татар-мишарей Самарской губернии, а в 1966 г. на его основе—гlossарий, составленный И. Кечкемети.

Финских филологов консультировали их коллеги из татарской колонии, возникшей еще до получения Финляндией независимости. Последними в Хельсинки были выпущены учебное пособие по татарскому языку — «Тел сабаклары» («Уроки языка») Г. Муртазина (1950) и хрестоматия к нему — «Мәктәптә милли әдәбият дәресләре» («Уроки национальной литературы в школе») татарского народного поэта Г. Тукая (1953). Выверка татарской части монографии М. Рясненa «Татарские заимствования в марийском языке» была осуществлена известным татарским филологом и историком А. Батталом, а выход в свет «Этимологического словаря тюркских языков» того же автора был значительно облегчен благодаря помощи доцента алтаистики Хельсинкского университета У. Дахера. В эти годы М. Рясненom и У. Дахером было основано Общество им. Г. Тукая, немало сделавшее для ознакомления финской общественности с историей, литературой и искусством татарского народа и содействовавшее непосредственным контактам между финскими и татарскими учеными.

Значительным явлением в изучении сельскохозяйственной терминологии тюркских языков стала докторская диссертация У. Дахера «Agricoltura Anatolica», изданная в 1970—1971 гг. Восточным обществом Финляндии [1]. В ней с присущей автору скрупулезностью освещена история земледелия ближневосточных и тюркских народов с древнейших времен до наших дней и связанная с ним земледельческая лексика. В особый раздел (с. 140—148) выделено исследование названий земледельческих орудий у татар. Одни из этих названий, например, *külçä*, *dünäläk* 'кольцо для закрепления косы к косовищу', *kübäk* 'цеповище', *kaba* 'лопатка (у сохи)', *tišmäp* 'долото' и ряд других отсутствуют в «Диалектологическом словаре татарского языка» (Казань,

1969), другие дополняют и уточняют его (например, *söjratke* ~ *sürätke* — не «волокуша», а «борона»; *şabala* 'лопатка для очистки лемеха').

В 1987 г. Обществом им. Г. Тукая, друзьями и учениками У. Дахера был выпущен юбилейный сборник «*Tatarica*» [2], в котором были опубликованы статьи крупнейших тюркологов СССР, США, Англии, Турции, Финляндии, ГДР. Являясь прекрасным примером международного сотрудничества, сборник представляет собой первый и пока единственный труд, посвященный истории, этнографии, языку, литературе и фольклору одного тюркского народа.

В статьях-воспоминаниях профессора финской литературы Хельсинкского университета Э. Кауппинена, генерала У. Лево и журналистки К. Дахер освещается жизненный и творческий путь У. Дахера (по-татарски — Г. Таһир), одного из известных юристов Финляндии, помощника президента У. К. Кекконена и продолжателя традиций Г. Рамстедта и М. Рясненена в тюркологии. Статья одного из соредкторов сборника — Л. Котиниеми посвящена истории юридических институтов Финляндии, в системе которых трудился юбиляр.

Несмотря на то, что в значительной части статей рассматриваются история, лексика, грамматика и диалекты татарского языка, глубина постановки проблем в сочетании с широким привлечением материала из других тюркских языков (не говоря уже о статьях на общетюркологические темы) делает сборник интересным с точки зрения общей тюркологии. Так, отношение между языком фольклора и литературным языком продолжает оставаться одной из дискуссионных тем в тюркологии. Именно поэтому статья Дж. Клосо́на (Лондон) «Язык татарских солдат первой мировой войны», основу которой составляет лексикофонетический анализ до сих пор неизвестных песен пленных татар, записанных в июле 1917 г. в Германии, интересна вдвойне. Во-первых, язык фольклорных текстов, собранных более чем за столетие, отличается обработанностью, нормированностью, за редким исключением, наддиалектностью, преемственностью и даже известной функционально-стилистической вариативностью в зависимости от жанра. Поэтому он вполне может быть назван первоначальной устной формой литературного языка. В этом нас убеждает и язык сотен песен, баитов («килаһи бәетләре»), зафиксированных в шакирдовских тетрадах за полтора столетия до нас. Во-вторых, соотношение генетических пластов лексики (61,8% слов из 1150 оказались тюркскими, 2,6 — монгольскими, 26 — арабо-персидскими и 8,7 — русскими заимствованиями), появление русских неологизмов типа *arték*, *atkrıtka*, *kanvert*, *téléfon* вплоть до варваризмов (*moŷna* 'можно', *tolka* 'только', *ganen* 'ранен'), при одновременной архаизации ряда арабизмов, параллельное употребление анлаутных *j* ~ *ğ* (*ğäpñä* ~ *jäpñä* 'снова', у Клосо́на ошибочно *gēne* ~ *yēne*), *ä* ~ *t* (*dav* ~ *tav* 'гора'; *dügel* ~ *tügel* 'не', *döş* ~ *töş* 'спускаться') как результат смешения огузских (диалектных) и кыпчакских форм есть следствие процессов, происходивших в татарском, а также в узбекском и азербайджанском национальных литературных языках начала XX в. (в последних фонетические формы другие, но принцип смешения диалектных и традиционных форм аналогичен).

Доминирующий в диалектологических штудиях метод селекционного отбора фонетико-морфологических и лексических особенностей, отсутствующих в литературном языке, не дает полного представления об определенном диалекте или говоре. Более того, в обобщающих работах, посвященных тому или иному диалекту, обычно растворяются или не находят должной тональности специфические особенности говора конкретной местности, села. Статья Э. Р. Тенишева «Язык татар села

Усть-Уза» возрождает принцип сплошного анализа определенного говора, когда ссылки на наличие или отсутствие тех или иных черт в литературном языке, равно как и в других диалектах и тюркских языках, не превалируют, а лишь определяют место этого говора в тюркском лингвоэтносе. Умелое сочетание тончайшего лингвистического анализа с небольшим экскурсом в историю заселения края, в микротопонимию и антропонимику села с таблицей тамг родов, с приложением исторических преданий о рассматриваемом селе и образцов фольклора убеждают в эффективности применения предложенной автором методики диалектологических исследований.

По мнению Ф. А. Ганиева (Казань), существовавшие и существующие грамматики татарского языка (и не только татарского) страдают своей подогнанностью к схемам грамматик языков иных типов — сначала арабского, а затем и русского. Но, как видно из представленного автором материала, татарский язык, как и другие языки алтайской семьи, является многопадежным, т. е. обладает синтетическими и аналитическими падежами, что следует учитывать при составлении академической и школьной грамматик.

В некоторых статьях имеются и спорные моменты. В частности, не всегда «признаком заимствования слова в тюркских языках из других языков могут служить (...) некоторая отвлеченность, абстрактность понятия, выраженного в заимствованном слове-термине, не связанном системой словообразования (...), а также отвлеченные понятия, например, в значениях имен числительных» (с. 36). Теория о неспособности тюркских языков выражать абстрактные, отвлеченные понятия отдает евроцентризмом и явно устарела, тем более что приведенные в статье Н. А. Баскакова «О некоторых тохарских заимствованиях в лексике тюркских языков» слова *bil* 'знать', *kes* 'резать', *kün* 'день', *sol* 'левый', *iög* 'передний угол'; числительные *ikki* 'два', *tört* 'четыре', *beş* 'пять', составляющие исконную лексику тюркских языков или, в крайнем случае, общее наследие древнейших языков Центральной Азии, имеют многочисленные дериваты.

Вместе с тем вряд ли оправданно суждение о древнем уровне культуры народа на основе современной лексики. Замена религии и государственности и другие идеологические и политические катаклизмы были сопряжены с изменениями в лексике, особенно значительными в терминологии. Так, например, исконно тюркские юридические термины *jökkä al* 'взять на поруки', *jökse* 'поручитель', *jökselek* 'поручительство' в татарском языке в течение столетия были заменены дважды: сначала терминами из мусульманского фикха — *käfil aäjlä*, *käil*, *häfalät*, а затем русского процессуального права — *rogukaga al*, *rogukaga aluči*, *roguka*.

Исследованию времени и причин замены тюркских слов *bodun* 'народ', *könilik* 'справедливость, правда', *alqış* 'приветствие', *bitig* 'писание', *saw* 'предание', выражающих обобщенные понятия, арабизмами посвящена диаметрально противоположная по мысли предыдущей статье и интересная по новизне идеи статья А. Бодроглигети (Лос-Анджелес) «Образование хорезмско-тюркского литературного языка: проблема интерференции в лексической системе» (с. 43—66).

А. Салонен (Хельсинки), обратив внимание на термин *zembil* 'корзина', встречающийся в «*Agricultura Anatolica*», считает его аккадским (через арабский и персидский) заимствованием в турецком языке. Замечание резонное, тем более что слово *zänpil* 'корзина, сплетенная из камыша' и в татарских словарях считалось заимствованием из персидского [3. С. 560; 4. С. 138]. Достаточно широко употребленное в старотатарском литературном языке (К. Насыров в [5. С. 68] перевел

рус. *корзина* только им), оно в настоящее время снабжено стилистическими пометами «устаревшее, книжное» [6. С. 353].

Ряд статей освещает тюрко-славянские лексические связи. По мнению К. Менгеса (Нью-Йорк), восточно-славянские заимствования в «Кодекс Куманикус» и тюркские в древне- и среднерусский периоды, в том числе приведенные им слова, обозначающие абстрактные понятия, поддаются хронологизации и локализации, а значит, этимологизации и реэтимологизации. Несмотря на большую отечественную литературу по ориентализмам в восточно-славянских языках, «до настоящего времени мало сделано в сравнительно-сопоставительном освещении тюркизма в системе восточно-славянских языков» (с. 168). Исходя из этого, в статье Р. А. Юналеевой (Казань) конкретно прослеживается развитие семантических особенностей тюркизмов (названий одежды) в каждом из восточно-славянских языков.

Серия статей затрагивает этногенетические проблемы, и в первую очередь — происхождение татар-мишарей. И это не случайно. Мишари как «западные тюркоязычные куманы-кыпчаки» являются «одной из крупных этнических групп, принимавших участие в формировании татар Среднего Поволжья» (с. 280). По мнению М. Закиева, часть тюркоязычных мишарей (маджар) ушла на запад, став ведущей в этногенезе венгров, другая осталась в Среднем Поволжье, получив позднее этноним «татар». В отличие от М. З. Закиева, отрицавшего, что мишари — это буртасы, получившие свой этноним «мишар» от мадьяр (венгров) (с. 283), А. Х. Халиков в статье «Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар» связывает предков мишарей с болгаро-буртасами, появившимися в Среднем Поволжье в VIII—IX вв. (с. 340—341) и активно контактировавшими в XII—XIII вв. с кыпчаками-половцами (с. 346). Однако простым контактированием можно объяснить только отдельные лексические заимствования, но никак не разделение татарского народа на две большие этнические группы, а татарский язык на средний и мишарский диалекты. Р. Мухамедова (Казань) считает буртасов самостоятельным народом, сыгравшим, как и болгары и кыпчаки, некоторую роль в формировании мишарей (с. 249). Именно на территории бывшего расселения буртасов распространен цокающий говор мишарского диалекта (с. 250).

В сборнике богатой представлена и кыпчакская тематика. Исследования последних лет заставляют признать роль довольно сильной кыпчакской и кыпчакско-огузской струи в этногенезе татарского народа. Вопрос о ногайском или ногайско-кумыкском происхождении носителей бастанского и касимовского говоров среднего диалекта татарского языка поднимает Л. Т. Махмутова (с. 225—231). Сравнительное изучение кыпчакотюркских письменных памятников подтверждает отнесение татарского языка к языкам кыпчакской группы, так дискутируемое татарскими учеными. При этом, судя по армянографичным памятникам кыпчакского языка, в основе мишарского диалекта татарского языка лежит западно-кыпчакский (кыпчакско-огузский) язык. Конкретные проблемы исторической фонетики, морфологии и лексики татарского языка вполне объяснимы кыпчакским материалом. В частности, по мнению Т. Текина (Беркли, США), время передвижения губных гласных, характерного для татарского и башкирского языков, можно установить по данным «Кодекс Куманикус» (с. 293—306).

Исторические события, отраженные в татарском эпосе, редко выходят за рамки кыпчакского периода. Так, Х. Ш. Махмутов, обнаруживая идентичность многих куманских и татарских загадок, в статье «Вековые традиции» приходит к закономерному выводу «о существовании

между ними непосредственной преемственности» (с. 222). Татарские литературоведы идут еще дальше, включая всю кыпчакоязычную литературу в средневековую татарскую литературу, что вряд ли правомерно. Речь может идти лишь о сильном влиянии кыпчакской литературы на возникновение и развитие собственно татарской. Статья Я. Экманна (Лос-Анджелес) «Фрагменты из „Мухаббат-наме“ Хорезми» посвящена тщательному текстологическому анализу и публикации третьего (арабографического) списка поэмы XIV в. (с. 98—119), который ошибочно принимался за одноименное произведение другого автора.

Вполне естественно представление в сборнике, выпущенном Обществом Г. Тукая, серии статей, посвященных жизни и творчеству татарского народного поэта. Как убедительно свидетельствует Р. К. Ганиева в насыщенной фактами статье «Г. Тукай и братские литературы» (с. 134—142), лакский поэт С. Габиев, азербайджанские литераторы Н. Нариманов, Дж. Дагестанлы, Х. И. Касымов, кумыкский писатель Н. Батырмурзаев признавали влияние поэта на общественную мысль и литературу своих народов. Сила воздействия Тукая на развитие литературы была такова, что он, несмотря на короткую жизнь, успел создать свою поэтическую школу. Одним из его талантливейших учеников стал татаро-башкирский поэт Ш. Бабич (1895—1919), исследование жизненного и творческого пути которого явилось объектом статьи профессора Анкарского университета С. Чагатай (с. 80—89).

Еще в начале XX в. поэзия Тукая перешагнула национальные границы. Переводы его стихов и поэм стали появляться в английской, турецкой, русской печати. Как сообщает Г. Хазан в статье «Глава из истории внешних связей татарской литературы», научная общественность 20—30-х годов была знакома с жизнью и творчеством татарского поэта по публикациям Х. Зубеира и А. Баттала в востоковедческих журналах «Körösi Czoma-Archivum», «Turan».

Секрет поэтического дарования таких поэтов, как Кул Гали, Тукай, Джалиль, И. Н. Надилов (Казань) видит в их приобщении к неиссякаемым источникам фольклора. Короткая, но емкая по содержанию статья ведущего татарского фольклориста «Истоки искусства слова — в народном творчестве» охватывает многовековую историю татарского фольклора.

Хотя тукаеведение и располагает десятками монографий, в нем еще немало «белых пятен» или моментов, нуждающихся в иных акцентах оценки. Статья Э. Сагидовой (Ленинград) с приложением факсимиле писем Г. Тукая и журналиста К. Сагыйди возвращает честное имя Г. Шарафу, татарскому просветителю, пропагандисту творчества Г. Тукая и его современников.

В сборнике имеются и другие статьи по конкретным вопросам литературы татарского и других тюркских народов. В обзорной статье Н. Хисамова (Казань) подведены итоги изучения поэмы «Кысса-и Юсуф» Кул Гали. Статьи Х. Усманова и Х. Курбатова затрагивают строй стиха тюркоязычных авторов, при этом первый из них на основе анализа развития тюркского стиха на протяжении VIII—XX вв. выдвигает гипотезу о самобытности форм «бармак» и «аруз».

Сборник, несмотря на ряд спорных моментов и досадных технических ошибок (особенно в иллюстративном материале), по уровню поднятых проблем, оригинальности и комплексности их решения является крупной вехой в исследовании истории, языка и литературы татарского народа, удачным примером сотрудничества тюркологов разных стран, который достоин продолжения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Agricultura Anatolica. Helsinki, 1970. I: Die volkstümlichen landwirtschaftlichen Geräte/Eine wort- und kulturgeschichtliche Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung der Türkvölker (mit 29 Tafeln und 2 Karten) von Ymär Daher; Helsinki, 1971. II Indeks.
 2. Tatarica/Edendum Curavit Abdulla Tukain Kulturseura r. y. Studia in honorem Ymär Daher. Anno MCMLXX sexagenario. Vamalla, 1987.
 3. Троянский А. Словарь татарского языка. Казань, 1833. Т. 1.
 4. Хәмзин К. З., Мәхмүтов М. И., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965.
 5. Насыров К. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892.
 6. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан, 1977. Т. 1.
-

У. Х. СУБХАНБЕРДИНА

**ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА В КАЗАХСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ**

Во второй половине XIX в. под влиянием передовой русской общественной мысли и культуры развивались демократические тенденции в культуре казахского народа, формировалась национальная интеллигенция, выдающимися представителями которой были Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев. В это же время, точнее, после присоединения Туркестана к России, на территории края наряду с периодическими изданиями на русском языке стали появляться газеты на языках коренного населения.

Со второй половины XIX в. начали издаваться газеты на казахском языке: «Туркестан уалаятынын газети» и «Дала уалаятынын газети». В них рассказывалось о жизни, обычаях народа, публиковались информационные материалы. С начала XX в. в периодике печатаются произведения казахских поэтов и прозаиков.

Отзвуки революции 1905—1907 гг. мощной волной прокатились по казахской степи; активизировалось духовное, политическое сознание казахского народа. Появляется целый ряд новых газет: «Серке» (1907), «Казах газети» (1907), «Казахстан» (1911—1913), «Ешим даласы» (1913), «Казах» (1913—1918), а также первый казахский журнал «Ай-кап» (1911—1915) и др.

«Туркестан уалаятынын газети». После присоединения Туркестана к России на территории края наряду с периодическими изданиями на русском языке стали появляться газеты на языках местного населения.

До недавнего времени первой газетой, издававшейся на казахском языке, считали «Дала уалаятынын газети» (выходила с 1888 г.). Однако на 18 лет раньше ее, т. е. с апреля 1870 г., как приложение к газете «Туркестанские ведомости» начала выходить «Туркестан уалаятынын газети» (4 раза в месяц: 2 номера на узбекском, 2—на казахском языке). Ее первым редактором был близкий знакомый Чокана Валиханова Шахмардан Ибрагимов (1841—1891), а позднее — Хасен Чанышев. С 1883 г. газета стала самостоятельным органом и выходила еженедельно, только на узбекском и русском языках. Руководитель и главный редактор газеты Н. П. Остроумов справедливо указывал, что для узбеков и казахов значение «Туркестан уалаятынын газети» было так же велико, как петровских «Ведомостей» для русских в XVII—XVIII вв. [1. С. 171—177].

В условиях царского режима программа первой газеты на восточных языках была строго регламентирована Министерством внутренних дел: на ее страницах могли помещаться только высочайшие повеления, высочайшие награды и пожертвования, касающиеся туземного населения, телеграммы, краткие сообщения о высокочествовавших днях,

распоряжения Туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов, имеющие отношение к туземному населению, приговоры русской судебной власти, также касающиеся туземцев, общие правительственные распоряжения, распространяемые на Туркестанский край, краткие рассказы из жизни русских государей, значительные события в жизни русского народа и других государств, представляющие интерес для туземцев, местные известия, касающиеся промышленности и сельского хозяйства, а также разные известия и т. п. [1. С. 164—189]. Однако, несмотря на ограничения, в газете на казахском языке печатались материалы по истории, этнографии, археологии, экономике, статистике и культурной жизни Туркестана (в его состав в то время входили территории нынешних Чимкентской, Кызыл-Ординской и Алма-Атинской областей).

«Туркестан уалаятынын газети» знакомила читателей с русской наукой и литературой, с культурными достижениями русского народа. В ней мы находим самые первые сведения о выдающемся ученом Чокане Валиханове.

Материалы, опубликованные на страницах этой газеты, являются ценным источником для исследователей истории и этнографии казахов рассматриваемого периода, особенно для языковедов, прослеживающих первые шаги становления казахского литературного языка.

«Дала уалаятынын газети», издававшаяся в Омске при канцелярии Степного генерал-губернатора с 1 января 1888 г., просуществовала по март 1902 г. До 1894 г. «Дала уалаятынын газети» выходила как «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», а с 1894 г. — в виде приложения к «Ведомостям» Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей под названием «Киргизская степная газета». В 1900—1902 гг. она являлась приложением к «Ведомостям» только двух областей: Акмолинской и Семипалатинской. Газета выходила еженедельно на казахском и русском языках.

Редакторами ее были И. Козлов, К. Михайлов, Г. Абаз; за редактора — А. Попов, Д. Лавров; переводчиками казахского приложения — Е. Аблайханов, Д. Султангазин, Р. Дуйсембаев. Газета являлась официальным изданием. Предназначаясь для распространения в Степном крае сведений о правительственных и административных распоряжениях, она в то же время содействовала изучению Казахстана.

Среди корреспондентов и авторов статей были крупнейшие востоковеды, этнографы, фольклористы: Г. Потанин, В. Радлов, А. Алекторов, А. Ивановский, А. Диваев, А. Добросмыслов, В. Обручев, Н. Пантусов и др. Сотрудники газеты стремились привлечь в число корреспондентов представителей малочисленной в то время казахской интеллигенции.

В «Дала уалаяты» были напечатаны два стихотворения Абая Кунанбаева, беспощадно бичующих насквозь прогнивший феодально-патриархальный строй. В газете печатались также статьи о жизни и деятельности Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. Впервые на страницах газеты на казахском языке прозвучали произведения русских классиков: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Д. И. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского.

В годы первой русской революции (1905—1907) в Казахстане выходили также газеты «Серке» и «Казах газети». «Серке» вышла только один раз — 28 марта 1907 г. в виде приложения к татарской газете «Ульфат», которая издавалась в Петербурге, и сразу же была закрыта пра-

вительством. Редактором газеты был Х. Ибрагимов, издателем — Ш. Кошигулов. «Казах газети» вышла в марте 1907 г. в г. Троицке. (Редактор газеты — Хаим Шумлов-Сосновский, издатели — Жетписбай Андреев и Ешмухамед Иманбаев). Просуществовав недолгое время, обе газеты не оставили сколько-нибудь заметного следа в жизни казахского народа. В фондах библиотек, к сожалению, экземпляры этих газет не сохранились.

В 1911—1913 гг. издавалась газета «Казахстан». Первоначально она печаталась в г. Урде, затем в г. Уральске малым форматом на шести страницах (на казахском языке арабским шрифтом). Газета помещала материалы о жизни и промыслах казахов, поднимала вопросы о взаимоотношении казахского и русского народов, о просвещении казахов, широко знакомила своих читателей с русской литературой. Однако четкого политического направления не имела. До 1913 г. вышло всего 15 номеров. В конце каждого номера помещались краткие переводы некоторых статей на русский язык.

«Айкап». Среди периодических изданий казахской демократической печати особое место занимает журнал «Айкап», издававшийся в 1911—1915 гг. в г. Троицке. Это был первый печатный орган казахских писателей. До него выходили только газеты, являвшиеся в основном официальными органами царского правительства. Издателем и редактором журнала был известный казахский писатель, публицист и журналист М. Сералин (1872—1929).

Об издании журнала «Айкап» имеются некоторые официальные документы, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, в частности копия свидетельства царской администрации от 18 января 1910 г. [2].

«Айкап» ознаменовал собой новый этап развития казахской литературы. Произведения, опубликованные в журнале, отражали его основное идейно-общественное направление. На страницах журнала печатали свои произведения лучшие представители прогрессивной казахской интеллигенции того времени — С. Донентаев, С. Торайгыров, М. Сералин; здесь были опубликованы ранние произведения Б. Майлина, С. Сейфуллина.

«Айкап» кроме сведений по истории, литературе, экономике публиковал и материалы, относящиеся к социальной тематике. Немало в нем ярких страниц, рисующих бесправное положение женщины-казашки. Примечательно и то, что на страницах журнала увидели свет стихотворения и статьи первых казахских женщин-литераторов — Куляим Утегеновой, Сахипжамал Тилеубаевой, Мариям Сейдалиновой.

«Айкап» сыграл большую роль в формировании взглядов писателей-демократов, в пропаганде науки, просвещения. К его материалам часто обращались ученые Казахстана в своих исследованиях по экономике, истории, этнографии, литературоведению и языкознанию.

Исследователями собрано большое количество материалов о дореволюционной казахской периодической печати, издан библиографический сборник [3]. Готовятся к выпуску сборники по материалам газеты «Дала уалаяты».

Русско-казахские литературные связи ярко проявились в области литературного перевода, что нашло отражение на страницах дореволюционной периодики на казахском языке.

Наряду со ставшими классическими переводами произведений русских авторов, выполненными Абаем, Алтынсариним, определенный интерес, на наш взгляд, представляют переводы, публиковавшиеся в «Дала уалаятынын газети».

В 70—80-х годах XIX в. стали переводиться на казахский язык сочинения Л. Н. Толстого. Результатом многолетней педагогической деятельности Л. Н. Толстого в Ясной Поляне явились изданные им в 1872—1875 гг. учебные пособия «Новая азбука» и «Русские книги для чтения». Большой фактический материал из этих книг был переведен и напечатан в «Дала уалаятынын газети» — басни, короткие рассказы, сказки.

В этом же издании были напечатаны переводы следующих коротких рассказов и басен Л. Н. Толстого: 1889 г. № 52 — «Старик сажал яблони»; 1888 г. № 37 — «Мужик пошел косить луга и заснул...»; 1888 г. № 47 — басня «Муравей и голубка»; 1888 г. № 43 — басня «Олень»; 1888 г. № 47 — басня «Олень и виноградник»; 1890 г. № 48 — басня «Зайцы и лягушки» (пер. С. Кобеева). В двух переводах сохранена лишь сюжетная линия басни Л. Н. Толстого. В 1888 г. в № 34 опубликован перевод басни «Лев, волк и лисица», в 1900 г. в № 10, 11 — рассказ «Суратская кофейная». В 1915 г. в № 11 журнала «Айкап» был напечатан перевод рассказа Л. Н. Толстого «Илияс».

С публикацией на страницах газеты произведений И. А. Крылова в казахской литературе появился жанр басни. В 1910 г. С. Кобеев перевел и издал под названием «Улги-ли таржима» 37 басен Крылова, в 1914 г. Б. Утетилеуов перевел 13 басен. Первые его переводы появились на страницах «Дала уалаятынын газети». Так, в 1892 г. в № 51 газеты была напечатана басня «Ворона и лисица» из «Киргизской хрестоматии» И. Алтынсарина.

На казахском языке имеются четыре варианта перевода басни И. А. Крылова «Ворона и лисица»: И. Алтынсарина — 1889 г., Абая — 1898 г. (два варианта), четвертый вариант дан в собрании басен И. А. Крылова на казахском языке.

В газете «Дала уалаятынын газети» в 1894 г. (№ 32) была напечатана басня И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» в переводе А. Курманбаева. Эта басня имеет еще три варианта перевода на казахский язык: Абая, С. Кобеева, а также опубликованный в 1912 г. в журнале «Айкап» вариант, подписанный «Омбылык» (т. е. Омич). Это вольные стихотворные переводы.

В газете № 49 за 1895 г. был опубликован перевод басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь». И. Алтынсарин на сюжет басни И. А. Крылова написал небольшой рассказ «Глупый друг» и напечатал его в «Киргизской хрестоматии». С. Кобеев назвал свой перевод «Медведь и бедный мужик» и также опубликовал его в 1910 г. в книге «Улгили таржима». Поэт Молда Муса (Мусабек Байзак-улы — 1849—1932 гг., известный в Каратау акын) перевел эту басню в стихотворной форме под названием «Дружба человека и медведя» и напечатал в газете «Кызыл Туркестан». Позже этот перевод вошел в сборник произведений казахских акынов начала XX в. Эта же басня под названием «Человек и медведь» вошла в сборник произведений И. А. Крылова, изданный в 1944 г. М. Оразаев перевел ее как «Кезбе мен аю» и опубликовал в издании басен И. А. Крылова в 1960 г.

Наиболее удачными, по нашему мнению, являются перевод М. Оразаева и вариант, опубликованный в газете «Дала уалаятынын газети». В № 24 (журнал «Айкап») за 1913 г. был напечатан перевод басни И. А. Крылова «Лжец».

Зародившаяся в конце XIX в. традиция перевода и публикаций произведений русской классической литературы продолжала развиваться и способствовала появлению и в казахском устном народном творчестве жанра басни. Первыми казахскими баснописцами были С. Кобеев, Б. Утетилеуов, С. Донентаев.

Анализ литературных произведений, опубликованных в «Дала уалаятынын газети», позволяет сделать вывод, что они представляли собой, с одной стороны, переводы из русской литературы, с другой — образцы зарождающейся новой письменной казахской литературы. Современной казахской литературе, у истоков которой стоял Абай Кунанбаев, предшествовали образцы устно-поэтического творчества, увидевшие свет на страницах периодических изданий. Конечно, некоторые произведения не отличались глубиной идейного содержания, богатством литературных приемов и лексическим многообразием, но в них ярко отражалась реальная жизнь казахов, подвергались резкой критике феодально-патриархальные устои, поднимались вопросы бесправия женщин, звучал призыв к овладению знаниями, культурой.

Дореволюционные периодические издания сыграли большую роль в развитии казахской литературы и культуры в целом. Газеты и журналы печатали статьи и сообщения русских ученых, изучавших историю, культуру Казахстана, — Г. Н. Потанина, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, В. В. Радлова, А. И. Добросмылова, И. И. Крафта, А. Е. Алекторова и др. В свою очередь, появление статей казахских писателей, просветителей, ученых-путешественников на страницах газет и журналов позволяло русским читателям знакомиться с духовной жизнью казахского народа. Этому в большой мере способствовало то, что «Дала уалаятынын газети» выходила одновременно на русском и казахском языках. Статьи, сообщения, рассказы, публицистические очерки русских ученых на казахский язык переводили Е. Абылайханов, Д. Султангазин, Р. Д. Дуйсенбаев. Они же переводили на русский язык произведения И. Алтынсарина, А. Курманбаева и М. Ж. Купеева.

Наряду с художественными переводами, в казахской периодической печати большое место занимала публицистика, корреспонденции, заметки, посвященные историческим, экономическим, культурным связям России и Казахстана.

На казахском языке появляются статьи о творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева.

Как свидетельствует в своих заметках Г. Н. Потанин, первым переводчиком произведений русских классиков был Халиулла Ускембаев, брат Абая Кунанбаева. В 1863—1870 гг. он учился в Омском кадетском корпусе, затем жил в ауле под Семипалатинском, в 1877—1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне. Он записывал и собирал произведения устного народного творчества, в том числе легенды и сказания «Енлик-Кебек» и «Жиренше-шенен», перевел стихи, рассказы М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др. [4].

Материалы, собранные Х. Ускембаевым, хранятся в архиве известного ученого-востоковеда И. Н. Березина [5]. В трудах Ч. Валиханова есть сведения о том, что именно Х. Ускембаев впервые познакомил Абая с русской классической литературой, перевел на русский язык многие казахские легенды и сказания, организовал в ауле Кунанбая первый литературный кружок, который посещали Аба и другие поэты [6. С. 710].

В «Дала уалаятынын газети» было напечатано стихотворение Абая «Кулембау» [7], в котором высмеиваются чиновничья система, самоуправство волостных. При жизни Абая на страницах «Дала уалаятынын газети» были опубликованы только два его стихотворения: «Жаз» и «Болыс болдым».

Особое место в дореволюционной литературе занимал женский вопрос. Если в рассказах, стихах и песнях конца XIX в. говорится о бесправии женщины, то в произведениях начала XX в. речь уже идет о месте

женщины в обществе, в труде, о роли ее в воспитании детей, о ее духовной свободе. Первые статьи, очерки, рассказы такой направленности принадлежали перу писателей-демократов С. Торайгырова, С. Кобеева, М. Сералина, создавших самобытные образы девушек-казашек. В начале XX в. появляются такие произведения, как «Бати», «Калын мал», «Камар Сулу», опубликованные в «Туркестан уалаятынын газети» и «Дала уалаятынын газети», смело поднявших тему равноправия женщины на уявную общественную проблему.

И, как бы продолжая эту тему, писатели-демократы С. Торайгыров, С. Кобеев написали романы «Калын мал», «Камар Сулу» и «Кім жазықты» — о становлении личности, о женских судьбах.

В рассказах, очерках, публицистических материалах газет и журналов дореволюционного периода отчетливо прослеживаются прогрессивные взгляды на роль женщины в обществе, хотя не указываются конкретные пути борьбы за социальную справедливость, выход из невежества и унижений. Все произведения в основном заканчивались трагически, и в этом также была правда жизни.

Газета знакомила читателей с трудами и биографией казахских ученых, публиковала статьи о Чокане Валиханове, Ибрае Алтынсарине.

Язык «Айкапа» был образцом языка казахской публицистики начала XX в. Писатели, журналисты призывали очистить язык от архаизмов религиозной, светской литературы, шире пользоваться богатствами фольклора. С. Торайгыров, секретарь редколлегии журнала, писал: «Мы должны теперь освобождать язык от головомных элементов религиозного языка Самарканда, Туркестана, Бухары и Ташкента, создать язык искусства, пропитанный европейской культурой. Образец такого языка нам дал Абай. Надо учить язык Абая, учить устное народное творчество, именно в них мы найдем нетускнеющую серебряную красоту. Надо учить мудрые слова и изречения» [8].

Редактор и издатель журнала «Айкап», просветитель и демократ, талантливый журналист М. Сералин в статье, опубликованной в № 1 журнала за 1911 г., писал: «В настоящее время нет людей, сомневающихся в полезности и необходимости газет и журналов. О степени развития народа и дальнейшего продвижения вперед можно судить по тому, сколько газет и книг распространяется в массах. Я взялся за выпуск этого небольшого журнала не для того, чтобы стать знаменитостью или продавать свои знания, а для того, чтобы заставить своих братьев задуматься о многом...». Продолжая традиции казахских просветителей XIX в., М. Сералин внес конкретные предложения об открытии школ и методике обучения в них. «Если мы хотим жить наравне с другими народами, то наше будущее сейчас зависит от одного — от учебы. Если мы не будем учиться, получать знания, то нам не останется ничего другого, как быть слугами другого, более развитого народа. Если мы не будем всем обществом помогать желающим учиться, то у нас число образованных не увеличится» [9]. Он писал: «Чтобы жить счастливо в Российском государстве, нам нужны наука, искусство и знание русского языка» [9].

Есть основания предполагать, что и ряд редакционных статей в журнале написан М. Сералиным. В одной из них читаем: «Язык и литература — душа и дух народа... народ без литературы, что ребенок, не умеющий говорить. Такой ребенок не может объяснить другим свое горе и радость. Самыми сильными средствами, сближающими народы, является язык и литература... У казахского народа есть свой язык и своя литература... наш долг поднять на поверхность огромные, находящиеся в забвении сокровища и сделать их достоянием всех» [9].

В 1913—1914 гг. секретарем редколлегии «Айкапа» был С. Торайгыров, что позволило ему развить свой поэтический талант, смело проводить в журнале демократические идеи. Особое место в творчестве С. Торайгырова занимает критическая статья «О сборнике стихов на казахском языке», в которой высказаны смелые мысли по поводу киссы «Заркум» и «Салсал», дан критический анализ поэзии того периода. С. Торайгыров, борющийся за самобытность и чистоту казахского языка, в своей статье исследовал мифологические понятия, закрепившиеся издавна в сознании казахского народа и отраженные в эпосе «Алпамыс». Он подробно анализирует специфическую для данного произведения лексику (*жеті бас* 'семиглавый змей', *айда-һар* 'дракон', *пері кызы* 'ведьма', *жалмауыз кемпір* 'баба-яга', *Дау* 'чудовище'), подчеркивает художественную выразительность языка эпоса.

В дореволюционной периодике впервые стали публиковаться образцы казахского фольклора: сказки и легенды на казахском языке и их эквивалент на русском. Большая заслуга в этом принадлежит русским ученым А. Е. Алекторову, А. А. Ивановскому, И. Бельскому, М. Миропиеву и другим, а также представителям казахской интеллигенции Б. Адыкову, Ж. Айманову, М.-Ж. Купееву, К. Жапанову, Б. Райымбекову, Т. Сейфуллину, Р. Дуйсембаеву и др.

Газеты печатали и народные эпические поэмы, песни и сказания. Так, содержание эпической поэмы «Козы-Копеш — Баян-Сулу» Н. Пантусов изложил в статье. Сказание «Нарик батыр» из героического эпоса было опубликовано А. Е. Алекторовым. В «Дала уалаятынын газети» были напечатаны два варианта сказа «Аксак кулан, жошы хан», широко распространенных в народе. На ее страницах было опубликовано и эпическое произведение «Енлик-Кебек».

Казахские пословицы и поговорки впервые были напечатаны на страницах газет и журналов во второй половине XIX в. Большой вклад в их собирание и издание внесли В. Радлов, А. Васильев, Ш. Ибрагимов, Ч. Валиханов, К. Бабажанов, П. Мелиоранский, В. Катаринский, А. Диваев. В «Дала уалаятынын газети» постоянно печатались пословицы и поговорки, собранные Б. Даулбаевым, М. Ешмухаметовым [10]. Газета последовательно информировала своих читателей об авторах публикуемых работ. О собирателе пословиц и поговорок (около 300 опубликовано) М.-С. Бабажанове сообщалось: «Кожа Салык Бабажанов, проживающий и работающий в Ташкенте, прислал в нашу газету казахские пословицы, собранные им во Внутренней Орде» [11; 12].

Мухаммед-Салык (Кожа Салык) Бабажанов (1832—1876)—казахский этнограф. Родился во Внутренней Орде. Окончил Азиатское отделение Оренбургского кадетского корпуса, член Русского географического общества, за большие заслуги перед которым был награжден Большой серебряной медалью. В своих статьях по этнографии и археологии писал о религиозных верованиях казахов, о таких видах их хозяйственной деятельности, как охотничье хозяйство, коневодство, о лечебных свойствах кумыса. Наряду с этнографическими исследованиями М.-С. Бабажанов изучал казахские пословицы и поговорки. Впервые высокую оценку трудам М.-С. Бабажанова дал советский этнограф Э. А. Масанов [13. С. 169—170]. Известный ученый В. В. Григорьев характеризовал М.-С. Бабажанова, который, как и Чокан Валиханов, писал свои труды на русском языке, способным, очень образованным человеком [13. С. 169—170]. В статьях и письмах М.-С. Бабажанова высказывается мысль о прогрессивном влиянии передовой русской культуры и литературы.

«Туркестан уалаятынын газети» публиковала также материалы об айтысе акынов. Так, была напечатана статья об айтысе, состоявшемся между каракалпакским акыном Ажнийзом из рода кожа и девушкой Менеш младшего жуза из Тургайской области из рода тама [14]. В казахской устной литературе известно много примеров айтыса девушек, однако это был первый опыт публикации состязания акынов на страницах газеты.

В дореволюционной периодике широко публиковались и материалы, свидетельствующие об определенном влиянии на казахскую литературу классической литературы Востока. Наряду с произведениями классической литературы печатались легенды, исторические предания, сказки, хроники, героические сказания, в основном взятые из арабо-персидской литературы.

На страницах периодики печатались произведения великих классиков Востока: Низами, Фирдоуси, Физули и др. Например, в нескольких номерах «Дала уалаятынын газети» печатались два варианта восточной классической поэмы «Фархад и Ширин» [15; 16], «Рустам и Сухраб» из эпопеи «Шах-наме» в переводе В. А. Жуковского, на казахский язык их перевел М. Сералин [17. № 23. С. 323—325; № 24. С. 338—339; 18. № 2. С. 22—24; № 3. С. 41—42; № 4. С. 57—58; № 5. С. 73—75; № 9. С. 141—143]. Так, сюжет легенды «Такаппар аскер басы турасынан» («О гордом завоевателе»), опубликованной в «Дала уалаятынын газети» [19], Абай использовал в поэме «Ескендір», расширив и обогатив его [20. С. 457].

В № 41—50 «Дала уалаятынын газети» за 1895 г. были напечатаны отрывки из «Тысячи и одной ночи».

Сюжет дастана «Бозжигит» является общим для многих восточных народов. Ученый, собиратель, исследователь и издатель произведений казахского устного народного творчества А. В. Васильев опубликовал вариант этого дастана в «Дала уалаятынын газети» [21; 22] на казахском и русском языках. В том же году А. В. Васильев опубликовал его в «Тургайской газете» и издал в Оренбурге отдельной книгой.

Дореволюционная периодическая печать сыграла огромную роль в становлении и развитии казахской национальной литературы и фольклора, в просвещении народа. Лучшие произведения были опубликованы именно на страницах периодики — в газетах «Туркестан уалаятынын газети», «Дала уалаятынын газети», «Казахстан», журнале «Айқап». В этих источниках сосредоточены интереснейшие материалы по истории литературы и культуре дореволюционного Казахстана, имеющие важное значение для изучения истории, географии, экономики, культуры казахского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остроумов Н. П.* Сарты: Этнографические материалы. Ташкент, 1896.
2. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1.
3. Адеби мура: Литературное наследие. Художественные произведения, опубликованные на страницах казахской дореволюционной периодической печати/Сост. У. Субханбердина. Алма-Ата, 1970. На каз. яз.
4. Дала уалаятынын газети. 1896. № 43.
5. Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. Л. Ф. 5, оп. 5 (257).
6. *Уалиханов Ш.* Бес томдык шығармалар жинағы. Алматы, 1968. Т. 4.
7. Дала уалаятынын газети. 1889. № 12.
8. Айқап. 1913.
9. Там же. 1911. № 1.
10. Дала уалаятынын газети. 1899. № 32—34, 41—44, 47—51.

11. Туркестан уалаятынын газети. 1876. № 28—33.
 12. Там же. 1877. № 10—12.
 13. *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.
 14. См.: Туркестан уалаятынын газети. 1878. № 11, 12.
 15. Дала уалаятынын газети. 1890. № 20.
 16. Там же. 1898. № 8—10.
 17. Айкап. 1914.
 18. Там же. 1915.
 19. Дала уалаятынын газети. 1895. № 3.
 20. *Кунанбаев Абай.* Шығарлаларының толық жинағы. Алматы, 1948.
 21. Дала уалаятынын газети. 1900. № 26—30, 37.
 22. Там же. 1901. № 2, 18, 20, 24—26.
-

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Т. И. ГАДЖИЕВ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРЕДМЕТАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Одним из достижений тюркской лингвистики является формирование дифференцированного подхода ко многим языковым отраслям. Результатом аналитического отношения к истории языка стало выделение таких самостоятельных областей, как историческая грамматика [1] и история литературного языка. С этой точки зрения весьма ценен опыт русского языкознания. В советском языковедении в целом имеется немало теоретических и практических исследований, связанных с исторической грамматикой и историей литературного языка, но в тюркологии до сих пор не применяется дифференцированный подход к изучению этих областей. Именно с этим, на наш взгляд, связано отставание частных тюркских лингвистик в исследовании истории литературного языка. Изучение фактов внутренней структуры тюркских языков имеет свою историю (именно с этого начиналась тюркология), и потому сравнительно-историческая тюркология добилась определенных успехов в области исторической грамматики. В тюркологии проводилось и немало исследований, посвященных художественному языку отдельных памятников, языку писателей и функциональным стилям. Однако теоретические обобщения незначительны. «Следует всегда иметь в виду, что цели и задачи, которые ставит перед собой лингвист, изучающий историю строевых элементов языка, и лингвист, изучающий историю литературного языка, отличаются друг от друга коренным образом» [2. С. 8]. Основная сложность разграничения этих областей состоит в том, что они изучают один и тот же объект: исследуются история языка и одни и те же памятники, являющиеся ее материальным выражением. Таким образом, помимо единства объекта, налицо и методическое соответствие (исторический аспект). Вместе с тем дифференцированное изучение объекта обусловлено различием предметов. Если учитывать, что «...объект как явление действительности — материален; предмет как знание об этом явлении — идеален ... объект познания — явление действительности, предмет познания — знание об этом явлении» [3. С. 66—67], то представляется оправданной законность исследования письменных памятников, с одной стороны, в плане исторической грамматики, исторической фонетики, исторической лексикологии, с другой стороны, в плане истории литературного языка — каждый аспект имеет свой самостоятельный предмет изучения. Специализации строевых элементов языка и истории литературного языка препятствует также неопределенность одной детали — существует мнение, согласно которому лексику следует отнести к истории литературного языка. На наш взгляд, это не-

верно, так как существует историческая лексикология. Однако, поскольку все это имеет отношение к формированию норм литературного языка и взаимоотношению стилей, эти вопросы рассматриваются и в истории литературного языка. В исторической грамматике, исторической фонетике, исторической лексикологии, с одной стороны, и в истории литературного языка — с другой, они исследуются с различных позиций; таким образом определяется различие предметов дисциплин, имеющих один объект. Используя понятия общего языкознания, указанные предметы можно обозначить следующим образом: историческая грамматика, историческая фонетика и историческая лексикология изучают язык, в то время как история литературного языка изучает речь. В развитии истории литературного языка решающую роль играют экстралингвистические факторы. Язык существует как продукт духовного творчества народа, и если литературный язык может подпадать под чуждые влияния, если в нем на определенных этапах исторического развития может наблюдаться обилие иноязычных элементов, если, наконец, функцию литературного языка может выполнять чужой язык, то все это, тем не менее, не угрожает существованию народного языка как средства внутринационального общения. Язык может исчезнуть лишь в результате ассимиляции, длящейся тысячелетиями. Кроме того, когда язык находится под угрозой исчезновения, народ становится его защитником и хранителем (роль латыни в средневековой Европе, арабского языка на Востоке, персидского среди феодальной знати тюркских государств, французского в среде русской аристократии XVIII—XIX вв.). Развитие литературного языка носит волнообразный характер. Ослабление или прекращение связи между языком и литературной речью препятствует, с одной стороны, обогащению языка, с другой — демократизации литературной речи (ведь «язык одновременно и орудие, и продукт речи» — Ф. Соссюр). Если историческая грамматика, историческая фонетика и историческая лексикология фиксируют существующие факты в историко-хронологическом плане, то история литературного языка раскрывает содержание этого «волнообразного движения». Сказанное Ф. Соссюром о связи языка и фонации можно отнести и к историческим отношениям между языком и литературной речью: «... язык можно сравнить с симфонией, реальность которой не зависит от способа ее исполнения; сшибки, которые могут сделать исполняющие ее музыканты, никак не вредят этой реальности» [4. С. 56].

Разумеется, идеальным развитие языка и литературной речи может быть только при наличии взаимосвязи между ними, а для этого необходимо, чтобы основу норм литературного языка (речи) составлял язык, обеспечивающий каждодневное живое общение его носителей. В этом случае взаимозависимость имеет динамичный характер; тот или иной строевой элемент языка (в данном случае, безусловно, прежде всего лексическая единица), утрачивая употребительность в речи, архайзируется и в языке; или же новый факт, только начинающий употребляться в речи (это, как правило, также единица лексического уровня), со временем адаптируется к системе, приводится в соответствие с нормами и, таким образом, входит в язык. Правда, как и в известном сравнении Ф. Соссюра языка с шахматными фигурами, где в зависимости от каждого хода отдельной фигуры изменяется ее отношение к другим фигурам, а также отношение других фигур к ней [4. С. 120—121], в языке арханизм или неологизм оказывает влияние на систему норм литературной речи. Достаточно двух-трех примеров на морфологическом и фонетическом уровнях, чтобы это изменение превратилось в качественный показатель в системе норм литературного языка; для того, чтобы лексический

материал смог оказать воздействие на качество нормы, необходим особый количественный показатель. Данный процесс никогда не прекращается, поэтому норма литературного языка носит исторический характер. В истории литературного языка разграничиваются соответствующие этапы, связанные с содержанием процесса формирования нормы. С этой точки зрения историческая грамматика, историческая фонетика, историческая лексикология и история литературного языка сталкиваются с различным положением. Например, в истории азербайджанского языка на рубеже XVI—XVII вв. завершается параллелизм фонетических и морфологических фактов, архаизируется значительное количество лексики тюркского происхождения: в XIX в. в лексической системе особый объем обретают русские и западно-европейские слова. И тот, и другой в переходные периоды можно квалифицировать как границу определенных этапов в истории литературного языка. В то же время исторические фонетика, грамматика и лексикология начиная с XIII в. (когда были созданы первые дошедшие до нас письменные памятники) и до наших дней знают лишь один этап. Проблема периодизации требует от историка языка исследований в ретроспективном плане как при изучении нормы литературного языка, так и при анализе его строевых элементов. В этом направлении «для историка языка проблема реконструкции имеет первостепенное значение... у историков литературного языка нет проблемы литературного праязыка, поскольку такого явления вообще не существует, нет также проблем реконструкции архетипов, форм под звездочкой и т. д.» [2. С. 9]. Эта мысль, на наш взгляд, совершенно справедлива. Однако в то же время Б. А. Серебренников вводит весьма интересное понятие: литературный праязык. Ни в одном из конкретных тюркских языков проблема праязыка не только не решена, но и не ставилась на должном уровне. Существуют лишь отдельные экскурсы в эту область. Разработка соответствующих проблем — непосредственная задача специалистов по исторической грамматике, фонетике и лексикологии, но и «историк литературного языка может их рассматривать в аспектах, необходимых для истории литературного языка» [2. С. 9]. Что же касается литературного праязыка, то понятно, что его нельзя искать в истории всех без исключения языков. Конкретные результаты могут быть получены при исследовании в этом направлении лишь тех языков, фольклорные памятники которых были записаны в средние века. Например, опираясь на язык дастанов «Китаби Деде Коркуд», а также других памятников, созданных в тот период, анализируя пословицы и поговорки, обрядовые и трудовые песни, восстанавливая аллитерацию, различные поэтехнические признаки в них, используя «Диван» М. Кашгари, можно определить литературный праязык современных огузских языков, и в первую очередь — азербайджанского. Язык фольклора — органическая часть литературного языка, устную ветвь которого он исторически составлял; «глубоко прав был А. А. Шахматов, утверждавший, что кодификация происходила прежде всего в живой речи, а не на письме. Письмо ее лишь закрепляло» [5. С. 35]. Разумеется, эта «кодификация» является макронормой, рассматриваемой современной лингвистикой как противоположность микронорме в литературном языке. Первичное закрепление этой кодификации до письма имеет место в языке народного творчества. Диктует это положение опыт разных языков: «язык народного героического эпоса — основа французского литературного языка донационального периода» [6]. Следовательно, и живой разговорный язык в первую очередь посредством языка фольклора, в большей степени обладающего систематической нормой, оказывает влияние на письменный литературный язык. На опре-

деленных этапах языкового развития жанры народного стиха и дастаны, гитая ведущий стиль, способствовали демократизации нормы литературного языка (именно этим характеризовался азербайджанский литературный язык XVII—XVIII вв.). Исходя из этого можно определить языковую принадлежность целого ряда памятников средневековья, для чего необходимо выработать специальную методику применения сравнительно-исторического метода в лингвистике текста. Можно, например, выявить корни конкретного современного литературного языка в так называемых сельджукских памятниках, соответствующих хорезмийскому, азербайджанскому и анатолийскому тюркскому. Рассматривая этапы истории литературного языка, мы сталкиваемся не только с вопросами, связанными с историко-лингвистическим содержанием различных периодов формирования контактов с другими языками и т. д., но и с проблемой «литературного праязыка». Как отмечает Ф. Соссюр, «...диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер, несмотря на видимые исключения из этого» [4. С. 126]. Это характерно и для истории строевых элементов языка, и для истории литературного языка. Однако в этом отношении наиболее легким является анализ «случайности» и «частности» явлений, принадлежащих истории литературного языка. Потому, что, в отличие от истории строевых элементов языка, «историю литературного языка создать без наличия письменных памятников невозможно» [2. С. 9], особым и редким случаем является значимость для истории литературного языка некоторых фактов языка фольклора [7]. Таким образом, на основе «частностей», имеющихся в письменных памятниках, можно для каждого памятника провести изоглоссу традиции своей нормы, с другой стороны, «свое» и «чужое» в норме можно анализировать с позиции императивности, созданной историческими условиями. Например, если не было бы среднеазиатской языковой экспансии, обусловленной монгольским нашествием, не было бы и джагатайских элементов в норме азербайджанского литературного языка XIV—XV вв. Иное влияние привело бы к появлению других элементов, отсутствие же подобного экстралингвистического воздействия вызвало бы и отсутствие «чуждых» элементов в языке памятников. Анализ языковой картины памятников в сравнении и в тесной связи с историческими событиями способствовал бы, как мы полагаем, получению научно достоверных результатов.

Изучение истории языка в двуплановом ракурсе исторической грамматики и истории литературного языка имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение, обусловленное прежде всего онтологической природой самого языка, его структурно-функциональным характером. Такой дифференциальный подход к истории языка создает необходимую предпосылку для объективного анализа в сменяющих друг друга синхронных срезах. В то же время он приводит к конкретизации исследуемой области, выработке специальных методик аналитического рассмотрения грамматических явлений в диахроническом аспекте и историко-литературно-языковых фактов в их поступательном движении. Это общее положение полностью применимо к истории азербайджанского языка.

Следует, как мы считаем, учитывать, что в истории азербайджанского языка едва ли удастся отыскать какой-либо письменный памятник, не вовлеченный в сферу изучения истории литературного языка. Если даже тот или иной текст в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношении в целом можно было бы принять за образец разговорной речи, то все же при записи он неминуемо подвергался литературному «улучшению». Так, например, переписчик эпоса «Китаби

Деде Коркуд», безусловно, привнес в язык этого памятника народно-поэтического творчества элементы письменного языка, его характерные черты. Философские трактаты («Дибаче») Физули и изобилующий народно-разговорными языковыми формами «Шухада-наме» (XVI в.) в равной мере считаются образцами письменного литературного языка. Различия имеются только в стилистическом плане. Таким образом, в истории азербайджанского языка разграничение письменных и устных памятников фактически оказывается чрезвычайно затруднительным, если даже не вовсе невозможным. Стало быть, письменные источники для исторической грамматики и истории азербайджанского литературного языка — одни и те же. Однако историческая грамматика включает исследование системно-структурных отношений, парадигм словоизменения, динамики частей речи и членов предложения и т. д. Уделяется при этом внимание формальным средствам выражения грамматических категорий при ориентации на этимологический подход к морфемам. И неслучайно столь важное место в ней занимают принципы реконструкции и относительной хронологии. История же литературного языка изучает языковые факты в тексте, ставя во главу угла функциональные возможности выражения мысли в связной речи. Поэтому ставится цель выяснить, как те или иные лексико-грамматические формы «обслуживают» дискурсивно-мыслительные, эмоционально-экспрессивные и прочие коммуникативные целеустановки в направлении от сообщаемого к адресату. Она раскрывает потенции грамматических явлений с точки зрения задач адекватного распределения их функциональной нагрузки, выразительной силы и т. д. Если историческая грамматика опирается на историко-типологическое развитие языковой иерархической структуры или языковой системы подсистем, то история литературного языка исходит из общественно-исторического и социально-познавательного феномена языкового сознания, исследуя, в частности, «специализацию» элементов разных уровней языка в качестве выразительных средств литературного стандарта, их роль в развитии и совершенствовании функциональных стилей и т. д. Вот почему историческая грамматика, изучающая историю грамматических категорий и форм их выражения, как бы безразлична к функционально-стилевой принадлежности письменных памятников, тогда как для истории литературного языка исключительно важно выяснить отношение письменного памятника к тому или иному функциональному стилю, его жанровой разновидности и т. п. К числу важнейших проблем литературного языка относятся проблемы становления и развития его функциональных стилей, сближения с народно-разговорной стихией. В этом смысле предметом истории литературного языка является история формирования и совершенствования его функциональных стилей. Как известно, в истории азербайджанского литературного языка, как, впрочем, и многих других литературных языков, доминирующую роль играл художественный стиль. Поэтому первостепенную важность приобретает исследование исторических путей развития фразеологии, фразеологических единиц, создававшихся первоначально как результат образного мышления.

В отличие от исторической грамматики, базирующейся на прослеживании исконных грамматических форм в языке, его диалектах, сравнении с таковыми в родственных языках, история литературного языка постоянно держит в поле зрения также взаимодействие автохтонных письменных форм языка с иноязычными элементами. Поэтому проблемы языковых контактов, заимствований, иноязычных влияний и т. д. занимают важное место в истории литературного языка.

В исторической же грамматике иноязычные элементы не включаются в структурный каркас грамматической системы языка. Известно, что государственными языками у большинства тюркских народов являлись на протяжении длительного периода арабский и персидский, их влияние ощутимо не только на лексическом, но и на морфологическом уровне. Например, в письменно-литературной речи довольно часто используется арабская форма множественного числа: *шүәра* 'поэты' — мн. от *шаир*, *үрәфа* 'знающие', 'мудрые' — от *ариф*, *һүруф*/*һүрүфат* 'буквы' — от *һарф* (это фонетические проявления арабских форм единственного и множественного числа в тюркских языках). Эта арабская форма множественного числа исторически усваивается в тюркских языках в морфологическом плане. Признаком отрыва иноязычного слова от исконной грамматической системы является принятие тюркского, например, азербайджанского аффикса множественности: *үрәфалар* 'знающие', *һүрүфатлар* 'буквы' и т. д. Освоение этой иноязычной грамматической модели уходит в глубь веков. Например, у Физули арабская форма множественного числа употребляется и воспринимается как форма единственного числа: «*Мәчнун*» *дејә тә'н едәр хәләјиг, Мәчнунә мәним гызым нә лајиг* (XVI в.); здесь *хәләјиг* ('народы' от *хәлг*) употребляется в значении «народ». Историческая морфология азербайджанского языка не останавливается на этой модели множественного числа, история же литературного языка изучает ее как факт демократизации нормы. Думается, что в этом отношении нет разницы между фактами родственных и иносистемных языковых заимствований. Но далеко не всегда удается выдерживать принцип единства функционирующих в данном (азербайджанском) языке формантов собственно тюркского и иносистемного, а также собственно азербайджанского и вообще тюркского происхождения. Так, например, аффиксы дательно-направительного падежа *-га* и винительного падежа *-ны*, как правило, в азербайджанском языкознании рассматриваются и в исторической грамматике, и в истории литературного языка [8—10].

Встречающиеся в письменных памятниках азербайджанского языка в эпизодическом плане факты характерны, например, для истории узбекского языка, они функционируют в нем и в настоящее время. В языке азербайджанских письменных памятников XV—XVI вв. они употреблялись по следующей закономерности развития тюркских языков: обычно тюркские литературные языки развивались неравномерно, в разные периоды выдвигался какой-либо из них и оказывал нормативное влияние на другие родственные языки. С одной стороны, в XIII—XIV вв. монголы, в особенности Тимуриды, угоняли в Самарканд и Бухару наряду с искусными мастерами — зодчими, оружейниками, ремесленниками также и образованных людей, поэтов. Те из них, кому удавалось впоследствии вернуться на родину, принесли в языке литературные речевые нормы узбекского языка. С другой стороны, влияние А. Навои на тюркоязычных поэтов XV в. сказывалось и на усвоении последними языка его произведений. Таким образом, в языке Насими, Кишвери, Хатаи, Аmani и других азербайджанских поэтов указанного периода джагатайско-кыпчакские элементы образуют определенную микросистему. Кишвери и сам упоминает в этой связи имя Навои: *Наваи һикмәтиндән Кишвери әһли-нәзәр болду. Чаһан мүлкүн тутар ше'ри, нәзәр болса, Нәваинин* 'Кишвери вскормлен мудростью Навои, стих которого способен завоевать мир, обратив на него мимолетный взор'. При этом поэт дает оценку деятельности правителя, вообще роли исторических условий: *Кишвери ше'ри Навои ше'риндән әсик имәс, Бәхтинә дүшәјди бир султан* *Һүсејни-Бајгара* 'Стих Кишвери не уступает стиху Навои, лишь нет у

него султана, подобного Гусейну Байгара', т. е. в эпоху Кишвери, в XV столетии, в Азербайджане не было той культурной среды, которая в Узбекистане сделала возможным появление Навои. Столь же благоприятные условия в Азербайджане образуются лишь в XVI в., в эпоху Сефевидов, когда к власти приходит шах Исмаил Хатаи, — в это время расцветает гений великого Физули. Именно поэтому находившийся в XV в. в зените своего развития благодаря Алишеру Навои джагатайский язык оказал влияние на азербайджанский, как и на другие тюркские литературные языки. В знак уважения к учителю поэты часто употребляли излюбленные им языковые элементы, а в назирах вообще повторяли языковые формы его стихов наряду с поэтехническими фактами. Так, например, отрицательный формант узбекского языка *-имас*, не присущий азербайджанскому языку, употреблялся у Физули только в подражание Алишеру Навои. Физули сыграл такую же роль в истории тюркских литературных языков в XVI в., какая в XV в. принадлежала Навои. Следовательно, подобные спорадические языковые факты, участвовавшие в формировании норм литературного языка конкретного времени, не должны быть предметом исторической грамматики.

Исторически в строевых элементах тюркских языков нет глубокого разграничения, как, например, в индоевропейских литературных языках. Каждая языковая общность, пользуясь арабской графикой, в письменности реализует фонетико-произносительные возможности своего языка. Поэтому для определения «своих» и «не своих», ограниченных во времени фактов, оказавшихся в конкретный период архаичными, можно предложить такой критерий: если в современных диалектах и говорах языка не встречаются те или иные элементы грамматического строя, то они исторически не принадлежали данному языку. Например, аффикс винительного падежа *-jы(атаjы* 'отца'), в отличие от *-ны* (*башны* 'голову'), широко употребителен в современных диалектах и говорах азербайджанского языка. Исторически оба они функционировали в азербайджанском языке (конечно, первый оказался сравнительно более устойчивым), для современной нормы азербайджанского литературного языка оба они архаичны. Но второй из них до сих пор в диалектах не был зафиксирован. Значит, в норме азербайджанского литературного языка XIV—XVI вв. он представлен как джагатайский элемент. В стилистической обусловленности этих фактов убеждает и то, что через два-три столетия указанные особенности вновь проявляются в азербайджанском литературном языке. Например, с конца XVI и начала XVII в. определяются основной лексический фонд, грамматический строй и фонетическая система современного азербайджанского языка. Вместе с тем в середине XIX в. в ряде городов Азербайджана, в особенности в Шуше, члены межлисов писали так называемые джагатай-наме, в которых наблюдалось обилие узбекских элементов. Например:

*Ошул кафирға көп јалбарма, еј дил, мурғни сәјјад
Тузағдын нала гылмаглыг билә азад гылгајмы* — (Аси. XIX в.)

'О сердце, не унижайся перед гяуром, не проси его ни о чем.

Разве рыданиями заставишь охотника выпустить птицу из ада?'. В начале XX в. азербайджанские поэты и прозаики, представляющие романтическое направление в литературе, отличительной чертой своего стиля считали употребление лексических, фонетических и грамматических особенностей турецкого языка; журнал «Фиюзат» полностью опирался на нормы турецкого языка. Напр.: *Еј зилли-тулуат ол ујорсын јенә пејда* (Фиюзат. 1906. № 1) 'Опять ты рождаешься, тень восходя-

шего Солнца'. В первые годы Советской власти нормы турецкого языка еще еще господствовали во всех стилях азербайджанского литературного языка. Рассмотрим пример: *Тикијорсын ағ көмләк әскәрләр үчүн јалныз... Чочугкән насыл, јарым Окшардым коварчинни, оһәвәслә окшарым Зәриф умүзларыны* (Маариф вәмәдәнијјәт. 1926. № 5—6) 'Шьешь белые рубахи только для солдат... Я ласкаю твои нежные плечи, любимая, как в детстве голубя ласкал'. Это влияние было связано с деятельностью представителей турецкой интеллигенции, прибывших в Азербайджан по просьбе молодой Советской республики, а также результатом обучения по привезенным из Турции учебным пособиям. Естественно, подобные факты не могут рассматриваться в качестве материала исторической грамматики азербайджанского языка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Как в русском языкознании, так и в тюркских лингвистиках история строевых элементов языка (звуковой системы, словарного состава, морфологического и синтаксического строя) составляет предмет учебной дисциплины «историческая грамматика». Поэтому в настоящей статье употребление термина «историческая грамматика» неоднозначно: в некоторых случаях под этим названием понимаются также историческая лексикология и историческая фонетика.

² *Серебренников Б. А.* Об основных отличиях истории строевых элементов языка от истории литературного языка//Сов. тюркология. 1981. № 4.

³ *Таирбеков Б. Г.* Философские проблемы науки о переводе: (гносеологический анализ). Баку, 1974.

⁴ *Соснор Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.

⁵ *Соколова М. А.* О некоторых морфологических и синтаксических данных русского языка начального периода формирования русской нации//Начальный этап формирования русского национального языка. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1961.

⁶ *Волкова З. Н.* Эпос Франции. М.: Наука, 1984.

⁷ Мы учитываем не только баяты, записанные, например, в XVI—XVII столетиях, но и фольклорные стихи, дошедшие до нас в устном виде и несущие на себе отпечаток истории:

Вермә хәзәрә мәни,
Чәкәр базара мәни.
Јада кәниз олунча
Салла мәзара мәни.

(Понятно, что подобное баяты не могло бы появиться после распада Хазарского государства. Наиболее частые вторжения хазаров в Азербайджан происходили в VIII—IX вв.). Или:

Апарды Б а т ы мәни
Гул еди, саты мәни
Јоллар узун мән јорғун
Дограды чаты мәни.

А это, безусловно, — продукт эпохи хана Батыя. Как уже отмечалось, сравнение с языком дастанов «Китаби Деде Коркуд» и произведений Гасаноглу, жившего в начале XIII в., подтверждает принадлежность этих текстов к соответствующим периодам. Различие может быть лишь в фонетико-орфографических показателях.

⁸ *Мирзезаде Н.* Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы. Баку, 1962.

⁹ *Начијев Т.* Азәрбајҹан әдәби дилинин тарихи. Баку, 1976.

¹⁰ *Дәмирчизадә Ә.* Азәрбајҹан әдәби дили тарихи. Баку, 1979.

Ш. Х. ХАЛИЛОВ, Н. Х. МАМЕДОВ

ОБЩЕНАРОДНЫЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
ЯЗЫКА XIII—XVII вв.)

Анализ фактов развития азербайджанского литературного языка, в том числе стабилизации и нормализации отдельных грамматических категорий, способствует выявлению довольно интересных явлений, происходивших на том или ином этапе истории азербайджанского языка. Так, например, в конце XVI—середине XVII в., т. е. на начальной стадии стабилизации [1. С. 55], азербайджанский литературно-художественный язык опирался в основном на свои внутренние ресурсы — на возможности общенародного разговорного языка. В связи с этим активизировались те формы, морфологические показатели и лексические единицы, которые восходили к разным периодам развития данного языка и, в течение ряда веков успешно выполняя возложенные на них функции, становились достоянием широких народных масс. Факты и формы, не свойственные общенародному азербайджанскому языку, но приносимые в письменный азербайджанский язык после появления азербайджаноязычных письменных памятников, причем минуя общенародную разговорную речь, как результат взаимодействия и взаимовлияния тюркоязычных литератур все же оставались в стороне от главных тенденций формирования литературной нормы. Примерами могут служить прибавление полных форм показателей родительного и винительного падежей к основам, оканчивающимся на согласные (*өзүм-нүн, биз-ни*), *-га, -кә* — полная форма направительного падежа, *-дын, -дин* — закрытый вариант исходного падежа, неопределенные числительные *коб, телим//делим, јавлаг* и т. д., древний показатель желательного наклонения *-гај, -ај*, аффикс будущего категорического времени *-ысар, -исар*, показатель аналитических глаголов *са+кәрәк*.

В дальнейшем азербайджанский литературный язык отказался и от некоторых общеогузских грамматических показателей. Например, исторически в художественно-литературных образцах винительный падеж выражался средствами *-ы, -и, -ны, -ни, -јы, -ји* (*ашиги, Лејлини, эсаји*). В последующем аффиксы *-ы, и, -ны, -ни* смогли подняться до уровня литературной нормы, а формы *-јы, -ји* закрепились за диалектами и говорами азербайджанского языка. Видимо, последние носили локальный характер. Об этом же свидетельствуют и данные современных диалектов и говоров [2. С. 76; 3. С. 86; 4. С. 10]. Значит, нормой стали лишь те формы, которые были свойственны общенародному разговорному языку.

Для наглядности рассмотрим историю развития грамматической категории лица.

Категория лица (1 л. мн. ч.). Судя по фактам, в литературно-художественных произведениях, созданных до XVI в., во всех спрягаемых формах глагола, даже в самой категории сказуемости, 1 лицо мн. ч. выражалось с помощью игравшего ведущую роль элемента -з. Например: *Газануң товла-товла атларын бинмишүз; алтын-дағы ол аҗғыры билүрүз* [5. С. 39, 249]; *...дедиләр бүтә тапа-руз* [6. Л. 12а]; *сәнүң һәггүндә гылымышуз јавуз; ...јохса нә'рә уруруз* [7. Л. 23а, 118 6]; *биз јетәрүз буңларә бу күн* [8. С. 5]; *Бәллүдүр нолысаруз бу ғәму ашуб илә биз* [9. С. 278]; *... ачма-нуз бунуң јүкини* [10. Л. 596]; *Ахирәтдә иришәрүз камә биз* [11. Л. 496]; *... әпсәм олмијәчәкүз* [12. Л. 1856]; *...вида етмәкә кәлмишүз* [13. Л. 666]; *истәрүз, тәкмәнүз* [14. С. 66, 69] и др.

Вместе с тем в языке произведений XIII—XVII вв. употребляется и элемент -г, -к. Обратимся к некоторым фактам.

1. *Повелительное, желательное, долженствовательное наклонения*: *Бир эчајиб гиссә олса сәјләјәк. Ануң илә көңлүмизи әјләјәк; Ағырынча алтун верәк* [6. Л. 36, 14а]; *Шаһ ајдур, бу јикиди бир көрәк, һалүни, әһвалүни андан сорағ* [8. С. 20]; *Ичүбән әсрүк олах; ...кәр јүз јыл кујиндә чан вермәлијух* [15. С. 116; 16. С. 348]; *Лејли дәр, шәһрә кедәк ја шәһријар* [11. Л. 49 а]; *Икимиз ол мәһвәш илә бир гәдәһдән мәст олаг* [14. С. 169].

Элемент -г, -к чаще всего встречается в произведениях устного народного творчества. Например: *Һәр икимиз вәслә јетәк дуадан; Дедим, дилбәр, кетмә бир дәм данышағ* [17. С. 23, 25]; *Сиз олун ел-обалы, Биз олаг оба јады; Икимиз һәмдәм олаг, Тәкәк ган-јаш булаға* [18. С. 28, 39]; *Кәл кедәк Чинә, Мачына; Үз дөшәјәк, сәчдә гылаг узһауз* [19. С. 43, 54].

2. *Условное наклонение*: *Шол гојунлары дәхи көтүрсәк, Газана улу һејиф едәрдуқ — деди* [5. С. 21]; *Ајытды, өлдүрмәк аны бизә хәта, Гүјүдә бырағалум дәрсәк рәва* [6. Л. 4а]; *Сидгә илә оху гылыч ирурсах* [9. С. 533]; *...Но:ла биз душуңа олсах хәбәрдар* [10. Л. 9а]; *Деди, керу сағә варсағ биз но:ла* [20. Л. 32 а]; *Шәриңүз јолундә биз гылсағ хәта, сән гыл кәрәм* [21. С. 78]; *...чан фәда гылсағ јолундә бизчә јохдур табү пич* [12. Л. 19 6].

Как показатель условного наклонения 1 л. мн. ч. аффикс -г, -к засвидетельствован также в древнетюркских письменных источниках [7. С. 146; 22. С. 101; 23. С. 32—33; 24. С. 135, 136, 149—150], причем со временем он становится еще более употребительным; будучи мало-развитым в восточно-туркестанских текстах XI—XIII вв. [7. С. 146], этот аффикс параллельно с элементом -з встречается в языках таких памятников XIII—XIV вв., как «Тәфсир» и «Гисасул-әнбија» (*барсамыз, барсак*) [24. С. 149—150]. Однако такое употребление формальных элементов утрачивает силу в староузбекском языке, где в качестве основного грамматического показателя условного наклонения 1 л. мн. ч. утверждается -г, -к [22. С. 240].

Характерно, что начиная с середины XV в. в турецком языке -вуз, -вүз, функционировавший как аффикс условного наклонения 1 л. мн. ч., также уступает свое место элементу -г, -к [25. С. 293].

Однако факты свидетельствуют, что -г, -к как грамматический показатель 1 л. мн. ч. условного наклонения существовал в общенародном разговорном языке древнетюркских народов, ибо не смог заменить -вуз, -вүз, употребительный в османско-турецкой литера-

туре; в староузбекском же языке, вытеснив элемент -з, он стал нормой. Отсюда следует, что при определении литературной нормы как в азербайджанском, так и в других тюркских языках основным мерилom стал общенародный разговорный язык.

3. *Изъявительное наклонение*: *Биз билүрүк дедиләр суң ејләдүк* [7.Л. 70а]; *зәррәңә горхмаруг бу датлу чандан* [16. С. 25]; *Нә тәдбүр едәлүм биз галмышуг мат; Ки биз дә олмышуг гәмдән пәришан* [22. С. 126, 144]; *Јарә чан ејләрүк нисар будур нијјәтимүз, Тутаруг дамәнини јар ола кәр дөвләтүмүз* [14. С. 172].

Как видно из приведенных примеров, элемент -г, -к по сравнению с -з был развит весьма слабо, однако, хотя и очень редко, его «ростки» видны в письменных образцах азербайджанского языка. В период стабилизации аффикс -г, -к стал нормой литературного языка для I л. мн. ч., но элемент -з все еще продолжал оставаться более употребительным. В чем же секрет такого явления? Почему форма, имевшая большую распространенность, не могла подняться до уровня литературной нормы, тогда как элемент, который только-только пустил ростки в письменных образцах, стал нормой для литературного языка?

Это стало возможным прежде всего потому, что аффикс -г, -к, видимо, еще со времен эволюции языка существовал в общенародном разговорном языке и охватывал почти все его ареалы. Элемент же -з, несмотря на его исторически широкую распространенность, не мог повлиять на общенародный разговорный язык и уступил место более близкому разговорному языку элементу -г, -к.

Имеются, на наш взгляд, весьма убедительные аргументы, позволяющие считать элемент -г, -к аффиксом лица, издревле употреблявшимся в общенародном разговорном языке:

1. Элемент -г, -к наблюдается в языке только тех классиков Азербайджана, чье творчество базируется на общенародном разговорном языке.

2. В дошедшем до нас наследии Гурбани (XVI), Сары Ашуга (XVII), Хаста Гасыма (XVII—XVIII), достойно представлявших народный стихотворный стиль в литературном языке, а также в образцах устного народного творчества, прошедших долгий и нелегкий путь, I лицо мн. ч. представлено именно элементом -г, -к, а не -з.

3. В современных диалектах и говорах азербайджанского языка элемент -з как показатель лица отсутствует. Во всех спрягаемых формах глагола, и даже в изъявительном наклонении, I лицо мн. ч. выражается через показатель -г, -к. Подобная картина наблюдается и в современном азербайджанском литературном языке. Эта особенность, как писал Н. К. Дмитриев, отличает азербайджанский язык не только от других тюркских языков, но даже от близких к нему тюркских языков огузской группы (туркменского, турецкого, гагаузского) [26. С. 12]. Факты свидетельствуют о том, что элемент -г, -к не является новым в языке, наоборот, он плод более древнего периода.

4. Следует отметить и то, что элемент -г, -к встречается чаще в диалектах и говорах, а также в общенародном разговорном турецком языке; современный турецкий литературный язык отражает больше классическую традицию [27. С. 293].

5. Элемент -г, -к стал нормой для литературного языка в период стабилизации. Если принять за основу, что азербайджанский язык в период стабилизации базировался главным образом на своих внутренних ресурсах, что предпочтение в нем отдавалось формам, издревле

существовавшим в общенародном разговорном языке, и что общенародный язык участвовал в создании литературной нормы, то не остается никакого сомнения в историчности существования элемента -г, -к в общенародном языке.

Категорическое будущее время изъявительного наклонения. Наблюдения и исследования в области азербайджанского письменного литературно-художественного языка наглядно показывают, что это время исторически выражалось, в отличие от современного литературного языка, разными морфологическими показателями: -ысар, -исэр, -асы, -эси, -ачаг, -эчэк и др. Аффикс -ачаг, -эчэк имел меньшую распространенность: преобладающими в образовании оттенков будущего категорического времени являлись -ысар, -исэр, -асы, -эси (особенно в XIII—XVI вв.). Обратимся к некоторым материалам:

1) -ысар, -исэр: *Көрүн нә кәлисәр ануң башинә* [28. С. 38]; *Көрмјәсәр көзләрүм ајруг сәни* [6. Л. 56]; *Ағлыјәсәр јарын ол Күлшаһ ичүн* [22. С. 3]; *һазыр олғил шимдисултан кәлисәр* [7. Л. 426]; *Ирсә әл әтәкүнә мөһкәм тутисарам* [9. С. 232]; *Тамунуң нариндә шәкисиз јанисәрдүр та әбәд...* [29. С. 94]; *Аһу вајлу өмрүм снуңлә кечисәр* [30. Л. 15а]; *Саңа андан јүкиш не'мәт олисәр* [10. Л. 246]; *Ондан олисәри өлмүн, еј әмир* [20. Л. 37а].

Аффикс -исэр больше был распространен в османско-турецкой литературе. Совсем неслучайно этот древний показатель, выйдя из употребления в азербайджанском языке в XVI в., в турецкой литературе обнаруживается до XVIII в. [31. С. 253].

Характерный для огузских языков аффикс -исэр зафиксирован также в древнечагатайской и староузбекской литературе [32. С. 182].

2) -асы, -эси: *Јенә һәм јүзин көрәсисәң сән ануң* [7. Л. 446]; *Көңлүм јар јолунә јанәсидүр* [9. С. 325]; *Бу дәрди ким ки билмәз јанәсидүр* [29. С. 109]; *Деди, бәкләр, билмәзәм ноласыдур, Башумузә ким нәләр кәләсидүр* [30. Л. 11а]; *Муны бөјлә салурсуз өләсидүр* [10. Л. 136]; *Дујмјәсисән бизи бир зәррә сән* [20. Л. 17а]; *Деди ки, ахир өлдүрәсидүр ани гајғу* [23. Л. 436]; *Ишимүз данлә дүшвар оласыдур* [33. Л. 82а]; *...чәкәсидүр* [34. Л. 936].

Аффикс -асы, -эси, редко употребляющийся как показатель будущего времени в художественно-литературном языке XIV в., был уже характерен для азербайджанского языка XV в. По мнению М. Ш. Рагимова, формальный показатель будущего категорического времени в средневековой турецкой и староузбекской литературе XIV—XV вв. был довольно широкоупотребительным [20. С. 141—154; 14. С. 43; 24. С. 181].

По словам Махмуда Кашгари, если аффиксы -гу, -гу, -ку, -ку были широко распространены в таких тюркских языках, как чигил, ягма, тухси, аргу, уйгур и другие, то для огузского, кыпчакского, бачанакского, болгарского языков был характерен -асы, -эси [35. С. 71].

Для азербайджанского языка более близким был -асы, -эси. Неслучайно функционировавший в литературно-художественных образцах языка -исэр в дальнейшем не оставил никаких следов даже в его диалектах и говорах, тогда как форма -асы, -эси и по сей день сохранила свою древнюю функцию—образование будущего категорического времени — в диалектах и говорах азербайджанского языка [36. С. 239, 242; 37. С. 166—168];

3) *-ачаг, -эчэк*, хотя по частоте употребления в языке художественной литературы XIII—XVI вв. значительно и уступает аффиксам *-ысар, -исэр, -асы, -эси*, тем не менее в тот же период выступает как показатель будущего категорического времени. Например: *Хејирдэн, шәрдэн... вә зијандан һәр нә ким олуп, олачагдур; Иманә кәлми-јәнләруң малларуни алып әһли вә әјәлләрүнү әсир едәчәкдур* [31. С. 42, 764]; *Көңлүмдә, шәһа, ешгүң мүкәррәр, олачахдур нә ким олмыш мүкәддәр; Мејкүн ләбүң илә, сәнәма, әсрүчәкәм бән* [4. С. 200, 417]; *Өлмүн дер әлүмдә олачагдур; ..севүн ки, рәнки анун сол ачахдур; Деди, гәм јемә ол һәм олачахдур* [38. С. 116]; *Мөһтәсиб башына ахыр сыначагдур бу әјағ* [39. С. 282]; *...бунлар иләм сурәтдә сәндән зүһур едәчәкдурлар* [13. Л. 646].

На первый взгляд кажется, что в стадии стабилизации из двух широкоупотребительных в языке средневековой письменности основных аффиксов категорического будущего времени (*-асы, -эси* и особенно *-ысар, -исэр*) один станет нормой литературного языка, однако происходит наоборот. Аффикс *-ысар, -исэр* покидает язык как инородный элемент, привнесенный в язык, а аффикс *-асы, -эси* переходит в диалекты и говоры азербайджанского языка, выполняя в них свою прежнюю функцию — образование будущего категорического времени. Видимо, употребление *-асы, -эси* было переходным этапом между письменным и разговорным языками, и потому этот аффикс не смог приобрести распространенность в общенародном разговорном языке подобно аффиксу винительного падежа *-јы, -ји*. В результате он перестал употребляться в литературном языке. До уровня нормы поднялся *-ачаг, -эчэк*, занимавший незначительное место в языке произведений, созданных до XVI—XVII вв. Это объясняется прежде всего тем, что хотя он и не употреблялся достаточно широко в письменном языке, однако с древнейших времен существовал в общенародном разговорном языке. Наше предположение подтверждает один из самых объемных письменных памятников прозы азербайджанского языка XVI в. — «Шуладе-наме» [12]. Аффикс *-ачаг, -эчэк* в языке памятника является основным морфологическим средством для выражения будущего категорического времени и употребляется во всех трех лицах единственного и множественного числа:

- 1 л. ед. ч.: *...шәһид олачағам Куфәдә бикорү кәфән* (л. 172а);
- 2 л. ед. ч.: *Сән дәхи гајгулу бәнүм јәнүмә кәләчәксән* (л. 162б);
- 3 л. ед. ч.: *Һеч кимсә сәнүңлә јарилик етмијәчәкдур* (л. 208а);
- 1 л. мн. ч.: *...анләрдән нечә һекајәт дијәчәкүз* (л. 308б);
- 2 л. мн. ч.: *...дүшмәнләруң әлләрүндән нә чәфаләр көрәчәксиз* (л. 114б);
- 3 л. мн. ч.: *...еј гәрдаш, галх ки, бизи дахи өлдүрәчәкдурлар* (л. 192а).

Как аффикс будущего категорического времени *-асы, -эси* в памятнике не встречается. Форма *-исэр* лишь один раз употребляется в стихотворном куплете без конечного согласного *-р*: *Көзүмдүр јолдә ким јарум кәлисәдә* (کلیسه), *севинур дил ки, дилдарум кәлисә* (کلیسه) (л. 32а).

Если принять во внимание, что язык памятника производит впечатление тавризского диалекта и что он базировался более всего на местных диалектных основах, то не вызывает сомнения существование аффикса *-ачаг, -эчэк* с давних пор в общенародном разговорном азербайджанском языке в качестве показателя будущего категорического времени.

Долженствовательное наклонение. Языковые факты литературно-художественных произведений показывают, что долженст-

вательное наклонение глаголов исторически выражалось различными аналитическими формами и средствами — такими, как *-са*, *-сə+кəрək*, *-маг*, *-мək+кəрək*, *кəрək+-а*, *-ə*, *-малы*, *-мəли* и др. До XVIII в. преобладала аналитическая форма со словом *кəрək*: *-са*, *-сə+кəрək*, *-маг*, *-мək+кəрək*, *кəрək+-а*, *-ə*. Например:

1) *-са*, *-сə+кəрək*: *Чунки дедүн, əлбəттə вəрсəм кəрək* [5. С. 89]; *Јүз ағач вурсам кəрəkдүр саңа* [6. Л. 236]; *Биң жыл бу вəчн илə сүрсə кəрəkдүр* [25. С. 69]; *...вəгə олсə кəрək* [13. Л. 52а];

2) *-маг*, *-мək+кəрək*: *...бу сөзи сən маңа дəмəмək кəрək идүн* [5. С. 89]; *Имди бу күн сəни өлдүрмək кəрək* [6. Л. 46]; *Ашиг олан мүддəинүң миннəтин чəкмək кəрək* [23. Л. 296]; *Ешг рəсмин ашиг өјрəнмək кəрək пəрванəдən* [39. С. 208]; *...мəнн мə'зур дут мək кəрəксүнүз* [12. Л. 366]; *Бир-биринүн һалүни сормаг кəрək диванəлэр* [14. С. 16];

3) *кəрək+-а*, *-ə*: *Кəрək бу дəрдүмə дəрман гыласан* [28. С. 52]; *Јəгуб атанə кəрək ол кедə* [7. Л. 26а]; *Кəрək һəгги гыласən ол гəдэр јад, ки сən ујдугча гəлбүң едə фəрјад* [20. Л. 156]; *Көздən кəрək елəсən ниһан сən* [40. С. 43] и др.

Преобладающее свойство аналитических форм в этот период не вызывает сомнения. Однако в языке письменных памятников до XVIII в. хотя и редко, но все же встречается выражение долженствовательного наклонения с помощью морфологического показателя *-малы*, *-мəли*. Например: *Кəр јүз жыл кујиндə чан вəрмəли јук һəр дəм саңа; һəркиши һалүнчə гуји газмалы* [21. С. 17. 99]; *Мəн кетмəли олдум инди хош гал* [40. С. 182]; *Чəбраил ајытды: — бən һəзрəт рəсул хидмəтүнə кетмəли олдум* [13. Л. 137б].

Как показатель долженствовательного наклонения *-малы*, *-мəли* обнаруживается и в образцах устного народного творчества. Например: *Сана Лејли, Әсли, Ширин дəмəли* [9. С. 9]; *Чунки сən кетмəли ол дун* [24. С. 102].

Специалисты по истории азербайджанского языка и по сей день придерживаются мнения, что якобы *-малы*, *-мəли* в качестве показателя долженствовательного наклонения впервые был употреблен Хатаи [41. С. 214; 42. С. 74]. Однако изучение рассказов Мустафы Зарира, азербайджанского поэта XIV в., показало, что этот аффикс употреблялся намного раньше — за 200 лет до Хатаи: *Пəс гəзəјə кетмəли олды һəман* [20. Л. 70а].

Несмотря на преобладание аналитических форм с показателями *-са*, *-сə+кəрək*, *-маг*, *-мək+кəрək* в период стабилизации до уровня нормы поднялся *-малы*, *-мəли*, заявивший о себе еще до XVI в. благодаря наличию его в общеразговорной устной речи. Нормализация наглядно показала, что форма *-малы*, *-мəли* функционировала в азербайджанском языке начиная с древнейших времен. Подтверждением этому служит ценный образец языка прозы XVI в. — «Шухадə-намə», где во всех лицах, кроме 1 л. ед. ч., долженствование выражается посредством *-малы*, *-мəли*:

2 л. ед. ч. ... *Куфəјə мəјл вə əзм кетмəлүсən* (л. 177а);

3 л. ед. ч. ... *Əлбəттə, дəмəлүдүр* (л. 113а);

1 л. мн. ч. ... *бу јолə кетмəли јүз* (л. 113а);

2 л. мн. ч. ... *Даңдə сиз чох ағламалусыңуз* [41. С. 216];

3 л. мн. ч. ... *Мəхлугат вари фə'на шəрбəтүни ичмəлүдүр* (л. 76б, 77а).

По имеющимся данным, *-малы*, *-мəли* в языке «Шухадə-намə»

употреблен 30—35 раз [42. С. 75].

Возникает вопрос: почему десятки форм, свойственных разговорному языку и в период стабилизации поднявшихся до уровня нормы, были слабо развиты в языке произведений, созданных до XVI в., а в XVI—XVII вв. стали употребляться в литературных произведениях все чаще и чаще? Объясняется это прежде всего тем, что ведущим в письменном литературном языке азербайджанского языка до XVI в. был классический стиль. И вполне естественно, что формы, которые являлись плодом общенародного разговорного языка, не могли быть привнесены в письменный язык в достаточном количестве.

В конце XVI—нач. XVII в. ситуация несколько изменилась. Как письменная, так и устная ветвь фольклорно-разговорного стиля в силу создавшихся благоприятных условий стала усиленно развиваться. В результате в ином направлении начал формироваться и литературный язык.

Острая борьба между классическим и фольклорно-разговорным стилями завершилась победой последнего, что и обусловило его ведущую роль. Те грамматические формы, которые некогда существовали в общенародном языке и по тем или иным экстралингвистическим и внутриязыковым причинам не попали в литературный язык и в письменную литературу, получили теперь признание.

Исходя из этого, десятки и даже сотни родственных азербайджанскому языку грамматических форм не следует считать случайным явлением лишь за то, что они были малоупотребительны в языке письменных произведений XIII—XVI вв., а в XVI в., наоборот, получили широкую распространенность.

Можно привести не один пример того, что в период стабилизации основным фактором в становлении литературной нормы был общенародный разговорный язык.

В то же время не подлежит сомнению, что независимо от тех или иных грамматических показателей, которые были употребительны в письменном языке до стадии стабилизации, рассмотренные форманты существовали в общенародном азербайджанском разговорном языке. Иными словами, те формы, которые не сумели приобрести общность для общенародного языка, не смогли подняться и до уровня нормы. Именно поэтому в языке встречаются такие морфологические показатели и языковые факты, которые, исторически занимая незначительное место или же совсем не засвидетельствованные в письменном языке, тем не менее стали нормативными для языка.

Итак, в заключение мы можем сделать вывод, что на стадии стабилизации при установлении литературной нормы общенародный разговорный язык играл довольно значительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Начыјев Т.* Азәрбајҹан әдәби дили тарихи. Бақы, 1976.
2. Азәрбајҹан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри. Бақы, 1967.
3. Азәрбајҹан дилинин Нахчыван групу диалект вә шивәләри. Бақы, 1962.
4. *Ширәлијев М. Ш.* Бақы диалекти. Бақы, 1957.
5. *Dedem Korkut kitabı* (Hazırlayan Orhan Şaik Gökyay. İstanbul, 1973 (IX—XI вв.).
6. *Darir. Jusuf ve Züleyha.* İstanbul üniversitesi kütüphanesi. TY-311 (XIV в.).
7. *Сулү Фәғиһ.* Јусиф вә Зүлейха. РӘИ. С-146 (XIV в.).
8. *Ertaylan İsmail Hikmet.* Varaka ve Gülşah. İstanbul, 1945 (XIV в.).
9. *Kaai Bühraneddin.* Divanı/Prof. Dr. Muharrem Ergin. İstanbul, 1980 (XIV в.).

10. *Шәмс. Гиссеји-Јусиф*. РЭИ. ФС-208.
11. *Һәзири. Лејли вә Мәчнун*. РЭИ. ФС-531 (XV в.).
12. *Шүһәданама*. РЭИ. ФС-211 (XVI в.).
13. *Һәдигәтүс-сүәда*. РЭИ. М-249 (XVI в.).
14. *Тәбризи Гөвси*. Сечилмиш әсәрләри. Бақы, 1958 (XVII в.).
15. *Хәтаи Шаһ Исмајыл. Дәһнама*. Бақы, 1959 (XV в.).
16. *Он же*. Әсәрләри. Бақы, 1976. 2 ч. (XV в.).
17. *Гурбани*. 55 ше'р. Бақы, 1972 (XVI в.).
18. *Сары Ашыг*. Ше'рләр. Бақы, 1966 (XVII в.).
19. *Хәстә Гасым*. 46 ше'р. Бақы, 1975 (XVII—XVIII вв.).
20. *Тәбризи Әһмәди*. Әсәрнама: (әлјазмасынын фотофаксимиле, сөзлүк вә изаһаты). Бақы, 1964 (XV в.).
21. *Хәтаи Шаһ Исмајыл*. Сазым. Бақы, 1973 (XV в.).
22. *Фәдаи*. Бәхтијарнама. Бақы, 1957 (XVI—XVII вв.).
23. *Тәбризи Кишвәри*. Диван. РЭИ. ФН-254 (XV в.).
24. Бајатылар (XVII—XX әсрләр). Бақы, 1977.
25. Ихтијарати-гөванди-күллијә. РЭИ. Б-264 (XV в.).
26. *Дмитриев Н. К.* К истории аффиксов сказуемости//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Т. 2: Морфология.
27. *Ergin Muharrem*. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962.
28. *Dāstan-i Ahmet Narami*. İstanbul, 1946 (XIII—XIV вв.).
29. *Нәсими Имадәддин*. Әсәрләри. Бақы, 1973. 1—3 ч. (XIV в.).
30. *Тәбризи Хәтаи*. Јусиф вә Зүлөјха. РЭИ. М-185 (XV в.).
31. *Зәрир Әрзурумлу Мустафа*. Сијери-Зәрир. Ankara, 1945. Ts. 3. (XIV в.).
32. *Абдурахмонов Ғ., Шукuroв Ш.* Ўзбек тилининг тарихи грамматикаси. Тошкент, 1973.
33. Ғәнифә гиссәси вә јахуд «Чәнкнама». РЭИ. ФС-208 (XVI в.).
34. Мәһшәрнама. РЭИ. ФС-208 (XVI в.).
35. Девону луғотит турк. Тошкент, 1961. Т. 2.
36. *Рүстәмов Р.* Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бақы, 1965.
37. *Исламов М.* Диалект вә шивәләримиздә -асы//-әси формаларынын мә'на хүсусијјәтләри һаггында//Азәрбајчан дилчилији мәсәләләри. Бақы, 1967.
38. *Ғидајәт*. Диван. РЭИ. ФС-371 (XV в.).
39. *Фүзули Мәһәммәд*. Әсәрләри. Бақы, 1958. 2 ч. (XVI в.).
40. *Он же*. Лејли вә Мәчнун. Бақы, 1958 (XVI в.).
41. *Рәһимов М. Ш.* Азәрбајчан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Бақы, 1965.
42. *Хәлилов Ш. Х.* Фе'лин вачиб шәклинин тарихи инкишафы вә мұзаре заманын инкары һаггында//Түрк дилләринин лексик-морфологи гурулушу: Елми әсәрләрин тематик мәчмүәси. Бақы, 1981.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. Ш. ХУСАИНОВ

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПЛАЧА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистической литературе довольно широко распространено мнение о том, что звукоизобразительные слова в определенной степени противопоставлены всей остальной лексике. В связи с этим некоторые исследователи считают, что такие слова слабо подчиняются фонетическим, а иногда и грамматическим законам, обязательным для остальной лексики, и в силу своей периферийности составляют особую фонологическую подсистему [1. С. 277—316; 2; 3]. Вместе с тем, как полагает С. М. Толстая, «следует признать сильно преувеличенным представление о звуковом „анархизме“ ономастической лексики, по крайней мере той, которая не относится к так называемым, непосредственным имитациям и носит следы грамматической и словообразовательной оформленности, что и обеспечивает в сущности ее принадлежность к языку» [4. С. 272]. Всю звукоизобразительную лексику одного или нескольких языков фактически можно соотнести с различными этапами лексикализации, отраженными в последовательном ряду эволюционно-структурных моделей языковой системы. Трудность определения звукоизобразительной функции фоносемантической модели или элементов слова зависит от степени его лексикализованности, денатурализованности [5. С. 187]. Этому процессу, как показывают материалы по лексике казахского языка, по сравнению с глаголами смеха в большей мере подверглись рассматриваемые в данной статье звукоизобразительные глаголы плача.

Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих различные виды плача, также как и смеха, имеет ряд семантических признаков, одним из которых является наличие/отсутствие слез, причем выражение горестных эмоций с наличием слез можно дифференцировать по степеням — слабая, средняя, сильная и максимальная. Семантический признак со звучанием/без звучания голоса также делится на четыре степени. Наконец, по критериям, разработанным М. С. Ротовой [6. С. 11—14], каждый вид плача может иметь или не иметь какую-либо дополнительную характеристику, отражающую особенности мимического выражения, специфические звуки, степень экспрессивности или ситуативное своеобразие выражения горестных эмоций. Отражая указанные признаки, казахские подражательные глаголы плача, как правило, тесно связаны с звукоизобразительной системой, типологически общей для целого ряда языков. Проследим закономерности семантического развития многозначных звукоизобразительных форм в плане отражения плача и других естественных звучаний.

Añıǵar žıla- 'горько плакать, ревямя реветь' (о женщине; голос громкий, протяжный, звук открытый, сильный; рот раскрыт предельно;

слезы умеренные или обильные; плач женщины, потерявшей близкого, оставшейся в одиночестве).

В тюркских и монгольских языках от корня аң образуется ряд производных. Ср.: кирг. аңгига- 'реветь, кричать (об осле), выть, голосить, орать; разинуть пасть; зиять; быть необитаемым', аңгај- 'разверзаться, зиять', аңіг- 'быть в недоумении, растеряться, опешить'; туркм. аң бол- 'удивляться, поражаться', аңқал- 'удивляться, изумляться, заезваться'; тув. аңқај- 'открываться, распахиваться'; хакас. аңтај- 'опешить, разинуть рот'; узб. аңқај- 'удивленно смотреть, растерянно озираться'; монг. аң 'щель, трещина, расщелина'; аңда- 'зиять, быть раскрытым'; эвенк. аңа- 'открывать (рот, глаза)'. В словаре Э. В. Севортяна, кроме того, приводится несколько производных со значениями «дурак, ротозей, ошалелый, глупый» [7. С. 154—156]. К ним, очевидно, необходимо добавить и такие формы, как кирг. аңқилда- 'скулить (о собаке)', аңқиш 'писк (сурка)'; якут. аң — подр. отрывистому лаю, аңаа-тп- 'громко издавать протяжные гнусавые звуки' и т. д.

В казахском языке данный корень лежит в основе таких производных, как аң ет- 'издавать резкий отрывистый звук, отзываться громким эхом', аңқилда- 'говорить громко, простодушно, наивно-доверчиво; громко раздаваться, звучать; сильно дуть (о ветре)', аңқіј- 'быть раскрытым, распахнутым; удивляться', аңқаш 'бесхитростный, ротозей', аңіга- 'голосить, реветь, громко кричать, горько плакать; сильно дуть (о ветре)' и т. д.

Как пишет Э. В. Севортян, «по своему семантическому типу корень всех приведенных производных, т. е. глагол аң-~а:ң-, примыкает к мимеографическим лексемам, выражающим облик, вид, позу, положение, состояние живых существ, главным образом человека, — в данном случае облик опешившего, изумленного человека» [7. С. 155]. Исследователь считает, что значение «быть широко открытым, открываться, широко растворяться» у глагола аңқај- может быть вторичным, обобщенным от значения «удивленно смотреть, таращить глаза». Исходным значением у *аң, по его мнению, было «изумленный, растерянный» и т. п.

В связи с этим обращают на себя внимание два момента. Во-первых, то, что в якутском языке сохранилась «чистая» форма аң — подр. отрывистому лаю собаки, в киргизском — аңқ — с модификатором қ в том же значении, в казахском — звукоизобразительное аңқ — подр. резкому отрывистому звуку, структурно близкие таким звукоподражательным корням, как ің, ең, ің со значением «различные гнусавые звуки», от которых аң в градиационном ряду отличается лишь более открытым и громким звучанием. Во-вторых, наличие в монгольском «чистой» формы аң 'щель, трещина, расщелина', в маньчжурском аң 'крик', в эвенкийском аңа- 'открывать (рот, глаза)' [8. С. 145], от которых образуется ряд производных со сходными значениями. Эти два момента, по-видимому, позволяют предполагать, что аң в древности, на уровне алтайской эпохи, могло представлять собой синкретичное образование со значением чего-то открытого, зияющего и подражания открытому громкому звуку. А так как звукоизобразительные слова относятся к «наиболее древним слоям лексики» [9. С. 92], то последнее значение необходимо рассматривать как исходное, сохранившееся в каз. аңіга- 'голосить, реветь, громко кричать, горько плакать'; узб. хангга- 'реветь, кричать (об осле), орать, кричать во все горло, горланить'; кирг. аңуїга- в том же значении.

Вақігір žіла- 'реветь, голосить, громко плакать' (только о детях; чаще с широко раскрытым ртом; иногда без слез; плач каприз-

ного, избалованного ребенка, требующего удовлетворения его желаний; плач ребенка от сильной боли и т. д.).

Э. В. Севортян указывает на историческую связь производных *boqurdaq, boqurtlaq, boıyuzdaq* в значении «горло, гортань, кадык, глотка» с производящей основой *boqıg- < bo-qıg-* 'орать, реветь' [7. Т. 2. С. 184]. Дальнейший морфологический анализ производящей основы в диахроническом плане автор не дает.

Изучению морфологического состава звукоизобразительных глаголов на *-qıg(a)* посвящено несколько работ. Наиболее вероятной и последовательной в привлечении переходных форм и определении истоков происхождения и развития этого сложного аффикса представляется точка зрения Г. Рамстедта и частично сходная с ней позиция М. Рясина и Б. М. Юнусалиева, впоследствии обобщенная Т. Текином [10. С. 36, 55, 56; 11. С. 58, 96; 12. С. 174; 13. С. 504]. Результаты исследований этих ученых позволяют выделить корневую морфему не как абстрактную структурную единицу, а как реальное для данного языка звукоизобразительное слово, занимающее конкретное место в системе слово- и формообразования. Последовательное разложение аффиксальной морфемы на исторические составляющие как в формальном, так и семантическом плане дает возможность проследить процесс развития звукоизобразительного корня от условно исходного к вторичному и далее до лексикализованного образования. В частности, корневая морфема звукоизобразительного глагола в казахском языке восстанавливается с помощью сопоставления с гомогенными глаголами казахского, других тюркских и алтайских языков. Поморфемный анализ приводит к выделению гипотетического корня *ba*, совпадающего с якут. *ba-ba* — подр. крику филина, тетерева, летяги. Однако якутское подражательное *ba-ba* имеет междометный характер, лексикализованной формой которого в тюркских языках являются *bağ, baq, bağ* (ср.: каз. *mā* — подр. бляению овец, коз > *mañğa* 'блеять', *mō* — подр. мычанию > *mōñge-* 'мычать' и т. д.).

Bozda- 'плакать горючими слезами, реветь, надрывно кричать' (о верблюдице, верблюжонке; о матери, потерявшей ребенка, об осиротевшем ребенке; голос надрывный, громкий, рот раскрыт, слезы обильные).

Э. В. Севортян приводит несколько гомогенных форм: *bozna, bozda, bozdo, pozda, posto, buzla, bužla, busta, musta, pusta*, встречающихся в современных тюркских языках и письменных памятниках со значениями: «реветь, кричать (о верблюде, верблюдице, верблюжонке), плакать, рыдать, стонать плачущим голосом, стенать, причитать, умолять жалобным голосом; скучать о чем-либо, стремиться». В связи с этим он высказывает следующее предположение: «Глагол *bozla-* можно было бы рассматривать как производное, образовавшееся от обозначения детеныша домашних животных + глаголообразующий аффикс *-la-*. Начальную форму предполагаемого глагола можно было бы представить в виде *bozula-*: ср., напр., лоб. *bozula-* 'реветь, плакать, кричать', туркм. диал. *bozula-* 'реветь (о верблюде), реветь подобно верблюду, издавать резкие, горестные звуки, кричать, плакать', *bozolaš-* 'блеять'. Производящую основу глагола, т. е. *bozu, bozo*, можно отождествить с обозначениями для теленка, в частности с *bozo*, где второе «о» может быть лишь производным (а не исходным), поскольку некомбинаторное «о» в непервых слогах невозможно в абсолютном большинстве тюркских языков. Для *bozu, bozo* ср. тюрк. диал. *huzo, huzow, huzoj, bozaı* и т. п. — все со значением «теленки». Однако в древнетюркском словаре и

соответственно в памятниках встречается глагол *bozla-*, рядом с которым для обозначения теленка в тех же источниках употребляется форма *buzay* и т. п. Форма же *bozu* отмечается лишь в современных языках. Это обстоятельство, — считает Э. В. Севортян, — ослабляет высказанное... предположение» [7. Т. 2. С. 175, 176].

Вместе с тем, если исходить из того, что общим исходным значением *buz-*, *boz-* является «реветь, кричать (о верблюде и т. д.)», то значением производных *buzo*, *buzow*, *buzaw*, *bozay* и т. п. будут «ревуший, кричащий», со временем получившие именной статус со значением «теленка». Более того, если учесть, что чередования *г* и *з* возможны не только на межъязыковом уровне, но и в одном языке (ср.: каз. *bozag* — «белеть, светлеть, становиться серым», *burıldan* — «седеть, покрываться сединой», *köz* — «глаз», *kög-* — «смотреть, видеть»), то и *bur-* (отсюда *buga* — «верблюдо-производитель» (двугорбый) будет иметь то же значение, что и *buz-*, *boz-*, т. е. «реветь, кричать». Междометным выражением крика рева домашних животных, как известно, являются «чистые» формы: *тее*, *түй*, *төө*, *бее*, *бөө* и т. д. Исходя из фонетической и семантической близости между лексическими и подражательными выражениями крика, рева, а также из того, что, как отмечалось выше, *boz-* означает не только «реветь», но и «блеть», по-видимому, вполне реально предположить, что *boz-*, *buz-*, *bug-* необходимо рассматривать как звукоизобразительные формы, представляющие собой лексикализированные образования от соответствующих звукоподражаний реву, крику животных.

Dawıstap žıla- «плакать в голос, голосить» (например, приехавший на похороны, приближаясь к аулу, на довольно далеком расстоянии спешивается с коня и, подходя к дому умершего, начинает громко и протяжно голосить, чаще всего произнося *ojbaı*, *bawurım* — «о, мой родственник»; голос громкий, со слезами, чаще без слез; в отдельных областях и в наши дни такой плач характерен не только для женщин, но и для мужчин (например, у семиреченских казахов).

В основе названия плача лежит существительное *dawıs* — «голос». Гомогенность существительных *dawıs* и *dībīs* — «звук» не вызывает сомнений. Учитывая, что круглощелевой губно-губной сонорный в казахском языке восходит к одному из смычных согласных (*taw* < *tay*), по-видимому, форму *d(i)b* необходимо рассматривать как более древнюю. Существительное *dībīs* состоит из корневой морфемы *dīb* и именного аффикса *-īš-*, которому в киргизском соответствует *dībīš*, в башкирском — *tawīš*, в уйгурском — *tavūš*, в узбекском *tovūš*. В фонетико-морфологическом плане гомогенными с данными вариантами корня являются формы *dīb*, *dab*, *top*, *tīp*, *tap* со значением подражания топоту, стуку копыт. С присоединением к ним именного аффикса *-(i)g* со значением названия многократного действия образуются существительные — вторичные звукоподражательные основы, сингармонические варианты, различающиеся силой звучания: *dībīr*, *dabīr*, *tīpīr*, *topīr*, *tapīr* со значением «многократный, продолжительный топот, шум, суматоха» и т. д.

По Севортяну, «рассматриваемый глагол — производное, вероятно, от звукоподражательной основы **ta:p*, имитирующей шум шагов, топот и означающей поспешность, как о том можно заключить по *tap* — «вмиг, сразу», алт. диал. *tap etip* — «быстро, опрометью», туркм. *dabīrda-* — «скакать, мчаться (издавая топот)»... С тюркской подражательной основой, по-видимому, гомогенно монг. *dab/dav* — наречная частица, указывающая на неожиданное или резкое движение... Производящая основа глагола *da:bīra* — та же, что и в существительном *da:ban* — «подошва» (ср.: каз. *taban* < *tap* — «топать». — Х. К.). Но она применена здесь не в понятийном

значении, а в подражательной функции, имитируя топот ... Как следует из всего рассмотренного материала, глагол *tabīra-* и т. д. вместе со своей производящей односложной основой в звукоподражательной функции принадлежит древнейшему слою тюркской лексики» [7. Т. 3. С. 113, 114].

Следовательно, на первый взгляд нейтральное в звукоизобразительном отношении существительное *dawīs* 'голос' исторически восходит к звукоподражательному корню *tap* 'топать, стучать (копытами)'.

Keŋkildep žīla- 'плакать негромко, отрывисто, вздрагивая, слегка тряся плечами'. Такой плач более характерен для мужчин, иногда встречается у детей.

При самостоятельном употреблении подражательная основа *keŋk* обозначает отрывистый, достаточно громкий звук. Образованные аффиксальным способом производные сохраняют семантическую связь с исходным значением; ср.: кирг. *keŋk* — подр. отрывистому и громкому звуку, *keŋkildep jīla-* 'плакать навзрыд', туркм. *kentlevuk* 'нёбо', *heŋkir-* 'громко плакать, рыдать, реветь, голосить, орать, кричать', якут. *kininej-* 'бурчать, ворчать под нос', узб. *xikildok* 'гортань, горло', тув. *keŋgirge* 'барабан, бубен, литавры' и т. д. Анлаутный и ауслаутный смычный основы звукоизобразительно релевантны, так как в составе усеченно-экспрессивной именной части аналитического глагола *keŋk-keŋk kul-* 'смеяться негромко, как бы покашливая (часто злорадно, ехидно)' и в рассматриваемом глаголе плача способствуют обозначению отрывистого звучания.

Eŋkildep žīla- 'плакать негромко, издавая отрывистые стоны' (иногда без слез; чаще о мужчинах). Выпадение анлаутного глухого смычного *k* привело к большей акцентуации сонорного *ŋ*, часто встречающегося в звукоподражательных словах со значением подражания резонирующим, назальным звукам хныканья, стоны, стелания, бормотания под нос, заунывного напева и т. д. Ср.: каз. *īŋqīlda-* 'стонать', *īŋīlda-* 'тихо напевать', *mīŋqīlda-* 'гундосить, гнусавить', певнятно говорить', др.-тюрк. *ipčīqla-* 'горевать, стонать', кирг. *īŋq et-* 'издавать глухой отрывистый звук' (например, при ударе в живот), туркм. *īŋ* — подр. стону больного, якут. *īŋ* — подр. звуку глухого мычания, узб. *īŋkilla-* 'кряхтеть, стонать' и т. д.

Тюркским звукоизобразительным глаголам со значением «стонать, хныкать» и т. п. в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках соответствуют: монг. *ingaa* — подр. плачу новорожденного ребенка, *gunš-gaŋax-* 'гнусавить, хныкать, ныть', орок. *suŋutči-* 'стонать', эвенк. *uŋki-* 'плакать (о ребенке)', *uŋa-* 'петь' и т. д.

В рассматриваемом казахском глаголе плача анлаутный гласный *e*, гередающий негромкое звучание, соответствует несильному голосу; модификатор *k* в звукоизобразительном плане тождествен ауслаутному согласному в описанной основе *keŋk*.

Eŋger žīla- 'рыдать, голосить' (слезы обильные, голос громкий, протяжный; чаще о женщинах среднего и пожилого возраста).

В звукоизобразительном отношении глагол *eŋge-* отличается от рассмотренного *eŋkilde-* прежде всего модификатором/аффиксом, в качестве которого здесь выступает вибрант *g*, обозначающий многократность, продолжительность действия или звучания.

Qīŋqīldap žīla- 'хныкать, плакать тихим, гнусавым голосом' (о больном или капризном ребенке; со слезами или без слез; плач ребенка, назойливо пристающего к родителям с какой-либо просьбой, каким-либо капризом).

Звукоизобразительность увулярного сонорного η в подражательной основе $q\eta q$ хорошо раскрывается при сопоставлении гомогенных образований в нескольких тюркских языках: каз. $q\eta q\tilde{il}da$ — 'хныкать, назойливо просить о чем-либо', $q\eta s\tilde{il}a$ — 'скулить, жалобно завывать', кирг. $q\eta$ — подр. тихому стону, $q\eta g\tilde{il}ga$ — 'бренчать, позвякивать', туркм. $x\eta$ — подр. стону, ворчанию собаки, якут. $q\eta\tilde{i}naj$ — 'сердито бурчать, горчать под нос, невнятно говорить', узб. $\eta\eta\tilde{il}la$ — 'жужжать, плаксиво жаловаться, ныть, хныкать, надоедать (беспрерывным хныканьем)', тув. $q\eta\eta ga$ — 'звенеть, звонить', хакас. $x\eta z\tilde{i}$ — 'хныкать', $x\eta\eta pa$ — 'тихо напевать, мурлыкать' и т. д.

Ökirip žīla — 'ревья реветь, реветь благим матом' (чаще о мужчинах; голос грубый, протяжный; слезы обильные; плакать, выражая чувство безутешного горя).

Исходное значение звукоизобразительного глагола в тюркских языках связано с подражанием реву животных, что явно выражено во многих производных: др.-тюрк. $k\ddot{o}kre$ — 'реветь' [14; 3. С. 282], каз. $\ddot{o}k\ddot{u}r$ — 'реветь (о быке), голосить, рыдать, громко плакать', кирг. $\ddot{o}k\ddot{u}r$ — 'реветь (о быке), громко плакать и причитать (о мужчине)', туркм. $b\ddot{o}g\ddot{u}r$ — 'реветь, мычать (о быке), громко плакать', якут. $\ddot{o}x$ — подр. реву напуганной или раненой скотины; звуку, издаваемому при рвоте, узб. $ogir$ — 'реветь, кричать (о косуле)', $\ddot{o}k$ — 'гортань, глотка'. «Чистой» подражательной формой, от которой берут начало лексикализованные единицы типа ГС, СГ, СГС, очевидно, было тоновое выражение эмоционального состояния как реакции на то или иное внешнее воздействие.

Oksip žīla — 'плакать негромко, всхлипывая, задыхаясь, сильно вздрагивая' (чаще об обиженном ребенке, подростке; слезы умеренные, иногда такой плач является результатом продолжительного громкого рыдания, когда человек уже начинает успокаиваться).

Звукоизобразительность глагола $\ddot{o}ksi$ в целом совпадает с рассмотренным $\ddot{o}k\ddot{u}r$, при этом различие наблюдается в модификаторах, на уровне вторичного звукоизображения уточняющих семантические оттенки производных единиц.

Šarīldap žīla — 'резко, неожиданно заголосить' (о крике новорожденного). Основное значение звукоподражательного корня $\dot{\eta}ar$: $\dot{\eta}ar$ — «шумно, бурно течь, бурлить»; с присоединением модификаторов образуется ряд производных значений. Ср.: каз. $\dot{\eta}ar\tilde{il}da$ — 'шуметь, бурлить (о потоке воды); пронзительно кричать', $\dot{\eta}ar\tilde{il}da$ — 'издавать резкий, отрывистый звук, трещать, хрустеть, с шумом разрываться', др.-тюрк. $\dot{\eta}ar\text{--}\dot{\eta}ar$ — подр. звуку сильного дождя или потока воды [14; 1. С. 324], $\dot{\eta}ar\tilde{il}a$ — 'громко плакать, реветь' [15. С. 41], кирг. $\dot{\eta}ar$ — 'быстрое, бурное течение, стремнина', туркм. $\dot{\eta}ar\tilde{il}a$ — 'бурлить, журчать', $\dot{\eta}ar\tilde{il}a\eta uq$ — 'водопад', якут. $\dot{\eta}ar$ — подр. звуку падения струи воды, узб. $\dot{\eta}ar\tilde{il}la$ — 'журчать, урчать, трещать, быстро, обильно и шумно течь', тув. $\dot{\eta}a\tilde{il}a$ — 'шуметь, рокотать (например, о море, водопаде)' и т. д.

В межъязыковых соответствиях чередование анлаутных фрикативных $\dot{\eta}$ и s фоносемантически индифферентно, так как оно происходит в рамках одного фонемотипа. Долгота гласного инлаута в тувинском звукоподражательном глаголе мотивирована выпадением сонорного r , что характерно и для современного уйгурского языка [16. С. 71—75].

Šiŋgīrip žīla — 'плакать тонким, визгливым голосом, визжать' (о грудном ребенке, малыше; слезы обильные). Значения звукоизобразительного корня $\dot{\eta}iŋ$, в основном связанные с подражательной функцией увулярного сонорного η , чаще всего передают звонкие, бренчащие, звякающие звуки. Ср.: др.-тюрк. $\dot{\eta}iŋ$ — подр. звону, звя-

канию [14. С. 600, 31], кирг. *šīŋgīr* — подр. звонкому звуку, *čīŋ* — подр. шуму в ушах, туркм. *šaŋŋīr-šūŋŋur* — подр. бречанию множества металлических украшений, якут. *čīŋ* — подр. звукам резкого удара молотом по наковальне, узб. *šīŋdilla* — 'звенеть, звякать', тув. *šīŋgīga* — 'звенеть' и т. д.

Širīldap žīla — 'плакать громко, голосить' (о ребенке; голос высокий, протяжный, открытый; со слезами или без слез; плач голодного или больного грудного ребенка).

Название плача происходит от звукоизобразительного корня *šīr*, в котором фрикативный анлаут и узкий гласный в инлауте отражают имитацию свистящих звуков высокой тональности, а ауслаутный вибрант обозначает продолжительность действия или звучания. Ср.: каз. *širīlda* — 'чирикать, щебетать; сильно плакать (о ребенке); беспокоиться (чаще о матери в отношении ребенка)', *šīrga* — 'петь, литься песней, затянуть красивую мелодию', кирг. *čīrq-čīrq* — подр. чириканью, *čīgg* — подр. свисту, туркм. *čīgīrīŋaj* — 'учащенно, усиленно чирикать, свистеть', узб. *čīrīlla* — 'стрекотать, щебетать, чирикать', тув. *čirile* — 'щебетать, шуметь, гомонить, чирикать' и т. д.

Isqīnīp žīla — 'плакать визгливым голосом' (чаще о детях и женщинах; воспроизводимый звук высокой тональности; рот раскрыт, но не сильно; слезы могут быть и не быть; мышцы шеи и горло сильно напряжены; плач сильно возбужденного человека, бурно выражающего чувство яростного возмущения, негодования).

Звукоизобразительная функция узкого гласного и фрикативного согласного в подражательной основе *īsq* при обозначении данного вида плача дополняется особенностями артикуляции увулярного смычного в ауслауте, соответствующей естественному положению речевых органов при визге, свисте и т. д.

Таким образом, изучение звукоизобразительных глаголов плача в казахском языке с помощью компонентного, сопоставительного и фоносемантического анализа показало, что образование рассмотренных обозначений плача прежде всего основано на метафоричной связи с глаголами звукоподражания. Наличие в большинстве односложных корней и основ увулярного сонорного *ŋ* объясняется его звукоизобразительной релевантностью как при обозначении плача, так и других типологически сходных звучаний. Глаголы плача в связи со спецификой звукового выражения физиологического процесса экспрессивно-сокращенных форм, как правило, не имеют. Многие звукоизобразительные глаголы плача в казахском языке отличаются большой информативностью, образностью, что не в последнюю очередь обусловлено их фоносемантическими характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
2. Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. Карело-Фин. ун-та. Петрозаводск, 1948. Т. 3, вып. 1.
3. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943.
4. Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суффиксом -от в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

6. Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.
 7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. 1.
 8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков/Отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975. Т. 1.
 9. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
 10. Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprache //LSFOu. 1912. Т. 28, № 3.
 11. Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
 12. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959.
 13. Tekin T. On the structure of the Altaic echoic verbs in -kira//Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaria. 1982. Т. 36, № 1—3.
 14. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
 15. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 16. Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *p* в современном уйгурском языке//Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. Кн. 2.
-

Г. О. СУЛЕЕВА

О ПРИРОДЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена анализу грамматического значения казахских видовременных форм со значением процессуальности (в дальнейшем для краткости называемых формами длительных времен — настоящего и прошедшего) в контрастивном сопоставлении с грамматическим значением, обнаруживаемым английскими прогрессивными формами типа *Continuous*. Такой подход обусловлен утверждением некоторых тюркологов о наличии полной аналогии в грамматических значениях указанных образований и нашим стремлением выяснить реальную степень совпадения объемов значений данных форм.

Приведем разделяемое нами рабочее определение тюркской аналитической формы длительного времени. Данная форма представляет собой нечленимое сочетание полнозначного глагола со вспомогательным при полной зависимости лексического значения всего сочетания от значения первого элемента, что подразумевает парадигматический характер целого. Что касается инвариантного грамматического значения, на основе которого данные формы и выделяются в особую группу, то его можно определить как значение процессуальности, возникающее при совпадении момента совершения действия с моментом сообщения о нем [1. С. 14].

Анализ показывает, что совпадения в грамматических значениях описываемых казахских и английских глагольных форм ограничиваются существованием определенных сходных признаков у определенной части глагольной лексики, возникающих в обоих языках при соответствующих условиях, в то время как общие значения членов видовых оппозиций, рассматриваемые как целое, оказываются глубоко специфичными в рамках каждого языка [2. С. 32]. Выявление этой специфики поможет уяснить и природу сходства сложновербальных образований с цельным сводным содержанием в данных языках, а также значимость этого явления в системе глагола в целом.

Здесь представляется целесообразным ввести понятие так называемого функционально-семантического поля аспектуальности (идея, термин А. В. Бондарко) [3], которое объединяет все количественные и качественные характеристики глагольного действия как «однопорядковые величины». Важным компонентом функционально-семантического поля аспектуальности является существование двух классов глагольной лексики, выделяемых на основе семантических оппозиций динамичности и статичности глагольного действия [2. С. 10] или акциональности — неакциональности у Э. А. Груниной [1. С. 12] и глаголов бытия и становления у Р. М. Гайсиной [4]. Необходимо отличать эти аспектуальные классы от более дробных семантических группировок глаголов по признаку «действие», «состояние», «отношение» и т. д., охватываемых двумя предыдущими группами.

Исследование особенностей сочетаемости различных глаголов со вспомогательными глаголами *жат-*, *отыр-*, *тұр-* и *жүр-* показало, что обязательная принадлежность конкретного глагола к одному из двух указанных классов не оказывает принципиального влияния на возможность образования форм длительных времен казахского языка. Анализ фактического материала [5] убеждает в том, что данные формы образуются как от глаголов динамических (*жүгіріп жүр* 'он бежит сейчас', *қазып жатты* 'он копал тогда'), так и от глаголов со значением статичности (*біліп тұр* 'он знает', *түсініп отыр* 'он понимает' и т. п.). Эта примечательная черта казахского языка выступает в более выпуклом виде при сравнении с тем фактом английского языка, что образование в нем форм прогрессива находится в прямой зависимости от принадлежности глагола к группе *stative* или *action* [6. С. 241—244].

Нормативное употребление прогрессивных форм возможно лишь в группе глаголов динамического плана (*he is writing* 'он пишет сейчас' и т. д.). Использование же статических глаголов даже для обозначения состояния, протекающего в момент речи, ограничивается их употреблением в «общей» форме *Indefinite* (*I understand* 'я понимаю', *I know* 'я знаю' и т. д.). Появление в контексте прогрессивной формы, образованной от статического глагола, сигнализирует о наличии ее эмфатического употребления с определенной стилистической нагрузкой в виде подчеркнутого «непосредственно-презентного» значения состояния, выражаемого данной основой [7. С. 360—361].

Для казахского языка подобное принципиальное ограничение, пожалуй, применимо лишь в отношении немногочисленных глаголов подгруппы *Verba Sentiendi* типа *сүй-* 'любить', *жек көр-* 'ненавидеть'. Такие глаголы обычно употребляются в «простой» форме (с показателем *-а* или в форме на *-ды*), что обусловлено самой спецификой их семантики.

Таким образом, можно признать, что при образовании форм, маркированных в видовом отношении, разграничение двух типов глагольных основ играет более значительную роль в английском языке, нежели аналогичная характеристика казахского глагола.

К интересным выводам приводит также сравнение в двух языках результатов влияния лексико-грамматической категории предельности/непредельности на образование рассматриваемых видовременных форм. При этом для английского языка характерно понимание предельности как значения стремления действия, выраженного глагольной основой, к своему пределу и недостижимости этого предела. Английские прогрессивные формы могут быть образованы как от предельных, так и от непредельных, а также двойственных в этом отношении глагольных основ (естественно, с учетом ограничений, накладываемых принадлежностью к двум упомянутым классам, которая не совпадает с их разграничением по признаку предельности/непредельности). Значение форм прогрессива, образованных от непредельных глаголов, исчерпывается выражением конкретно-процессного действия, т. е. действия, локализованного в определенной точке временной оси и не имеющего предела вообще [8. С. 89], например: *he is running* 'он бежит в данный момент'; *he is sitting* 'он сидит' и т. д. Формы же, образованные от основ со значением предельности, выражают понятие конкретно-процессного действия, еще не достигшего своего предела. Например: *he is entering* 'он входит (но еще не вошел)', *the train is arriving* 'поезд прибывает (но еще не прибыл)' и т. д. Именно с разграничением предельных и непредельных глаголов связано существенное отличие семантики казахских видовременных форм от английских. Причем для казахского язы-

ка характерно некоторое изменение самого понятия предельности. Если наличие стремления к пределу действия, обнаруживаемого основой, не играет существенной роли в образовании сводного значения казахских форм (подобно тому, как это имеет место в английском языке), то такое влияние оказывает присущее основе значение действия, достигшего предела в каждом отдельном акте своего проявления, но не законченного в целом как серия повторений (ср.: рус. *ходить на службу*) [2. С. 19]. Именно такое понимание предельности мы имеем в виду, когда указываем, что предельные основы в казахском языке образуют формы длительных времен со значением конкретно-процессного действия, типичного для данного лица или предмета. Признавая удачность терминов, предложенных в работе А. А. Юлдашева [9], назовем первый тип семантики значением процессуальности как единичного явления, (ср.: каз. *ол бәрін біліп тұр* 'он все знает'), а второй — значением процессуальности как типичного явления (*ол жаңалықтарды газеттерден біліп тұр*) 'новости он *узнает* из газет'. Употребление английских прогрессивных форм в последнем типе контекста, повествующем об обычных и повторяющихся действиях, является недопустимым. В этом проявляется различный уровень развития английских и казахских временных форм, заключающийся в недостаточной строгой специализации последних, что означает и меньшую, сравнительно с английскими формами, степень обобщенности их категориального значения. Единственная модель казахского языка, характеризующаяся более или менее моносемантичным содержанием, — это, очевидно, форма настоящего длительного времени с глаголом *жатыр-*, обычно не встречающаяся в описанном типе контекста.

Сказанным объясняется наше мнение о большей значимости категории предельности/непредельности в конституировании сводного значения форм длительных времен казахского языка по сравнению с ролью, выполняемой аналогичной категорией при образовании английских прогрессивных форм.

Одна из причин отмеченного довольно низкого уровня развития тюркских форм настоящего длительного времени, по-видимому, заключается в сравнительно большом количестве употребляемых в них вспомогательных глаголов, из которых ни один не может «соперничать» с универсальным глаголом «быть», выражающим понятие состояния в «снятом» виде. Данное явление объясняется тем, что формы настоящего времени тюркского глагола-связки «быть» довольно рано вышли из употребления, будучи полностью вытеснены различными семантическими конкурентами [10. С. 203—204].

Вопрос об уровне развития моделей длительных времен в тюркских языках неразрывно связан с определением их категориального статуса в общей системе глагола. Если прогрессивным формам английского языка отводится важное место только на периферии функционально-семантического поля аспектуальности [11. С. 88], то оформленность оппозиций простых и прогрессивных форм в грамматическую категорию вида в английском языке не вызывает сомнений. В тюркских же языках идет интенсивный процесс функционального разграничения форм так называемых общих и длительных времен, т. е. процесс приближения к ядру функционально-семантического поля аспектуальности, который, однако, не охватил хотя бы значительной части глагольной лексики, что является минимальным требованием к оформлению определенного языкового явления в грамматическую категорию. Признавая, таким образом, целесообразность введения понятия категориального значения процес-

суальности, присущего тюркским формам длительных времен, мы, тем не менее, отказываем ему в статусе грамматической категории вида (в соответствии с высказыванием А. В. Бондарко о том, что не все, что охватывается понятием категориальности в грамматике, можно рассматривать как грамматические категории [12. С. 142]).

Признание «категориальности» видового значения, выражаемого тюркскими формами длительных времен, позволяет представить весь комплекс данных образований (особенно разветвленный в сфере прошедшего времени) в виде стройной системы оппозиций форм «общего вида» (на *-а* и на *-ды*) формам «процессного вида» как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Неудивительно, что различная природа сложновербальных форм с процессуальным значением в двух рассматриваемых языках соответствующим образом отражается на их «технических» возможностях функционирования в речи. В частности, казахские формы с процессуальным значением обладают способностью служить средством актуализации прошлого (так называемое настоящее историческое). В казахском языке настоящее историческое используется главным образом в авторской речи как один из способов повествования [13. С. 32]. Соответствующие же английские прогрессивные формы выступать в качестве такого технического средства не могут.

Другая отличительная черта казахских форм с процессуальным значением проявляется применительно к моделям прошедшего длительного времени типа *-п жатты-*. Характерно, что один вспомогательный глагол может оформлять несколько деепричастий, выражающих последовательные действия, например: *Бүгін сол елдің бөрі де киіз үйлерін жығып, жүктерін қораға тасып, жылы үйлеріне қауыр кіріп жатты* 'Сегодня все жители аула разбирали летние юрты, складывали их в сараях, затем поспешно перебирались в теплые дома'.

В английском языке последовательность событий никогда не выражается при помощи прогрессивных форм.

Таким образом, если сопоставление описываемых видовременных форм английского языка с формами длительных времен казахского языка позволило сделать вывод о наличии существенных различий в семантическом потенциале данных форм (наборе конкретных дифференциальных признаков), то их рассмотрение в плане диахронии обнаруживает сходные тенденции развития. Во-первых, само появление рассматриваемых моделей в двух разноструктурных языках относится к тому весьма частотному типу языковых изменений, для которого характерно появление нового значения, вызывающего необходимость создания новых форм [14. С. 7]. Во-вторых, при несомненной исторической и генетической несвязанности указанных языков эти средства оформления нового значения характеризуются аналогичной структурой, выражающейся в привлечении именных форм полнозначного глагола, с одной стороны, и вспомогательных глаголов — с другой.

Процессы развертывания видовременной системы по линии маркирования категории длительности являются характерными не только для английского и казахского языка каждого в отдельности, но и для германской и тюркской языковых групп в целом. Выделимость указанного языкового явления как обладающего определенной частотностью, узальностью и однонаправленностью в указанных группах родственных языков позволяет квалифицировать его, используя понятие, введенное М. М. Гухман, как диахроническую константу генетически замкнутого типа. Более того, наличие упомянутого сходства данных процессов в

указанных языковых группах и факт становления новых компонентов глагольных подсистем на основе парадигматизации сочетаний вспомогательных глаголов с именными формами полнозначного глагола, наблюдающийся в истории многих языков — романских, иранских, финно-угорских, монгольских и т. д. и тем самым не ограничивающийся пределами отдельной группы родственных языков, а имеющий значительно больший диапазон действия, — все это позволяет утверждать о возможности моделирования диахронической константы, отражающей более общие закономерности [15. С. 65].

Признание общности тенденций развития и значительной близости указанных процессов осуществляется при отвлечении от конкретных материальных воплощений данной диахронической константы в ткани отдельных языков. Это означает, что определенные различия в реализации этих тенденций существуют даже в близкородственных языках, не говоря уже о неродственных. Данное утверждение еще раз подтверждает сделанный ранее вывод о специфичности семантического содержания даже аналогичных видовых оппозиций в разных языках.

Итак, наличие сходных процессов парадигматизации сочетаний полнозначного и вспомогательных глаголов с выражением аналогичных значений во многих родственных и генетически не связанных языках обуславливает выделенность данного языкового изменения в качестве диахронической константы тяготеющего к универсальному типу. Конкретные наборы семантических признаков видовременных форм оказываются, однако, глубоко специфичными в рамках каждого языка, что диктует необходимость их всестороннего и тщательного изучения, усугубляющуюся отсутствием удовлетворительных описаний семантики данных форм для очень многих языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Грунина Э. А. Индикатив в турецком языке: (в сравнительно-историческом освещении): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975.

2 Маслов Ю. А. К основаниям сопоставительной аспектологии//Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. Вып. 1.

3 Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

4 Гайсина Р. М. К вопросу о специфике значения глагола//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41, № 1.

5 Фактическим материалом послужили прозаические произведения современной казахской художественной литературы.

6 Close R. A. A Reference Grammar for Students of English. M., 1979.

7 Мэрченд Х. Об одном вопросе из области вида: Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской//Вопросы глагольного вида. М., 1962.

8 Козинцева Н. А. Сопоставительный анализ видовых значений в глагольных формах английского и русского языков//Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

9 Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

10 Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

11 Акимов Т. Г. О ядре и периферии функционально-семантического поля аспектуальности во французском и английском языках//Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

12 Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

13 Джамантаева С. Ш. К проблеме категории аспекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

14 Гаджиева Н. З. О тенденциях развития морфологического строя тюркских языков//Сов. тюркология. 1976. № 5.

15 Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

А. МЕМЕТОВ

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Звуковой облик ряда заимствованных из русского языка слов в крымско-татарском подвергается определенным изменениям, которые обусловлены различиями фонетических структур русского и крымско-татарского языков. Степень этих фонетических преобразований зависит от трех факторов: времени заимствования, способа заимствования и сферы употребления. В связи с этим фонетическое освоение русской лексики, заимствованной крымско-татарским языком, следует рассматривать, разделив ее условно на два периода: 1) дооктябрьский (старые заимствования) и 2) послеоктябрьский (новые заимствования).

До установления Советской власти, когда лишь незначительная часть крымских татар умела читать и писать и печатное слово не имело широкого распространения, заимствования из русского языка проникали в крымско-татарский главным образом через устную речь. Усвоение слов на слух приводило к значительным изменениям их фонетического облика в соответствии с особенностями звуковой системы языка-рецептора: чуждые для берущего языка звуки и звуковые сочетания передавались имеющимися средствами крымско-татарской фонетики. В результате этого отдельные русские слова в живом разговорном крымско-татарском языке (а иногда и в литературном) изменялись до неузнаваемости. Так, например, в крымско-татарском языке русское слово 'копейка' превратилось в *капйк*, 'кружево' звучит как *гирджива*, 'картофель' — как *картёр* (лит.-орфогр. *кэртон*).

Исследование способов передачи русских слов в крымско-татарском языке показывает, что механизм фонетической адаптации заимствований может быть различным, и в зависимости от характера преобразования процессы фонетического освоения можно сгруппировать следующим образом: 1) освоение, ведущее к фонетической деформации заимствований; 2) освоение, вызывающее некоторые изменения в фонетической системе берущего языка. В первом случае заимствования преобразуются в соответствии с особенностями крымско-татарской фонетической системы, во втором — сохраняют свой фонетический облик [1. С. 44—45].

Анализ фонетического оформления русских заимствований дает возможность выявить ряд закономерностей приспособления заимствований к фонетической системе языка-рецептора и установить то новое, что появилось в звуковой системе крымско-татарского языка под воздействием русского.

Изменения гласных звуков

1. *Гласный звук а.* В составе заимствованных слов этот звук как в ударном, так и в неударном слогах в большинстве случаев не претерпел в принимающем языке особых изменений. Таково, например, произношение слов *салат, фабрика, план, плакат, партизан* и др.

В двух старых заимствованиях из русского языка звук *а* в предударной и заударной позициях субституируется крымско-татарскими *е, и*: *вишне* 'вишня', *джикет* 'жакет'. Замена *а* звуками *е, и* в данных примерах происходит под влиянием гармонии гласных.

Утрата конечного *а* в словах *канфет* 'конфета', *газет* 'газета' объясняется редукцией этого звука в русском языке в заударном положении. Этому, несомненно, способствует и тот факт, что для крымско-татарского языка, не обладающего категорией рода, наличие или отсутствие конечных гласных не имеет грамматической значимости.

2. *Гласный звук о.* Этот звук в русских заимствованных словах в ударном положении передается, как правило, крымско-татарским *о*, например, *rojis* (лит.-орфогр. *поезд*), *борш, орден, пальто*. В отдельных случаях наблюдается замена русского ударяемого *о* в конце слова крымско-татарским звуком *е* или *а*, например, *ведре* 'ведро', *часла* 'число'. Замену *о* переднерядным *е* можно объяснить действием прогрессивной небной гармонии гласных в слове. Относительно передачи ударного *о* через *а* в конечном открытом слоге следует предполагать наличие *о*, близкого к *а*, в данном положении в южно-русских говорах, которые могли послужить источником для заимствования.

Русский звук *о* как в предударном, так и заударном положении в крымско-татарском языке субституируется, как правило, звуком *а*: *матор* (лит.-орфогр. *мотор*), *атрат* (лит.-орфогр. *отряд*), *салдат* (лит.-орфогр. *солдат*), *самавар* (лит.-орфогр. *самовар*). Замена *о* звуком *а* свидетельствует, на наш взгляд, о том, что приведенные слова были заимствованы крымскими татарами устным путем из южно-русских говоров, для которых характерно произнесение *о*, близкого к *а*, в безударных позициях.

В некоторых словах заударный *о* в позиции между глухим и сонорным претерпевает качественные изменения и заменяется звуком *ы*: *дохтыр* (лит.-орфогр. *доктор*), *трахтыр* (лит.-орфогр. *трактор*), *губернатыр* (лит.-орфогр. *губернатор*). Это явление, возможно, объясняется позиционным ограничением гласного *о* в исконных крымско-татарских словах в пределах первого слога, как и в других тюркских языках [2. С. 24].

3. *Гласный звук у.* Русский звук *у* — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный. Этот звук не подвержен в русском языке качественной редукции. Крымско-татарский *у* в основных своих чертах сходен с тем же гласным русского языка, но отличается от русского звука тем, что по мере удаления от начала слова в крымско-татарском языке он редуцируется и теряет свое качество. Ср. произношение *у* в словах *ун* 'мука', *туз* 'соль', *буз* 'лед' и во втором слоге слов *одын* (лит.-орфогр. *одун*) 'дрова', *достым* (лит.-орфогр. *достум*) 'мой друг', *душчы* (лит.-орфогр. *кзушчу*) 'птичник'.

В заударном положении (а иногда и под ударением) *у* субституируется звуком *ы*: *авгыст* (лит.-орфогр. *август*), *капыста* (лит.-орфогр. *капуста*), *градис* (лит.-орфогр. *градус*). Замена *у* звуком *ы* связана, надо полагать, с особенностями фонетической системы принимающего языка. По мере удаления от начала слова звук *у*, как отмечалось выше, претерпевает качественные изменения и произносится как *ы*.

4. *Гласный звук ы.* Не вдаваясь в детали спора по вопросу о фоне-

матической самостоятельности *ы* при установлении системы фонем русского языка, отметим, что в русских заимствованных словах в крымско-татарском языке эта фонема находит свое отражение. Поэтому так или иначе приходится говорить о ней, как о самостоятельной фонеме с присущими ей функциями.

В крымско-татарском языке имеется гласный, близкий русскому *ы* в безударном положении и обозначаемый такой же графемой. Крымско-татарский *ы* всегда краткий, иногда может редуцироваться до нуля звука, как, например, в словах *қсқа* (лит.-орфогр. *къысқъа*) 'короткий', *қрмызы* (лит.-орфогр. *къырмызы*) 'красный'.

Русский *ы* под ударением в заимствованных словах передается в крымско-татарском языке, как правило, звуком *ы*: *насылка* (лит.-орфогр. *носилка*) 'носилки', *шыфыр* (лит.-орфогр. *шифер*) 'шифер' (в русском языке произносится *шыф'ър*), *мат/цыкл* (лит.-орфогр. *мотоцикл*) 'мотоцикл' (в русском языке произносится *мът/цыкл*).

Замена *ы* звуком *а* в конце слов *консерва*—*консервы*, *карта*—*карты* может быть объяснена редукцией *ы* в заударном открытом слоге. Выпадение ауслаутного *ы* в заимствованных из русского языка словах *шахмат*—*шахматы*, *макарон*—*макароны*, *каникул*—*каникулы*, возможно, также связано с полной редукцией этого звука во втором заударном открытом слоге. Следует отметить, что вопрос о фонетической трансформации конца русских заимствований не может быть решен в рамках одной фонетики и требует комплексного рассмотрения с учетом морфологической структуры слова.

5. *Гласный звук и*. Русский звук *и*—гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный. Этот звук встречается в начале слова и после мягких согласных. Крымско-татарский *и*, как и другие узкие звуки, в большей степени подвержен редукции. Наиболее слабой позицией этого звука является его положение между согласными, как, например, в словах *демир*, *билим*, *кескин*.

Русский *и* в заимствованных словах в крымско-татарском языке передается обычно звуком *и*: *потик*—*ботинки*, *лапки*—*лапти*, *серник*—*серники*.

В отдельных случаях происходит субституция русского *и* крымско-татарским звуком *ы*: *быджад*—*пиджак*, *чайнык* (лит.-орфогр. *чайник*). Такая замена, характерная для старых заимствований, объясняется в первом примере регрессивной, а во втором—прогрессивной гармонией гласных.

Выпадение русского ударного гласного *и* в слове *машина* (лит.-орфогр. *машина*) объясняется особенностями фонетической системы заимствующего языка, для которого характерно выпадение узкого гласного *и* между консонантами.

6. *Гласный звук е*. Крымско-татарский *е* совпадает с русским гласным переднего ряда среднего подъема, нелабиализованным *е* в положении между двумя мягкими согласными (ср. произношение *е* в русских словах 'пень', 'день', 'тень' и в крымско-татарских *бель*, *кель*, *тель*).

В составе заимствованных слов русский звук *е* в ударных и безударных слогах передается в крымско-татарском языке, как правило, звуком *е*: *газет*—*газета*, *фанер*—*фанера*, *ферма*—*ферма*, *билет*—*билет*. В единичных случаях *е* субституируется крымско-татарскими звуками *ы*, *и*: *сымычка*—*семечко*, *инджинер* (лит.-орфогр. *инженер*) 'инженер'. В первом примере можно предположить параллельное воздействие нескольких процессов. Поскольку наличие *о* в конечном открытом слоге противоречит фонетическим законам крымско-татарского языка, слово неиз-

бежно изменяет свой фонетический облик и ауслаутное *о* заменяется звуком *а*. Затем, под влиянием заднерядного гласного третьего слога, происходит регрессивная ассимиляция переднерядных гласных.

Изменения согласных звуков

1. *Замена ц звуками ч, с*. В звуковом составе крымско-татарского языка аффрикаты *ц* раньше не было, поэтому при усвоении иноязычных слов она субституировалась ближайшими по артикуляционным свойствам звуками: а) аффрикатой *ч*, например, *чар* 'царь', *черкоф* 'церковь'; б) переднеязычным звуком *с* в начале, середине и в конце слов, например, *сиган* 'цыган', *семен* (лит.-орфогр. *цемент*) 'цемент', *пьянса* 'пьяница', *апалченс* 'ополченец'.

В заимствованиях советского периода такой замены не происходит, так как по мере освоения большого количества слов из других языков, в составе которых имеется аффриката *ц*, произошло усвоение произношения данной аффрикаты и включение ее в фонетическую систему крымско-татарского языка.

2. *Замена в звуком ф*. В старых заимствованиях из русского языка отмечаются случаи замены *в* звуком *ф* в конце слов: *черкоф* 'церковь', *Пыскоф* 'Псков'. Это фонетическое явление, соответствующее русскому произношению, а не орфографии, позволяет утверждать, что слова заимствованы на слух, т. е. устным путем.

Позднее в заимствующем языке как следствие влияния русского языка появляется губно-зубной звук *в* и заимствования советского периода осваиваются с сохранением произносительной формы прототипа, например: *вагон*, *совет*, *разведка*, *телевизор*.

3. *Замена заднеязычного к глубокозаднеязычным q*. В старых заимствованиях глухой заднеязычный взрывной *к* в крымско-татарском языке заменяется глубоко заднеязычным *q*: *картон* 'картофель', *казарма* 'казарма', *капыста* 'капуста', *быджаq* 'пиджак'. Переход *к* в *q* в вышеприведенных примерах объясняется законом гармонии звуков. В крымско-татарском языке более передний звук *к*, как правило, сочетается с гласными переднего ряда и, наоборот, глубокозаднеязычный звук *q* в подавляющем большинстве случаев сочетается с гласными заднего ряда.

В новых заимствованиях такой замены не происходит, так как освоение большого количества русских слов, с одной стороны, и все более усиливающийся процесс развития крымско-татарско-русского билингвизма — с другой, вызвали появление «новых типов фонетической структуры слогов, слов ... сочетаний гласных и согласных звуков» в заимствующем языке [З. С. 211].

4. *Замена ауслаутного д звуком т*. Для крымско-татарского языка не характерно употребление ряда звонких согласных в абсолютном исходе слов, поэтому в заимствованных словах из русского языка конечный *д* передается соответствующим глухим *т*: *пут* 'пуд', *отрят* (лит.-орфогр. *отряд*) 'отряд', *парахот* (лит.-орфогр. *пароход*) 'пароход', *сут* (лит.-орфогр. *суд*) 'суд'. Следует отметить, что оглушение звонких согласных в ауслауте свойственно также и русскому языку.

5. *Субституция фрикативного ж звуками ʒ, ш*. В русских заимствованиях дореволюционного периода отсутствующий в исконно крымско-татарских словах дорсальный звонкий *ж* субституировался близким по произношению смычно-фрикативным звонким *ʒ*: *ʒикет* (лит.-орфогр. *джикет*) 'жакет', *гирʒива* (лит.-орфогр. *гирджива*) 'кружево', *инʒинер* (лит.-орфогр. *инженер*) 'инженер'. Замена звонкого *ж* глухим *ш* в слове

курушка (лит.-орфогр. *кружка*) объясняется, по-видимому, действием регрессивной ассимиляции.

Анализ русских заимствований послереволюционного периода, в составе которых имеется звук *ж*, показывает, что подавляющее большинство их проникло в крымско-татарский язык в основном через письменный язык и их усвоение происходит с соблюдением орфоэпических и орфографических норм современного русского языка: *жанр, абажур, жюри, журнал, прожектор* и др.

6. *Субституция звуков с, ч звуком ш*. Замена согласных *с, ч* звуком *ш* в словах *пашпорт* 'паспорт', *пошта* 'почта' происходит, по-видимому, под влиянием фонетических особенностей говоров украинского языка, из которых, возможно, было осуществлено заимствование этих слов в дореволюционный период.

В настоящее время данные слова в крымско-татарском языке пишутся и произносятся так же, как и в русском языке.

Комбинаторные изменения в начале, середине и в конце заимствованных слов

1. *Фонетическое оформление анлаута старых русизмов в живом разговорном крымско-татарском языке*. Сочетание двух консонантов в анлауте и употребление согласных *л* и *р* в начале слов не свойственно крымско-татарскому языку, как и другим тюркским языкам [4. С. 93; 5. С. 48; 6. С. 250—251; 7. С. 91—92]. Поэтому в заимствованных словах, начинающихся стечением двух консонантов или с согласных *л* и *р*, наблюдаются следующие комбинаторные изменения:

а) консонантные сочетания *ст, ск, сп, шк, шт* в анлауте устраняются путем протезы, т. е. присоединением гласного звука к началу слова. В качестве протетических гласных в крымско-татарском языке могут выступать *ы, и, у*. Использование того или иного протетического гласного (переднего или заднего ряда, лабиализованного или нелабиализованного) обусловлено действием закона сингармонизма: *устол* 'стол', *ыстакан* 'стакан', *ысклат* 'склад', *ыспрафка* 'справка', *ышкаф* 'шкаф', *ыштраф* 'штраф'. В случаях же, когда заимствованное русское слово в анлауте имеет сонорный *р*, появляется протетический гласный *у*: *урус* 'русский', *уручка* 'ручка';

б) не характерные для крымско-татарского языка сочетания согласных в анлауте заимствованных слов устраняются и путем эпентезы, т. е. вставкой гласного звука между согласными в начале слова: *курушка* 'кружка', *кырават* 'кровать';

в) стечение двух согласных в начале слова ликвидируется и путем метатезы, т. е. перестановкой согласного и гласного звуков: *пильта* 'плита', *курпе* 'крупа', *биргадир* 'бригадир', *турба* 'труба'. Метатеза помогает фонетически переоформить и русские заимствования с начальным *р*: *урба* 'роба'.

Как видно из приведенных примеров, разрядке путем вставления гласного или перестановки звуков в крымско-татарском языке подвергаются сочетания шумного и сонорного согласных *кр, бр, тр, пл*;

г) консонантные сочетания в анлауте заимствованных слов устраняются наряду с протезой, эпентезой и метатезой также и выпадением одного из согласных. Как правило, выпадает первый согласный сочетания, если он находится в позиции, не свойственной этому языку. Например, в словах *часть* 'счастье', *чет* 'счеги' выпавшим является согласный *с*.

Таким образом, основными способами устранения необычного для

крымско-татарского языка стечения согласных в анлауте заимствованных русских слов являются появление протетических и эпентетических гласных, перестановка согласного и гласного звуков, а также выпадение одного из консонантов. Причиной возникновения протетических гласных, с одной стороны, и эпентетических — с другой, является наличие или отсутствие определенных сочетаний согласных в заимствующем языке, а также место этого сочетания в слове.

2. *Комбинаторные изменения в середине заимствованных русских слов* сводятся в основном к синкопе, т. е. к выпадению в принимающем языке гласного или согласного звука внутри заимствованного слова: например, в словах *машина* 'машина', *ризна* 'резина', *пьянса* 'пьяница' выпал второй гласный *и*, в слове паверка 'проверка' — согласный *р*, в слове *пирсидатель* 'председатель' — согласный *д*.

В приведенных примерах выпадение гласных и согласных звуков привело к упрощению звукового состава заимствованных слов.

3. *Комбинаторные изменения в конце заимствованных слов:*

а) при усвоении русских заимствований дореволюционного периода в крымско-татарском языке было широко распространено явление апокопы, т. е. устранение звука в конце слова. Утрачиванию подвергались чаще безударные гласные: *газет* 'газета', *катлет* 'котлета', *адиял* 'одеяло', *серник* 'серники', *рам* 'рама', *макарон* 'макароны', *памидор* 'помидоры'.

Устранение конечных гласных в заимствованных словах, на наш взгляд, находится в прямой зависимости от качества безударных гласных русского языка. Как известно, русские гласные *а, о, ы, е* в заударной позиции сильно редуцируются. Поэтому ауслаутные заударные гласные в приведенных заимствованных словах, усвоенных на слух, будучи редуцированными в русском языке, крымскими татарами не произносятся и, таким образом, устраняются. Однако следует заметить, что безударные гласные в ауслауте сохраняются в тех случаях, когда конечному гласному предшествует сочетание согласных, которое не характерно для принимающего языка. Например, *пасылка* 'посылка', *бочка* 'бочка', *чётки* 'щетка', *кансерва* 'консервы', *сутка* 'сутки'.

Объектом апокопы кроме гласных могут быть и согласные звуки. Устранению подвергается, как правило, второй согласный сочетания. Так, например, в словах *прасен* 'процент', *семен* 'цемент', *манифес* 'манифест' утрачен конечный *т*; в словах *уез* 'уезд', *пойис* 'поезд' выпал ауслаутный *д*.

Устранение нехарактерных стечений согласных в исходе слова (*-бр, -тр*) в крымско-татарском языке осуществляется также путем вставки редуцированных гласных *и, ы* между согласными при произношении: *декабир* 'декабрь', *октябир* 'октябрь', *литыр* 'литр', *метыр* 'метр', *театыр* 'театр';

б) эпитеза, т. е. появление гласного в исходе слова, возникает при необходимости разрядки трудно произносимых для крымских татар сочетаний согласных в ауслауте русских заимствований: *нерва* 'нерв', *отпуска* 'отпуск', *столба* 'столб', *рубле* 'рубль'.

Фонетической трансформации ауслаута русских заимствований, несомненно, способствует и тот факт, что для тюркских языков, в том числе для крымско-татарского, не обладающих категорией рода, наличие или отсутствие конечных гласных не имеет грамматической значимости.

Гармония гласных в заимствованных словах

В современном крымско-татарском литературном языке наиболее последовательно сохраняется закон палатально-велярной гармонии

гласных, согласно которому в одних словах могут употребляться только гласные переднего ряда, в других — лишь гласные заднего ряда. В исконных крымско-татарских словах сингармонизм выдерживается последовательно в корнях и аффиксах: *деве* 'верблюд', *девелер* 'верблюды', *девеге* 'верблюду'; *къырмакъ* 'муравей', *къырмакълар* 'муравьи', *къырмакъларга* 'муравьям'.

Закон сингармонизма распространяется на русские заимствования лишь частично. Его действие сказывается только на некоторых русских заимствованиях дооктябрьского периода, которые в подавляющем большинстве усваивались устным путем и в большей степени претерпели фонетические изменения. Например, *быджакъ* 'пиджак', *часла* 'число', *сутка* 'сутки', *вишне* 'вишня', *ведре* 'ведро', *сымычка* 'семечко', *джикет* 'жакет' и др. В приведенных примерах действие закона гармонии гласных распространяется не только на последующие гласные, но и на предыдущие. Следовательно, в заимствованных словах прослеживается как прогрессивная (*сутка*, *вишне*, *ведре*), так и регрессивная (*сымычка*, *часла*) ассимиляция гласных.

Подавляющее большинство заимствованных из русского языка слов в крымско-татарском языке не подчиняется закону сингармонизма, например, *телефон*, *палковник* (лит.-орфогр. *полковник*), *депутат*, *фабрика*, *такси*, *парник*, *кино* и др. Тем не менее принцип гармонии гласных последовательно выдерживается при изменении русских заимствований путем наращивания крымско-татарских аффиксов. Выбор небного или небного варианта аффикса зависит от гласного последнего слога корня: *коммунист* — *коммунистлер* — *коммунистни* — *коммунистке*; *партия* — *партиягъа* — *партияны* — *партиямыз* и т. д.

Таким образом, с усвоением большого количества русских заимствований в крымско-татарском языке нарушается регулярный характер сингармонизма в заимствованных основах, однако в крымско-татарских аффиксах, присоединяемых к заимствованиям, принцип гармонии гласных продолжает последовательно сохраняться.

Ударение в словах, заимствованных из русского языка

В исконных крымско-татарских словах ударение, как правило, закреплено на последнем слоге основы: *анá* 'мать', *битá* 'бабушка', *ешíль* 'зеленый' и др. С присоединением к основе аффиксов ударение перемещается на последний слог: *баба́* 'отец', *бабамыз* 'наш отец', *бабамызгá* 'нашему отцу'; *сары́* 'желтый', *сарылыкъ́* 'желтуха'.

Слова, заимствованные из русского языка в дореволюционный период, приспособляясь к законам крымско-татарского языка, изменили и свое ударение. Заимствования из русского языка, изменившие место ударения в крымско-татарском, можно разделить на две группы. К первой группе относятся слова с безударным окончанием, которые, попадая в крымско-татарский язык, переносят свое ударение на последний слог. Например: *вишне́* 'вишня', *бочка́* 'бочк', *машинá* 'машинá' и др.

Ко второй группе относятся слова, в которых ударение падает на предпоследний слог. Это, прежде всего, имена существительные, теряющие в принимающем языке свою флексию, благодаря чему предпоследний слог русского слова в крымско-татарском становится последним слогом слова. Хотя формально ударение в русских заимствованных словах этого типа сохраняется на своем месте, фактически оно также передвигается на последний слог: *газёт́* 'газёта', *помидор́* 'помидоры', *макорон́* 'макароны', *пагон́* 'погоны'.

Отдельную группу составляют русские слова с ударением на последнем слоге, которые сохраняют его и в крымско-татарском языке: *бараз-на* 'борозда', *салдат* 'солдат', *самовър* 'самовар' и др.

В русских заимствованиях советского периода в крымско-татарском литературном языке место ударения обычно не меняется и ударными могут быть как первый, так и последующие слоги основы. Примеры: *орден*, *лэкция*, *радио* (ударение на первом слоге), *республка*, *брошюра*, *програ́мма* (ударение на втором слоге), *революция*, *пропагáнда*, *конститу́ция* (ударение на третьем слоге) и т. д. Однако при присоединении к новым русским заимствованиям крымско-татарских аффиксов ударение перемещается на последний слог словоформы, например: *республка*, *республикалар* 'республики', *республикаларымыздан* 'из наших республик'; *конститу́ция*, *конституциямыз* 'наша конституция', *конституциямызны* 'нашу конституцию' и т. д.

Таким образом, под влиянием заимствований из русского языка в крымско-татарском нарушается последовательный характер словесного ударения, которое было закреплено на последнем слоге.

Итак, изучение фонетического освоения заимствований из русского языка в крымско-татарском дает возможность сделать следующие выводы:

1. Степень фонетических преобразований заимствованных слов из русского языка в крымско-татарском зависит от времени и способа их усвоения. Более ранние заимствования, вошедшие в крымско-татарский главным образом устным путем, подчиняясь фонетической системе берущего языка, претерпевали значительные изменения, которые обусловлены имеющимися различиями в фонетических структурах контактирующих русского и крымско-татарского языков, а также отсутствием определенных артикуляционных навыков некоторых русских фонем, не имеющих в заимствующем языке. Новые заимствования, как правило, произносятся и орфографируются в соответствии с нормами русского литературного языка, чему способствует широкое распространение крымско-татарско-русского билингвизма.

2. Фонетическим изменениям в заимствованных словах дореволюционного периода подвергались как гласные, так и согласные звуки. Изменения в области гласных звуков происходили в результате действия прогрессивной и регрессивной гармонии гласных (*ведре*, *сутка*, *часла джикет*), а также редукции гласных звуков в неударяемой позиции (*салдат* 'солдат', *императыр* 'император'). Изменения в области согласных звуков в старых заимствованиях объясняются: а) отсутствием в тот период некоторых звуков в крымско-татарском языке (*чар* 'царь', *черкоф* 'церковь', *семен* 'цемент'); б) невозможностью употребления ряда звонких согласных в конце слова (*пуд* 'пуд', *пиркас* 'приказ'); в) влиянием гласных (*кэартон*, *кэапыста*).

3. Устранение не характерных для принимающего языка сочетаний консонантов в старых заимствованиях из русского языка осуществляется: а) в анлауте путем протезы (*ышкаф*, *ыстарса*), эпентезы (*кырават*, *курушка*), метатезы (*пильта*, *гирджива*), а также путем выпадения первого согласного *част* 'счастье'; б) в ауслауте путем эпитезы (*нерва*, *рубле*), апокопы (*облас* 'область').

4. В звуковом составе крымско-татарского языка в результате интенсивного проникновения большого количества заимствованных слов из русского языка появились новые звуки *ц*, *ж*, а также закрепились губно-зубные фонемы *в*, *ф*, которые начали усваиваться вместе с более ранними иранскими и арабскими заимствованиями.

5. С усвоением большого количества русских заимствований в крымско-татарском языке утрачивается последовательный характер сингармонизма, появляются не характерные ранее для заимствующего языка сочетания консонантов, изменяется просодическое оформление неисkonных лексем.

6. Несмотря на массовое усвоение слов из русского языка, фонетическая система крымско-татарского языка не утратила своей специфики. Она обогатилась новыми фонемами и развивается по своим внутренним законам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астемирова Ф. Б. Фонетическое освоение русских заимствований в кумыкском языке//Сов. тюркология. 1974. № 2.
 2. См.: Севортян Э. В. Фонетические типы гласных в тюркских языках: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. I: Фонетика.
 3. Дешериев Ю. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Наука, 1966.
 4. См.: Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1982.
 5. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
 6. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.
 7. Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл. 1974.
-

Н А С Л Е Д И Е

ПРОФЕССОР АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ ЗИФЕЛЬДТ-СИМУМЯГИ

Артур Рудольфович Зифельдт (Симумяги — псевдоним) — сын эстонского народа — прожил славную жизнь революционера и ученого. Он родился в 1889 г. в г. Ревеле (Таллине) в семье рабочего. В 1905—1912 гг. активно участвовал в подпольной революционной работе. В течение нескольких лет (1912—1917) жил в эмиграции (в Германии, в Швейцарии). С осени 1915 г. как член РСДРП(б) работал с Владимиром Ильичом Лениным по национально-колониальным вопросам. (Его мемуары «Ильич в Швейцарии» были опубликованы в 1924 г. в газете «Бакинский рабочий»).

По возвращении ЦК РСДРП(б) в мае 1917 г. в Россию он попеременно ведет партийную и культурно-просветительную работу в Одессе, затем в Ростове-на-Дону, Ейске Кубанской области, во Владикавказе, в Телави, в Тифлисе.

С 1921 г. вся жизнь Артура Рудольфовича была связана с Азербайджаном. В течение 1921—1926 гг. он был заведующим БОНО, зав. учебной частью Высшей партийной школы, зав. подотделом пропаганды агитотдела Бакинского Комитета АКП(б), консультантом по марксистско-ленинской политучебе БК АЛКСМ, членом партколлегии ЦК АКП(б), ответственным секретарем организационной комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда (1925—1926).

Избранный в 1923 г. зампредом, а затем ученым секретарем Общества обследования и изучения Азербайджана, Артур Рудольфович работал в нем до 1930 г. Он был действительным членом этого общества, а также Азербайджанского археологического комитета и Азкомстариса (1923—1932), Научно-исследовательской ассоциации марксистов (1926—1929), Общества историков-марксистов (1930—1931), ОВМД (1930—1932) и др. В 1930 г. Зифельдт-Симумяги был избран ученым секретарем, заведующим историко-этнографическим отделением страноведения Азербайджанского научно-исследовательского института. Ученый недолгое время — с марта 1932 по декабрь 1935 г. — трудился в Грузии, где работал старшим специалистом и заведующим сектором языка Института кавказоведения им. Н. Я. Марра. В декабре 1935 г. он вернулся в Азербайджан и был зачислен старшим специалистом сектора языка в Азербайджанский филиал АН (АзФАН) СССР. В 1936—1937 гг. А. Р. Зифельдт-Симумяги работал ответственным редактором журнала «Известия», а также в Институте истории, языка и литературы того же АзФАНа. К концу 1937 г. ученый был арестован.

А. Р. Зифельдт-Симумяги был замечательным педагогом. Он преподавал на различных курсах, в партшколах, на рабфаке, в техникумах, с осени 1928 г. — в вузах Азербайджана (востфак Азгосуниверситета,

1928—1930 гг.; Высший пединститут, Азсельхозинститут и ЗакХИ, 1930—1931 гг.; АКНИ и АИСУ, 1931—1932 гг.) и Грузии (ЗакКУ, 1932—1933 гг.), вел занятия в аспирантуре (АзГНИИ, 1930—1932 гг.; Азсельхозинститут, 1930—1931 гг.; Институт марксизма-ленинизма Грузии, 1933—1935 гг.; АзФан, 1935—1937 гг.).

Бесчисленные статьи и очерки Артура Рудольфовича, подписанные «А. Зифельдт», «А. З», «А. Виролайнен», «Зело», «Ф. Крамольников», «Анафема», «Арслан Нуреддинов», «А. Зифельдт-Симумяги» (с 1921 г.), «Люцифер», «Ничирен», «Язычник Ничирен», «Ничирен Кацумми», печатались в самых различных газетах и журналах: «Постимес» (Тарту), «Филологический вестник» (Воронеж), «Новь» (Москва), «Наше слово» (Париж), «Тюрк йурду» (Стамбул), «Голос пролетариата», «Солдатская мысль» (Одесса), «Заря Востока», «Коммунист», «На рубеже Востока» (Тифлис), «Бакинский рабочий», «Труд», «Рабочий университет», «Спутник коммуниста», «Коммунист» (на азерб. яз.), «Молодой рабочий», «Вышка» (Баку). В них проявились непоколебимая убежденность рядового солдата революции в победе социализма, безграничная любовь к культуре и истории эстонского и других народов, способность «заядлого» фактографа анализировать и синтезировать научные явления.

Научный путь А. Р. Зифельдта-Симумяги начинался с изучения имен эстонских эпических богатырей, прошлого Атлантиды, сумерской (шумерской) культуры. Ко второй половине 20-х годов появились его «чисто тюркологические» статьи и доклады, такие, как «Деятельность Общества обследования и изучения Азербайджана за два года», «К вопросу о принципах образования научной терминологии в тюркских языках», «Выступление по докладам Н. Н. Полпе и А. Н. Генко по вопросу о родстве тюркских языков с другими» (1926). Опубликованная в 1928 г. в Трудах Общества изучения Азербайджана первая часть (10 печ. л.) книги «Uralo-Altaica» (1. К вопросу о методах изучения урало-алтайских языков; 2. Об отношении «уральских» языков к «алтайским» и о месте среди них тунгусских языков; 3. Семантические гнезда: *kul//kaŋ* 'рука') стала первым фундаментальным научным трудом ученого и вообще первой попыткой изучения алтайской теории советской восточковедческой наукой.

Много внимания Артур Рудольфович уделял изучению вопросов краеведения Азербайджана. Его работы «Народы Азербайджана», «У язычников» двадцатого века», предисловие к «Программе по собиранию этнографических материалов на Кавказе»

Г. Ф. Чурсина (1929), «Краеведение и социалистическое строительство» (1931), «Удины» (1933) и другие и сегодня не утратили научной значимости.

А. Р. Зифельдт-Симумяги активно участвовал в научной жизни не только Азербайджана, но и всей страны. Ученый выступал с докладами на многих авторитетных форумах тюркологов. К глубокому сожалению, репрессии 1937 г. помешали ему увидеть издание нескольких подготовленных к печати работ: «К изучению народов Кавказа» (1932), «Термины 'добро' и 'зло', 'правда' и 'ложь', 'свобода' и 'рабство' в свете палеонтологии речи» (1933), «Из культурно-исторических дериватов человеческого жертвоприношения...» (1934), «Chazarica-Uralo-Caucasica (историко-лингвистическое исследование)» (1935), «Таты Азербайджана и Дагестана (историко-этнологический очерк)» (1935), «К генезису и семантике словообразующих частиц...» (1935).

18 июля 1937 г. из станицы Ставропольская А. Р. Зифельдт-Симумяги писал новому директору Института истории, языка и литературы АзФАН А. Ахмедову: «...Уже четвертый день, между отдыхом, привожу в литературный порядок свою диссертационную работу о языке хазар ... Тезисы этого моего исследования напечатаны в «Известиях АзФАН» № 2 на 7-ми страницах, но по этому скелету все же трудно судить о потрохе, мясе, нервах и покровной ткани всей работы ... Без развития этой новой отрасли (хазарологии. — А. Т.) многие важные страницы истории народов СССР, особенно Кавказа, и в частности Дагестана и Азербайджана, остаются темными и путанными. А чертовски любопытная страница истории! Пока ею занимается в станице Цымлянской (на месте хазарской пограничной крепости Саркел) археологическая экспедиция Артамонова (ГИАИМК), а о хотя бы разведочных раскопках в гораздо более важном Хазарском городе Семендере — в двух шагах от нас, на месте с. Тарки ок. Махач-Калы — никто еще не думает. Не нам ли следует проявить инициативу в этом деле? Ведь оттуда управлялся в течение всков Северный Азербайджан. Побоявлюсь только, хватит ли мне финансов, чтобы досидеть здесь до конца отпуска и довести до победного конца начатую работу о языке хазар». Он был прав в своих сомнениях — ученому не хватило до «победного конца» не только финансов, но и времени. И единственная до сих пор монография о языке хазар, и еще несколько недописанных творений этого ученого исчезли безвозвратно, как и сам их автор...

А. Тагирзаде, А. Гулиев

А. Р. ЗИФЕЛЬДТ-СИМУМЯГИ

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ХАЗАР

ТЕЗИСЫ ПОДГОТОВЛЯЕМОЙ К ПЕЧАТИ РАБОТЫ
«Chazarica — Uralo-Caucasica»*

1. Трагедия хазароведа состоит в том, что до нас не дошел ни один письменный памятник на хазарском языке, хотя нам известно — из письма хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн-Шапруту (X в.) и от персидского историка Мерверруди (XIII в.) — о существовании книжной литературы на хазарском языке; известна даже форма хазарских писем — род «кириллицы» из 22 букв (В. В. Бартольд по Мерверруди).

2. Для выяснения вопроса о «родстве» хазар с другими народами интересны их собственные соображения. Из анализа показаний хакана Иосифа о генеалогии хазар (после кропотливого палеографо-филологического анализа) выясняется, что хазары считали своими кровными родичами, связанными общностью происхождения от одних предков: *басилов*, *тариана* (угорского племени), *савиров* (саварты || севортики — тоже угры), *булгар*, *авар* (обров), *огузов*, — т. е. относили себя к тому кругу народов, который мы привыкли называть «урало-алтайскими».

3. Расовый тип хазар по армянским, агванским (Каганката-ва-ци) и некоторым арабским (Якут Хамави) источникам представлен как резко-монгольский. Поскольку мы знаем из истории, что хазары в своих иноземных походах пользовались наемными войсками из инородцев, сведения о монгольском типе этих воинов не могут быть использованы для определения физического типа самих хазар. Но подробное описание, которое дает М. Каганката-ва-ци внешности Джеб-у-хагана (Джибгу грузинской летописи, Зивила византийских авторов), в царственном хазарском происхождении которого нет никаких сомнений, является уже прямым указанием на антропологический монголизм хазар. Однако это является для нас только негативным доводом за то, что хазары — не европейцы, не славяне, не семиты, не иранцы, не кавказские яфетиды; монголоидный расовый тип распространен среди народов, говорящих на самых различных языках восточной и центральной Азии, от палеосибирских, японского и китайского до тюркских, угорских и самоедских. Аль-Истахрий делит хазар на «черных» и «белых» по цвету кожи, ничего не говоря о прочих чертах.

4. Показания современников-иноземцев о «родстве» хазар и их языка с другими народами и языками весьма противоречивы: одни их считают «турками» (Мас'уди, ибн-Хаукаль, Феофан и др.);

* Печатается по: Изв. АзФАН АН СССР. Баку, 1937. № 2. С. 47—53.

другие подчеркивают, что хазары вовсе не турки и язык их в корне отличается от турецкого, персидского и всех других известных (тот же ибн-Хаукаль, ибн-Фадлан, повторяемые аль-Истахрием и Якутом, и отчасти Константин Порфирородный); третьи, не говоря ничего о родстве или чуждости, отличают хазар от турок (ибн-Хордадбе, «Дербенд-наме»). Необходимо, к тому, принять во внимание, что византийские писатели IX—X вв. (Лев IV Философ, Кедрин, Георгий Амартол, продолжатель Феофана, Симеон Логофет, Генесий, Скилица, Зонара, Константин IV и др.) под именем «турок» понимали угров. Эти противоречивые свидетельства о «туркизме», «угризме» и т. д. хазар могут быть объяснены тем, что различные путешественники или писатели считали «хазарами» всякую народность, находившуюся в подданстве Хазарского государства или ранее входившую в состав большой федерации, возглавлявшейся собственно-хазарами.

5. Единственным лингвистическим путем для определения, к какой из урало-алтайских языковых групп относился хазарский, остается анализ скудных обрывков хазарского лексикона, который пришлось собрать из греко-византийских, армянских, грузинских, арабских и еврейских источников. Это: а) собственные имена, б) названия титулов, нередко принимаемые иноземными авторами за собственные имена, в) этнонимика и г) топонимика. Большая часть этих слов передана в названных источниках в более или менее искаженном виде, соответственно фонетическим особенностям и применительно к алфавитам греков, армян, грузин, арабов и евреев. В некоторых случаях, когда одно и то же хазарское имя или титул встречаются в двух-трех разноязычных источниках, возможно восстановить их наиболее вероятную собственно-хазарскую форму.

6. Из личных имен должны быть отведены как не дающие ответа на поставленный вопрос имя православного хазарина *Иванка Захарьича* (Лаврент. летопись, год 6614) и все имена царей из списка Иосифа, следовавших за Буланом, принявшим в VIII в. иудаизм (они — обыкновенные библейско-еврейские: *Обадия, Хизкия, Менаше, Ханука, Ицхак, Зебулон, Моше, Ниси, Агарон, Менахем, Беньямин и Иосеф*), как и имена князей *Давида* (из опороченного Я. Гаркави маджалисского пергамента А. Фирковича), *Нахашона* (из «Книги Эльдада-га-Дани») и *раб-Хашмоная* (из письма неизвестного хазарского иудея X в.). Однако два имени, названных в последнем источнике и обычно принимаемых за еврейские, — *Песах* и *Савриил*, — по-моему, являются лишь по недоразумению по-еврейски осмысленными чисто хазарскими именами (из них первое лишь с XIII в. распространилось среди средневропейских евреев через хазарских эмигрантов).

7. Среди имен хазарских полководцев (тарханов) нередко встречается явно тюркские или тюрко-монгольские имена нарицательные (*Алп, Хат→хан, Очи||Авчи* и др.). Это, по-видимому, имена огузских или кыпчакских наемников.

8. Этнически трудно пока определимы имена *Куридах, Илитвер || Ирлитбер, Раж || Рас, Джибил, Амбаджук, Балгач, Папач, Барджил* и др. Попутно удалось установить хазарскую природу мнимо болгарского или угорского имени *Тербел || Тервел || Тевели ||* и мнимо угорских *Термацу || Гармач* и *Вульцу || Вулусудис || Булици*. Имеются основания вывести из хазарского ономастикона имена всех ближайших потомков Арпада и обратить особое внимание на ономастиконы болгар и мадьяр, племенные верхушки и аристократия которых в определенную эпоху на-

ходились под сильным культурным влиянием хазар.

9. Таким образом, отбрасывая явно инородные (заимствованные или принадлежащие хазарским наемникам) имена, мы все же остаемся в неизвестности относительно природы хазарского языка, т. к. в оставшихся именах мы еще не можем найти ключа для разрешения вопроса. Механическое же «этимологизирование» по внешнему звуковому сходству со словами того или иного языка мы отвергаем.

10. Более или менее ясно значение хазарской (или принятой у хазар) титулатуры (*хакан*||*каган*, *иша*||*ишад*||*шат*, *бак*||*бек*||*пех*, *хатун*, *тудун*, *тархан*, *гилас*, *керхан*), но она обща хазарам, аварам (обрам), булгарам, орхонцам, частично башкирам, монголам и др. Обычно эта титулатура считается исконно-тюркской, и на этом основании решался и вопрос о тюркизме хазар, авар и некоторых других народов. Но именно эта часть лексикона наименее надежна, т. к. чаще всего у народов, как древних, так и современных, титулатура иноязычна (арабская — у персов, турок, азербайджанцев и др. мусульман; латинская — у немцев, русских и др. европейцев; монгольская — у тувинцев; китайская — у японцев и т. д.).

11. Остается этно- и топонимика. В названии «хазар» (и его диалектальных вариантов «а-кацир», «хазир», «козар», «кузр»), при сопоставлении с названиями признанных самими хазарами их родичей савиров, авар, булгар и др., и в названиях многих других урало-алтайских народов (мадьяр, хунгар, кангар и др.), явно прослеживается окончание собирательного числа *-ap*||*-ur*, сохранившееся как окончание множ. числа в ряде кавказских языков (лезгинских, удинском, сванском, армянском). В самостоятельном виде в значении «большой»→«много» (целое в отношении части) корень *ap* встречается в т. н. «самоедских» языках.

Основа *хаз* || *хаза* (диалект. варианты *коза* || *куза*), при вполне законном предположении, что она означает «человек», приводит нас к выводу: южно-кавказцы ли они, у которых «человек» *кац* || *коч*; турки ли, у которых — то же слово в формах *киси* || *киши* || *кижи*, или самоеды, у которых — *хаза* и *куза*. Фонетически наиболее близка параллель самоедская. Характерно, что некоторые самоедские племена так и именуются *хаз-ово*.

12. Некогда для Клапрота единственным ключом для раскрытия загадки хазарского языка было название хазарской крепости *Саркел*, точный перевод которого дан византийцами, киевской летописью и арабами как «белый город» или «белая крепость». Клапрот, справедливо указывая на неосновательность тюркистской этимологии сарыкала, нашел соответствия в вогульских *сар* 'белый' и *келл*||*кол* 'жилище', 'дом' и на этом только основании отнес хазарский язык в группу угорских. Но тот же Клапрот указал и на чувашское *кил* 'дом' и самоедск. *сир* || *сири* 'белый'. Н. Н. Поппе, в свою очередь, раскрывает название *Саркел* через чувашские *шура* 'белый' и *кил* 'дом', основываясь на том, что в еврейско-хазарском документе X в. это название написано через букву *ш* (шин). Я считаю напрасным трудом выводить заключение о классификационном месте хазарского языка из слова «кел», которое с далеких дохристианских веков зарегистрировано у различных народов Передней и Малой Азии в формах *кар* || *кал* для названия 'крепости', 'города', 'жилища', 'дома', донныне распространено у многих урало-алтайских народов Евразии и, следовательно, с незапамятных времен является «интернациональным» термином из неизвестного для нас истока. Иное дело со словом *сар* 'белый'. Я отвожу чувашскую эти-

мологию Поппе как недостаточно убедительную, т. к. в еврейском алфавите буква *w* (шин) означает и «ш» и «с», а если бы в хазарской речи это слово имело шипящую форму, то оно было бы выражено норманнами через *sk*, а русскими через «ш», чего в действительности нет: норманны писали *Saerkland*, а русские («Хождение митрополита Пимена к Царьграду», кон. XIV в.) — *Серклия*. В огласовке византийцы передавали это слово через «а» (*Σαρ*), русские через «е» (*Сер* — в *Серклия*), что само по себе наводило бы на размышление о том, что мы имеем тут дело с «ä». Это подтверждается норманнской передачей через «ae» = «ä». Вогульские формы *сакрем*, *сайрем*, *сайран*, *сарни*, *сорни*, *сар* 'белый' стоят одиноко в группе финно-угорских и даже узко-угорских и кажутся мне заимствованиями из самоедских, в которых повсеместно распространены формы: *силой* (энецк.), *сири* (камасин.), *сирр* (ненецк. — юрацк.), *сера'a* (нганасан.) и *сär* (селькупск.) в прямом значении 'белый'. Последняя (селькупская) форма прямо соответствует восстановленной нами форме хазарского слова *sär*.

13. Название столицы Хазарии *Итиль*, как известно из письма неизвестного хазарского иудея X в., происходит от такого же названия реки Волги, в дельте которой она была построена. Из того факта, что другими диалектальными формами того же названия — *Атель* || *Этель* по сведениям византийцев (*Константин*) назывались также не то Дон, не то Днепр, — мы можем заключить, что слово *Итиль* || *Этель* || *Атель* являлось нарицательным для 'реки' вообще. Факт бытования этого слова как нарицательного в башкирском (где *идель* — 'река') только подтверждает это предположение. Ведя лексические поиски в языках всего хазарского окружения, я еще раз пришел к самоедской этимологии: ненецк. — кушвинск. *шту* 'вода' с фонетическими вариациями в остальных самоедских, в угорских и финских. Второй элемент *иль* вскрывается в вогульском, где второй элемент слова 'вода' (аг+эл) тот же, и в марийском, где *йул* || *йыл* 'Волга'.

14. Географический термин *Атель-куза*, встречающийся в византийской литературе (*Константин*), вскрывается как «хазарская» (*куза*) река (*атель*) на западно-хазарском диалекте.

15. Несколько труднее этимологизировать название Тматорокани — *Тама-Тарха*. Попытка ак. А. Ю. Крымского («Страницы из истории северного Азербайджана», сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 300), основанная на принятии за истину двух описок (одной византийской и одной киевской), толковать это название как «тарханство у пролива» и вывести эти слова из тюркских языков, недостаточно убедительна, т. к. с еще большим правом можно отнести слово *тама* к восточно-финским истокам (*√ тэме* || *тама* в удмуртском и марийском означает 'устье реки' и 'разлив') и даже к самоедскому (камасинск. *таву* 'устье реки'). Слово *Тарха*, по моему, означает здесь не «тархан» 'полководец', а хазарское собственное имя *Тарха* || *Тарху*, и название города в целом я предложил бы перевести как «пролив Тарха».

16. Из имен двух южно-хазарских (у М. Каганкатваци «гуннских») богов одно — *Тангри-хан* — явно тюрко-монгольского происхождения; другое — *Куар* — имя бога огня, грома и молнии, вскрывается из самоедских (ненецк. — кушвинск. *хаэр* || *хаер* || *хаяр*, юрацк. *каяр* 'солнце'), где *-ар* — суффикс множества или величия, а *√ каи* || *хаи* во всех самоедских входит в названия грома и молнии с параллелями в финских, где *куу* || *коу* || *ков* 'луна'.

17. Первый вывод: первоначальное ядро хазарской народности, по-

видимому, принадлежало к той северной группе народов, которые ныне известны под общим именем «самоедских»; эти народы, по-видимому, обитали 2 тысячелетия до нас в районах среднего и южного Приуралья, доходя на юг до северных берегов Каспийского моря, но в эпохи следовавших затем нашествий других племенных союзов частично ассимилировались с завоевателями, частично постепенно оттеснялись на восток до Саянских гор и на север — в тундровую полосу (Кастрен и Аристов); наиболее мощной частью этой группы оказались хазары.

18. Находясь в V в. в составе великогуннской державы, хазары могли усвоить от гуннов их государственную терминологию наряду с другими народами, также входившими в состав этой державы; консервирование этой терминологии (титулаторы) можно объяснить наличием в армии хазарской военно-торговой державы огузских, а потом и кыпчакских наемных войск со своим комсоставом; тюркизация Хазарии усиливалась с оседанием на ее территории этих тюркских племен.

19. Замеченные выше совпадения в морфологии — суффикс *-ир* || *-ар* — в хазарском и других урало-алтайских племенных названиях, с одной стороны, и бытование этого суффикса в некоторых кавказских яфетических языках — с другой, привлекает наше внимание к изучению вопроса о хазаро-кавказских языковых отношениях. Исторический обзор показывает нам, что одной из наиболее устойчивых колоний Хазарии на протяжении многих веков был Дагестан. Как сасаниды для охраны своих северных (с гуннами и хазарами) границ перебрасывали туда массами иранские племена в качестве военно-поселенцев (предки совратов), а немного позже ту же политику проводил и халифат, планомерно заселяя эти же пограничные провинции арабо-сирийскими колонистами, так делало и хазарское правительство, заселяя свои южные границы, особенно ирано-арабскую, т. е. Дагестан, хазарами и насаждая среди местного населения иудейскую религию. Можно предполагать, что после крушения хазарского государства хазарские колонии могли еще сохранять свой «национальный» язык до XIII—XIV вв., а затем более или менее быстро ассимилировались в различных иноязычных окружениях. Но язык их не мог исчезнуть бесследно. Он должен был оставить явные следы в языках тех народов, которые были столь много веков подчинены хазарам и среди которых они селились.

20. Действительно, сопоставление той части лексикона дагестанских языков, которая расходится с другими яфетическими, сопоставление его с самоедскими, угорскими и восточно-финскими приводят к исключительно интересным результатам. Из всех дагестанских языков наибольшее количество совпадений с самоедскими и угро-финскими дают аваро-андийские и лезгинские. Для сопоставления я взял те группы слов, которые обычно не заимствуются, но вторжение которых в другой язык может произойти только в результате инкорпорации носителей того языка в данную среду и их длительного сожительства. Это — названия частей и тканей человеческого тела и терминология стихийной природы. Тюркизмы, наличие которых в хазарском языке в позднейшие века несомненно, исключаются мною из сопоставлений по той причине, что на данной стадии наших знаний трудно было бы решить, какие из них перешли в дагестанские языки из хазарского, какие непосредственно от тюркских племен в позднейшие времена. Угризмы и финнизмы же привлекают наше внимание одновременно с самоедскими элементами по той причине, что угорские и финские племена входили в состав Хазарского государства и их колонизация на Кавказе могла произойти именно в эпоху расцвета хазарского могущества.

21. В языках Дагестана общими с самоедскими оказались слова для обозначения руки, пальца, ноги, глаза, носа, лица, спины, груди, половых органов, кишки, солнца, дождя, снега, льда, града, облака, горы, холма; с угорскими — для руки, пальца, ноги, носа, лба, щеки, рта, груди, живота, женских половых органов, звезды, солнца, облака, тумана, горы и камня. В различных финских языках также нашлись совпадения, но в меньшем количестве, да и те являются по большей части параллелями названных самоедских и угорских слов. Отсюда я вывожу, что основными этническими элементами среди хазарских военно-поселенцев были собственно-хазары самоедского происхождения. Совпадения с угорскими в дагестанских почти те же, что и совпадения с самоедскими, почему можно было бы оспорить мои выводы о самоедской природе хазарского языка и вернуться к первоначальному мнению К л а п р о т а. Однако совпадения с самоедскими несколько многочисленнее; во-вторых, по той культурно-политической роли, которую играли хазары и угры вплоть до X в., мы знаем, что сами угры находились под влиянием хазар, и вероятнее, что совпадения между хазаро-хазскими (самоедскими) и угорскими являются хазаризмами в угорских, как это ни обидно для сознания нынешних великомадярских туранистов.

22. Что хазарская колонизация Дагестана носила не случайный характер и практиковалась в массовом масштабе, можно заключить из того что:

а) среди табасаранцев «попадают очень часто признаки монгольского происхождения: совершенное отсутствие или слабое развитие бороды и усов, косые глаза, приплюснутый нос и выдающиеся скулы» (сообщение А. М. Д и р р а), что может быть объяснено внедрением в этот район, особо угрожаемый со стороны персов и арабов, хазарских военно-поселенцев монгольского типа (к каковому относятся и хазы-самоеды и в меньшей степени угры);

б) до окончательной победы ислама в Дагестане почти повсеместно был — по крайней мере в верхушках общества — распространен иудаизм, последними могикианами которого доселе остались лезгиноидные по расовому типу ираноязычные «горские евреи» Дагестана и сев.-вост. Азербайджана; имеются многочисленные сведения о былом иудаизме андийцев, части аварцев, части кубачинцев, даргинцев, кайтаков, лезгин-ахтинцев, крызов и др. Это явление может быть объяснено политической хазарского хаканата, весьма толерантного в отношении иноверцев в столице Хазарии, но заинтересованного в создании антиисламского барьера на границах враждебного ему халифата; распространителями иудаизма в Дагестане могли быть живые хазары, поселенные между яфетическими племенами Дагестана.

23. Поставленная мною в «Uralo-Altaic'e» (Баку, 1928) проблема исторического «породнения» начально неродственных между собою предков финских, угорских, самоедских, тюркских и монгольских языков находит частичное разрешение в прослеживаемых исторических судьбах народов и племен, входивших в великую гуннскую «империю» и большую хазарскую федерацию. Эти крупные объединения были тем полем, на котором происходили скрещивания всех этих племен и вместе с тем их языков.

24. Дальнейшее углубленное историко-этнологическое и лингвистическое изучение урало-кавказских связей поставит нас перед необходимостью выведения, по крайней мере, некоторых дагестанских языков из рубрики чисто «яфетических» и к включению их в новую классификационную рубрику «урало-кавказских» или самоедо-угро-яфетических смешанных языков с ирано-тюркскими вкладами.

Л. Я. МЕДВЕДЕВА

**О КОЛЛЕКЦИИ КАРАИМСКИХ И КРЫМЧАКСКИХ РУКОПИСЕЙ
В ЛО ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

«Отдавая всякую справедливость важности изучения современных живых наречий, мы тем не менее должны признать, что главным материалом для исследования истории языка все-таки являются писанные источники — рукописи, надписи, монетные легенды и пр.» [1. С. 111].

Караимы — народность, живущая в Литовской ССР (в районе г. Вильнюса, главным образом — в городах Тракае и Паневежисе), на юге Украинской ССР (в городах Луцке, Галиче), в Крыму (в Евпатории, Бахчисарае, Севастополе, Симферополе и др.). Кроме того, значительная часть караимов живет в настоящее время в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и др.

Небольшие караимские колонии имеются в Польской Народной Республике (в районе городов Гданьск, Гдыня, а также в Варшаве, Кракове и др.).

Караимский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. По религии караимы — приверженцы секты Анана бен Давида, признающей только библию и отвергающей талмуд. Происхождение караимов связывают с хазарами (VIII—X вв.). После разгрома Хазарского каганата в X в. часть караимов осталась в Крыму. В конце XIV—начале XV в. караимы, попавшие в число пленников великого княжества Литовского, были поселены в Литве, а также в Галиче и Луцке [2]. Сохранился богатый фольклор караимов, в котором отразилась их этногенетическая связь с хазарами [3. С. 58].

По данным «Справочника населения СССР», караимов насчитывается 4,6 тысячи (М., 1974).

Крымчаки — немногочисленная этническая группа евреев-раввинистов, потомки древних обитателей Крыма, пришедших сюда из разных стран Востока и Запада. В VIII—X вв., когда Крым входил в состав Хазарского каганата, часть евреев в языковом отношении, вероятно, ассимилировалась под влиянием кыпчаков и других тюркских народностей. Таким образом, крымчаки, сохранив религию евреев-раввинистов, утратили свой язык и стали говорить по-тюркски. Самоназвание — крымчаки. Язык относится к кыпчакско-половецкой группе. Крымчаки живут в основном в городах Крыма. К началу Великой Отечественной войны их насчитывалось 8 000 (данные Е. И. Пейсаха), а после войны осталось 2 500 человек [4. С. 5—36].

Основная коллекция караимских и крымчакских рукописей включает рукописи древнееврейского письма на караимском и крымчакском языках, выполненных караимским курсивом или полукурсивом. Среди

них имеются сборники, лишь частично включающие произведения на караимском и крымчакском языках. В большинстве своем это памятники XVII—XIX вв., созданные и переписанные в Крыму (Евпатория, Чуфут-Кале, Бахчисарай, Карасубазар, Севастополь, Симферополь, Феодосия, Солхат и др.), на Украине (Луцк, Галич, Одесса, Екатеринослав), Литве (Троки (Тракай) Паневежис) и в других местах, где караимы жили колониями или небольшими группами. Это ценные источники изучения истории караимов и крымчаков в России, их языка, литературы и фольклора.

Большая часть коллекции хранится в рукописном отделе ЛО ИВАН СССР. Около 20 крымских и крымчакских рукописей и фрагментов имеется в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде.

К концу XIX в. в рукописном фонде Азиатского музея насчитывалось лишь несколько караимско-тюркских рукописей, написанных еврейским шрифтом. В их числе: 1. «Меджума» — сборник народных романов, песен, пословиц, поговорок и загадок из коллекции Зераха Фирковича (А 30); 2. Рукопись, поступившая из библиотеки петербургского библиофила Л. П. Фридлянда, — 18 проповедей на древнееврейском и караимском языках (Д 13); 3. Рукопись из собрания Д. А. Хвольсона: Извлечение из анонимного караимского сочинения, касающегося ритуальных вопросов полемики с раббанитами. 1824 (В 452₁) и др.

До 1931 г. основу коллекции караимско-тюркских рукописей составляло небольшое, но ценное собрание памятников, приобретенное В. В. Радловым у А. С. Фирковича в Казани, а также во время его поездок к караимам в Крым в 1886 г. и к трокским и луцким караимам в 1887 г. Часть рукописей этой коллекции была подарена В. В. Радлову С. Е. Винером, приобретшим их в Одессе. Некоторые рукописи были куплены для Азиатского музея М. С. Фридляндом через посредство С. Е. Винера. Отдельные рукописи поступили в музей после смерти В. В. Радлова в 1918 г. В коллекции В. В. Радлова имеются 4 «меджума» крымских караимов и одно стихотворение в честь Николая I, сочиненное на древнееврейском языке Симхой бен Аврахаом и переведенное на караимский язык караимским поэтом Ананием Абковичем; 5 сборников религиозных стихотворений; 4 рукописи переводов отдельных частей Библии и словарь к ней (А 65, В 158, Д 31 и др.), стихотворения и переводы известного караимского поэта И. И. Эрака (В 80).

В 1926 г. по инициативе и на средства местного музея краеведения в Евпаторию был командирован для разбора материалов «Карай-Битиклиги» — караимской национальной библиотеки в Евпатории — сотрудник ИВАН СССР М. Н. Соколов (см.: Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г. II. Отчет о командировках и экспедициях. С. 144—145 и Отчет о научных командировках и экспедициях АН в 1927 г. Л., 1928; Крымская АССР. Командировки. С. 175—176).

Книгохранилище «Карай-Битиклиги» существовало с 1805 г. и принадлежало евпаторийской караимской общине. Оно было основано после присоединения Крыма к России первым караимским гахамом Симхой Бобовичем (1788—1855) и в 1855 г. насчитывало около 5 000 книг и рукописей.

В 1916 г. вновь избранный караимский гахам Серайя Маркович Шапшал (1873—1961) приступил к созданию на базе книгохранилища национальной караимской библиотеки. В библиотеку стали поступать пожертвования М. Я. Фирковича — внука известного коллекционера А. С. Фирковича, газзанов М. С. Неймана и его сына С. М. Неймана,

караимского ученого А. Луцкого (Абен-Яшара) и его отца И. С. Луцкого (Яшара), М. С. Сарача, Н. Д. Кокизова, поэта и ученого И. И. Казаса, отдельные книги М. Переца, Иртлач-Мангуби и т. д. Самым большим поступлением стала библиотека А. Ю. Мичри, насчитывающая более 20 тыс. томов на разных языках и около 40 рукописей. В «Карай-Битиклиги» вошла и библиотека С. М. Шапшала (А 9, 18, 19 и др. Всего 17 рукописей).

После 1918 г. «Карай-Битиклиги» вместе с ее филиалом (библиотекой А. Ю. Мичри) перешла к Евпаторийскому краеведческому музею. Библиотеке был передан архив караимского Духовного правления, содержащий важные документы по истории караимов и их связей с единоверцами. Таким образом, «Карай-Битиклиги» насчитывала около 5 000 книг и до 1 000 рукописных сочинений на древнееврейском, еврейско-арабском, еврейско-персидском и караимско-тюркском языках.

В 1931 г. М. Н. Соколов перевез весь рукописный фонд «Карай-Битиклиги» в Институт востоковедения.

В 1930 г. В. Л. Дашевским институту была передана уникальная коллекция рукописей крымчакской общины в Карасубазаре (Крым) — 53 рукописи на древнееврейском и крымчакском языках. В 1962 г. в Институт востоковедения поступили еще 5 рукописей из фонда С. М. Шапшала, а в 1966 — 53 рукописи на древнееврейском и караимско-тюркском языках из коллекции И. Я. Неймана (Круглевича) (1890—1955), так называемая библиотека «Сагайтиса», завещанная владельцем в дар АН СССР.

Караимские и крымчакские рукописи ГПБ в основном были собраны ученым А. С. Фирковичем (10 рукописей и около 150 документов); имеются 2 рукописи из коллекции В. Л. Дашевского; около десятка караимских рукописей из бывшего собрания кенасы в Чуфут-кале было привезено в 1976 г. из Бахчисарайского музея старшим научным сотрудником рукописного отдела ГПБ В. В. Лебедевым. В 1979 г. в ГПБ поступило собрание крымчакских рукописей Е. И. Пейсаха (1903—1977), экономиста и этнографа, включающее в себя материал по языку и фольклору крымчаков.

Фонд состоит из записанных Е. И. Пейсахом образцов крымчакского фольклора (песен, сказок, пословиц, поговорок, загадок), а также присланных ему фольклорных записей других крымчаков, крымчакских рукописей XIX—XX вв. и материалов к составленному им словарю крымчакского языка. Фонд обработан В. В. Лебедевым [5. С. 239—241].

Е. И. Пейсахом собрано свыше 600 крымчакских песен, более 2 000 пословиц, поговорок, загадок, считалок и других видов фольклора, свыше 200 описаний суеверий, методов народного лечения, проклятий на крымчакском языке, свыше 400 прозвищ — «лагъап», более 70 стихов, повестей и других сочинений; около 15 магнитофонных лент с записями крымчакских песен и речи, рукописные молитвенники. (Перечень сделан Е. И. Пейсахом). Из материалов по крымчакскому языку — следующие: Крымчакско-русский словарь (93 л.); Словарь древнееврейских слов с переводом их на крымчакский и русский языки (21 л.); Крымчакско-татарско-русский словарь (46 л.); Крымчакские слова: Фольклор. 1968—1972 (96 л.). Кроме того, имеется словарь крымчакских слов К. Я. Хондо (82 л.), Словарь русско-крымчакский. 1960 (С. Д. Юсуповой) — 15 л.

В настоящей статье исследуется коллекция караимско-тюркских рукописей, которые в дальнейшем, для краткости, называем караимскими.

Первое упоминание об этих источниках содержится в статье академика А. Н. Самойловича «Караимско-турецкие рукописи», помещенной в памятке «Азиатский музей. 1818—1918 гг.». Сюда вошло описание рукописей коллекции В. В. Радлова и др. В «Инвентарный список» рукописей на древнееврейском языке, составленный проф. М. Н. Соколовым и хранителем «Карай-Битиклиги» Б. С. Ельяшевичем в 1926—1927 гг., вошли 23 рукописи, имеющие караимский перевод или отдельные заметки на караимском языке. При описании устанавливались имена автора, переписчика, название, время и место написания сочинения. Описание 71 караимской рукописи дано в «Инвентарном списке рукописей на караимско-татарском языке», хранящемся в караимской национальной библиотеке — музее «Карай-Битиклиги» в г. Евпатории, составленном в 1928 г. Б. С. Ельяшевичем. Караимские рукописи упоминаются в статье И. И. Гинцбурга «Краткий обзор еврейского фонда рукописного отдела ИВАН СССР//Библиография Востока, 10. 1936. С. 125—130, II: Караимско-татарский подотдел» (с. 128—129), где дается характеристика караимских рукописей (100 рукописей). Краткое описание 116 рукописей вошло в подготовленный к печати «Каталог еврейских рукописей» И. И. Гинцбурга (1936—1941).

В настоящее время собрание ЛО ИВАН СССР, по нашим предварительным подсчетам, содержит 229 караимских рукописей. В их числе 161 крымско-караимская, 52 западно-караимских и 16 крымчакских. Среди этих рукописей имеются 75 смешанных рукописей на древнееврейском языке с параллельным караимским переводом или отдельными караимскими вставками.

Все эти рукописи, написанные крымским или западно-караимским курсивом или полукурсивом, относятся к первой половине XVII — первой четверти XX в. Отдельные рукописи являются поздними списками с древних оригиналов и копий.

Самые ранние по времени создания рукописи: Молитвенник трокских караимов из коллекции Н. Д. Кокизова (А 13. 1617); Записи о событиях в Крыму крымчакского историка Давида Лехно (Д 42_{2б}. 1681); Собрание молитв и толкований, составленное Иосефом Шеломо Хачириом (А 144₅. 1690. Луцк.); Даты правления крымских ханов (Д 42_{1в}. Крым. 1691).

По содержанию можно выделить:

1. Рукописи исторические; среди них, кроме двух упомянутых выше, отметим следующие: Хронология турецких султанов и крымских ханов (А 84₃); Грамота о правах караимов, данная султану Ахмеду Менгли-Гирей-ханом 13 сентября 1873 г. (А 84₁); копия с документа, данного караимам императрицей Екатериной II в 1794 г. (В 429₁); Описание путешествия в Иерусалим крымского караима в 1858—1859 гг. (Д 42а₂). Большое историческое и этнографическое значение имеют материалы о караимских общинах различных городов: Евпатории: 1. Описание путешествия Моисея Панпулова в Иерусалим в 1880 г. (В 341₃); Книга записей Евпаторийской караимской общины, составленная Аврахамом Кушулем (1823—1843) (Д 43); 2. Книга записей Евпаторийской караимской кенасы с введением второго караимского гахама Симхи Бобовича (1788—1855); 3. Акты обручений (1833—1841) (Д 44) и копии актов обручений и разводов (1841—1851) (Д 45); 4. Книга записей Евпаторийской караимской общины: брачные документы (шетары) (93) и записи бытового характера. В эту книгу («Пинкос» — сборник документов) входят документы А. С. Фирковича (1787—1874), Аврахама Шашала, А. Алтиоки и др. (1841—1845) (Д 47) о жизни караимов в Евпа-

тории, Чуфут-Кале и Феодосии; вопросам религиозного воспитания молодежи посвящена рукопись Д 49 (1829—1843). Документы принадлежат С. Бобовичу, А. С. Фирковичу, А. Луцкому и др. Кроме «Пинкасов», имеются еще и «Дефтеры» — «Записные книги». В их числе «Записная книжка общин г. Солхата (Старый Крым) и Кафы (Феодосии)», содержащая перечень синагогальной утвари и других ценных предметов (1788. С. 130). Разного рода хозяйственные записи включают «Пинкасы» А. Луцкого (1839—1852) (В 473), Шемуеля Нахама Бобовича (Д 46) и др. Из документов имеется еще перевод с русского языка «Положения о Таврическом караимском духовенстве» в 37 пунктах от 3 марта 1837 г. Гл. I: Порядок духовного назначения. 27 июня 1859 г. (В 350). Кроме того, в Собрание входят речи, проповеди, письма и документы караимских общественных деятелей и ученых: надгробные речи и проповеди известного караимского ученого и проповедника Ицхака Султанского (14 июля 1879—24 марта 1890 г. Севастополь) (Д 72), проповеди его ученика Мордехая Фенерли — газзана Харьковской кенасы. В книге Евпаторийской караимской кенасы имеется 18 речей А. С. Фирковича, Симхи Бобовича и А. А. Алтиоки за 1848—1849 гг. Представляет интерес речь Аврахама Луцкого перед членами Евпаторийской общины о пользе чтения и письма (В 496₂₃). В фонде находится и сборник писем и документов караимских деятелей Ш. Панпулова, А. С. Фирковича, И. М. Султанского, Б. С. Ельяшевича, Д. Кокизова, С. Бобовича и многих других (1858—1905). Некоторые документы написаны на бланках таврического и одесского гахамов Ш. Панпулова и М. С. Неймана (Д 93а₂).

2. Значительную часть Собрания составляют материалы по фольклору караимов. Среди них наиболее интересны фольклорные сборники, так называемые «меджума», написанные караимским курсивом или полукурсивом. «До середины нынешнего столетия меджума существовали в большом количестве, так что почти каждая семья обладала ими. В настоящее время их гораздо меньше, ибо между караимами находится мало охотников до переписки их, молодежь же смотрит на них с презрением и довольствуется чтением русских книг» (Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 7: Наречия Крымского полуострова. Спб., 1896. С. XVII). Меджума содержат ценный материал, особенно по караимскому фольклору.

Таких «меджума» в исследуемом нами фонде 18. В некоторых сборниках указаны имена составителей и переписчиков. Это Бераха Шапшал (А 9), Йаков Еру (А 127), Симха Сарач (А 138), Мордехай Тиро (А 145), Эстер Камбур (Шайтан) (А 113) и др. Наиболее интересны по содержанию сборники, опубликованная В. В. Радловым рукопись А 127, а также рукописи А 145, А 30, А 19 — составитель Элиазар Синани.

Меджума содержат «народные романы» Ашық Қариб, Көр оғлу, Қараджа оғлан, Ашық Өмер и шах Исмаил, Дахир и Зухра. Есть в них и поэтические вставки — стихи Ашық Қариба, Ашық Өмера, Көр оғлу и др. В «меджума» входят также «мәсәлә» (сказка, басня), и в их числе «Сказка об испанском короле» (А 30), «О сыне рыбака» (А 212), «О живой и мертвой воде» (А 127), «Сказка о шахе Исмаиле и Гүлүзар» (А 18) и многие другие. Имеются также «фасыл» (сказка, предание), «Сказка о волке» — «Бөрү фасылы» (А 30, А 19, А 113, А 127 и др.), «Насреддин Ходжаның фасылысы» («Сказка о Ходже Насреддине») — А 160, «Гүзел фасылы» («Сказка о красавице») — А 127, «Шейтан фасылы» («Сказка о черте») — А 212 и др. В «меджума» входят еще «фы-

кара» (или пыкара) (рассказ, басня); в их числе «Эки делиқанлынын фықарасы» («Сказка о двух юношах»), «Ақыллы қарынның фықарасы» («Сказка об умной женщине») — А 127; много сказок о Коршуд-беке (А 9, А 127, А 145 и др.), О Ходже Насреддине (А 113, А 127, А 160). В фонде имеются еще «Хикайэт» и «Тэварих» (А 59), «Хикайэ» (А 212). Рукопись А 59 содержит исторические повести о султанах; десять историй (рассказов) входят в рукопись В 6. И, наконец, типичная караимская сказка «Йомақ» (А 263). Такой сказке предшествует присказка «Йомақ баши», которая бывает сокращенной и полной. Сокращенная: «Бир заманда бар екен, бир заманда йоқ экен» и т. д.

Полная же присказка состоит из рифмованной прозы, забавных фразеологических сочетаний, острот, игры слов или же целого ряда не поддающихся переводу скороговорок. О караимских сказках писал С. М. Шапшал в «Кратком очерке тюркско-караимской литературы» (Изв. Караим. Духов. правл. Евпатория. Июль 1918. № 1. С. 6—16) и в статье «Научный обзор рукописей библиотеки при караимском отделе Историко-этнографического музея АН Литовской ССР (Вильнюс, 1952. С. 58—60).

В меджума входят также пословицы и поговорки, которым посвятил две статьи В. И. Филоненко: Аталар сөзы: Караимские пословицы и поговорки (Изв. Тавр. о-ва Ин-та археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1929. С. 3—15. 142 пословицы) и Материал по изучению караимской народной поэзии — пословицы и поговорки (Изв. Крым. пед. ин-та. Симферополь, 1930. Т. 3. С. 201—212). Перед каждой группой пословиц на определенную букву приводится обыкновенно ряд вопросов и ответов, причем в ответах даны названия страны, города, животного, клада, возлюбленного и снова города на эту букву. В 1910 г. Р. С. Кефели были изданы литографированным способом 500 пословиц и поговорок «Аталар сөзы». Пословицы и поговорки «зарпумэсэлэ» входят в рукописи А 30, А 127, А 145. Кроме пословиц, в меджума входят загадки, чаще всего в стихотворной форме: «Тапмаджа» — рукописи А 9, А 19, А 30, А 127, А 160 и др.; «хидэ» — рукописи А 9, А 19, А 145, А 212, А 264, В 496₂₄₆. Большой интерес представляют «секирме йоралар» — гадание «по дрожанию различных членов и частей человеческого тела» (рукописи А 30, А 127), «варыруш» или «варылуч» — название игры-танца (рукописи А 19, А 30, А 113, А 145), считалки — «хесаплар» (А 30).

Более всего в фонде содержится народных песен и стихотворений. Они входят почти во все меджума; кроме того, имеются рукописи, содержащие только песни и стихи: А 261, А 284, В 87, Д 39а. Песни и стихи делятся на: 1. *Түркү*. Это самый обширный раздел. В него входят песни о войне (уруш түркүсү — А 263), мире (аләмниц түркүсү — А 19, А 151); отдельных городах: Стамбуле (А 18, А 113, А 151, А 263), Казани (А 9, А 113, А 212, А 264, А 145), Севастополе (А 263, А 264), Иерусалиме (А 19), Багдаде (А 19); о странах: Турции (Анадол түркүсү — А 151), Испании (А 151); солдатские песни (А 30, А 263) и песни, посвященные караимским солдатам (А 19); песня о султани Махмуде (А 18) и марш Осман-паши (там же). Много «түркү» посвящено видным караимским деятелям, поэтам и писателям: Бобовичу (А 138, А 264), Мордехаю Султанскому (А 264, А 266), М. Панпулову (А 264), Абковичу (А 145), Бабакаю (А 19, А 145), Синани (А 263), Ш. Фирковичу (А 19), Б. Шишману (А 145), Исаковичу (А 145, А 264, А 284) и многим другим; 2. *Тәкарләмә* — скороговорка, каламбур (А 18, А 30, А 127, А 145, А 263, А 264); *тәкарләмә дөстан* (А 9, А 30, А 113, А 127);

3. *Дастан*. В их числе дастаны, посвященные И. Сары (А 19), Султанскому (А 266), Симхе Бобовичу (А 138, А 151), городу Евпатории (А 264), а также рукописи А 9, А 18, А 30, А 113, А 127, А 145, А 264; 4. *Дивани* — рукописи А 9, А 18, А 30, А 127, А 138, А 145, А 151; 5. *Гевахир* или *Джевахир* — рукописи А 9, А 18, А 30, А 127, А 145, А 151; 6. *Крым* — рукописи А 9, А 18, А 19, А 30, А 127, А 138, А 145, А 151, А 263, А 264; 7. *Қошма* — рукописи А 9, А 18, А 113, А 127, А 138, А 145, А 151, А 212, А 30, А 264; 8. *Кафийэ* — рукописи: А 9, А 18, А 30, А 127, А 138, А 145; 9. *Мани* — частушки (А 19, А 30, А 113, А 138, А 145, А 265, А 284); 10. *Тэдджнис* — рукописи А 9, А 18, А 30, А 127, А 138, А 145, А 264; 11. *Шарқи* — рукописи А 18, А 30, А 127, А 145; 12. *Тәрбийэт* — рукописи А 18, А 19, А 113, А 145, А 263 и др. Имеются в фонде и наставления, увещевания — *насийат* — рукописи А 18, А 127, А 138, А 145, А 160 и В 420₅; *шикайэт* — жалобы (А 145); *байыт* (А 30), *рубайат* (А 138); *стихи* (А 59, А 151); *чығ* (А 19, А 284, А 113), ногайская и татарская песни, песня девушки.

Сборники переписаны в основном в Крыму, хронологически охватывают период с 1792 (А 127) по 1888 г. (А 266).

3. Светская литература караимов представлена главным образом *поэзией*. В фонде имеются оригинальные произведения выдающихся караимских поэтов: И. И. Эрака (1832—1896) — наиболее известного караимского поэта. (Об И. И. Эраке см. нашу статью «Литературное наследие караимского поэта Эрака»//Сов. тюркология. 1977. № 2. С. 42—46). Рукопись В 494. 1869; В 80. 1864. Стихи И. И. Эрака и известного караимского общественного деятеля, ученого и поэта И. И. Казаса (1833—1912) (рукопись Д 39а₆. 1893. Крым), стихи С. Пигита (1849—1911) — газзана Екатеринославской кенасы (рукопись В 84₂. 1888. Крым), стихи караимского поэта Аврахама Новицкого (рукопись Д 39а₁₂), стихи неизвестных караимских авторов (рукопись Д 39а₁₀), стихи и рифмованная проза трокских караимов (сост. Элия Роецкий). Среди поэтов Ицхак Абкович, Зерах Троки и др. (рукопись В 496₂₈. 1888. Троки). Но больше всего переводных произведений.

С древнееврейского языка: стихи И. И. Казаса в переводе Я. А. Фирковича (рукопись А 62) и С. Пигита (В 84₂); евпаторийский сборник, составленный Ш. Нейманом, в переводе И. И. Казаса, караимского общественного деятеля, и ученого Авраама Луцкого (Абен-Яшара) (1792—1912), Иакова б. Эзра Бабаджана (рукопись В 239. 1848. Евпатория); стихотворение Симхи б. Аврахама в переводе Анания Абковича, посвященное Николаю I (рукопись С 77₁₀. Май 1839).

С русского языка: первые опыты стихотворного перевода русской классической поэзии принадлежат И. И. Эраку. Это перевод «Цыган» А. С. Пушкина (1. IX 1869 г. Петербург — рукопись Д 39а₄); перевод оды Г. Р. Державина «Бог», стихотворения А. С. Пушкина «Делибаш» и басни И. А. Крылова «Волк и журавль» (5.VIII 1869 г. Петербург — рукопись Д 39а₅). В рукопись В 80 вошли следующие произведения: переводы отрывков из поэм А. С. Пушкина «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан», стихотворений «Пророк», «Талисман» и «Не дай мне бог сойти с ума», которому И. И. Эрак дал название «Мелихула» («Элегия»). Рукопись включает еще перевод оды Г. Р. Державина «Бог», двух басен И. А. Крылова: «Волк и журавль» и «Две бочки». Другая рукопись собрания (В 494) содержит переводы следующих сочинений А. С. Пушкина: «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Талисман», «Элегия», оды Г. Р. Державина «Бог», басен И. А. Крылова «Пустыня» и «Волк и ягненок»; поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи

Абрек», стихотворения В. А. Жуковского «Керим» и оригинальное стихотворение И. И. Эрака (1869). Стихотворения и басни нравоучительного содержания с оглавлением и предисловием под названием «Книга — раскрытие глаз. Нравственные наставления в форме притч и басен» караимского поэта Иосефа Григулевича. В их числе перевод басен И. А. Крылова «Квартет», «Совет мышей», «Дружба двух собак», «Мор зверей» и др. Стихи на темы русского поэта И. С. Никитина и др. (1893. Севастополь — рукопись В 354).

В фонд входят драматургические произведения. Это и оригинальная трагедия И. И. Эрака «Дина» (рукопись В 80), представляющая интерес как образец первой светской драмы. Трагедия «Дина» входит также в рукописи А 264₂, В 496₁₇ (1864. Крым). В собрании имеется и рукопись Д 396, содержащая автограф пьесы Абрахама Новицкого «Святая верная любовь» (12 мая 1905 г. Луцк). А. Зайончковский в своей статье «Die karaimische literature» (*Philologiae Turcicae fundamenta*. 1964. Т. 2. С. 797—798) писал: «Эта пьеса заслуживает быть непременно изданной как образец живого литературного языка; драма рассказывает о том, что из-за любви умирают: «Разве может рыба жить без воды, могут цветы расцветать без благотворной росы? Так же не могу я жить без нашей любви...».

Кроме оригинальной драматургии, в Собрании имеется и переводная (главным образом с древнееврейского языка). Это историческая драма в 6-ти действиях «Царство Саула» (1848. Крым — В 299); «Английский милорд» в переводе Симы Сарача (1883. Крым — В 293₁); «Событие, происшедшее в Самарии» (1884. Екатеринослав — В 297); «Книга о потомках иудеев», «Мордехай и Эстер» в переводе А. С. Луцкого (1885. Крым — В 293₂). Перевод пьесы «Эсфирь» А. С. Луцким (1860. Крым — Д 40а₄, С 77₂₀).

4. Из научных сочинений отметим следующие: «Книгу врачевания» Якова Фирковича (А 78, В 496₃); сочинения по астрономии: астрономическая таблица о движении Солнца, Луны и других планет с надписями на древнееврейском и караимском языках (XVIII в. Крым — В 446₁₀); комментарий к астрономическому сочинению Мордехая б. Шеломо «О новолунии» (1817. Чуфут-Кале — В 204₁); письмо Иосефа б. Якова Габбай Шекереджи по астрономии (первая половина XIX в. Крым — В 230₁); сочинения по математике: о десятичных дробях А. С. Луцкого (вторая половина XIX в. Евпатория — В 352); по геометрии (1850. Крым — В 148); перевод отрывка из введения в арифметику Моисея Маймонида о дробях (1863. Бахчисарай — В 121₄) и «Правила ведения бухгалтерии» (1847. Крым — В 484).

Основную и наиболее интересную часть научных сочинений составляют филологические сочинения, в основном грамматики древнееврейского языка: «Правила грамматики древнееврейского языка. Таблица спряжения сильного глагола во всех видах» (первая половина XIX в. Евпатория — А 85₄), «Учебник древнееврейского языка. Вопросы и ответы. Вопросы на еврейском языке и ответы на караимском. (Вторая половина XIX в. Крым — В 351). Отдельные части грамматики, посвященные разделу «Глаголы» (В 413, В 240₇, В 496₁₆); имеются переводы «Полной грамматики древнееврейского языка» известного грамматиста и лексикографа XVIII в. Симха Калимани, сделанные ученым А. С. Луцким (В 115, В 296, В 353₁), и книги общих основ древнееврейского языка того же автора и переводчика (В 370).

Кроме грамматик и учебников в нашем собрании имеются словари, в их числе «Перевод на караимский язык арамейских и еврейских слов»

(1808. Крым — В 349); «Краткий еврейско-арамейско-караимский словарь» (В 371₁), «Краткий караимский глоссарий к „Вавилонскому талмуду“» (В 496₁₆) и, наконец, «Собрание изречений, пословиц и поговорок из Талмуда и Мидраша и арамейско-караимский словарь к тексту на слова, не встречающиеся в Библии» (В 448₂).

5. Религиозная литература в фонде представлена переводами Библии. Наиболее полный перевод Пятикнижия содержат рукописи В 323:

Пятикнижие + Песнь Песней, книги Руфи и Эсфири, плач Иеремии — переводчик этой рукописи Симха Габбай Хилель ха-Закен (1878. Евпатория); В 324 — Пятикнижие + Песнь Песней, книги Руфи, Ионы и Эсфири — переводчик Давид Кохен (1825. Крым); С 137 — Пятикнижие + Иисус Навин, книга судей (1829. Крым); В 235 — Пятикнижие — переводчик Венийамин б. Моше Габбай (1812. Крым); В 476 — Пятикнижие — переводчик Элия б. Моше (XVIII — нач. XIX в. Евпатория). Имеются переводы отдельных книг Пятикнижия: Это книги *ранних или первых пророков*: рукописи В 227, В 368, В 414, В 439. Из них наиболее полные В 368 (1867. Евпатория) и В 439 (1808. Крым); *книги поздних пророков*: рукописи В 98, В 100, В 158, В 226, В 295, В 347, В 363, В 440, В 550 — переводчик Хилель б. Аврахам. Наиболее полные рукописи: В 550, В 100, В 295, В 440; перевод *3-й части Библии — книги агиографов*: это рукописи В 113 + Псалмы, Притчи, книги Иова, Даниила и Эзры; В 224 + Псалмы, Притчи, книги Иова, Даниила, Иеремии и Неемии; В 283 + Псалмы, Притчи; рукопись В 556 содержит книги Псалмов, Притч, книги Иова, Эсфири, Даниила, Эзры, Песнь Песней, Бытие и Исход на языке галицких караимов; рукопись А 17 содержит перевод книг Исход, Первые и последние пророки, Агиографы, Псалмы, Притчи, книги Иова и Песнь Песней; *Псалмы и Притчи* содержат рукописи А 71, В 200, В 362, В 420₁. Переводчиком Псалмов был караимский поэт Иосиф Григулевич (В 200 и В 362); перевод Песни Песней содержат рукописи В 99, В 420, В 463₂; перевод книги Даниила — рукописи В 486, В 557₂, С 77₈; книги Иова, сделанный по этому Элией Роецким, — рукопись А 260. Рукопись А 126₁ содержит стихотворное изложение 1-го отдела Пятикнижия под названием «Сотовый мед», сделанное Мордехаем б. Шелома Казазом. Это один из немногих и лучших образцов караимской поэзии, близкой по форме к духовным песням «иллахи». Переводы Библии дают возможность проследить, насколько изменился язык караимов.

Караимские говоры и язык переводов священных книг являются пока единственными источниками изучения этногенеза караимов. Этот материал свидетельствует о том, что еще до монгольского нашествия, т. е. до XVIII в., караимы говорили на языке турецкого корня, близкого к языку половцев (иначе — куманов и кыпчаков). Является ли старокараимский язык исконным языком караимов или он был заимствован, пока неизвестно.

В. В. Радлов отмечал, что в переводах Библии сохранился старый лексический слой. О языке переводов Библии на караимский язык писал В. А. Гордлевский в статье «Лексика караимского перевода Библии» (Докл. АН. 1928. № 5. С. 87—91).

Кроме Библии, переведено значительное количество молитв и песен религиозного содержания. Эти песни полусветского и полурелигиозного содержания исполнялись в субботу и праздничные дни во время домашних торжеств (обрезание, помолвка, свадьба, освящение нового дома, похороны) и при других событиях. Это песнопения «Земерлер». Обрядовым песням посвящена статья Т. Ковальского (РО, III. 1917. С. 216—254).

Гимны религиозного содержания и молитвы, посвященные субботе, праздникам и семейным торжествам, содержит рукопись А 65 (Троки, Луцк) — составитель Шемуел б. Шолом; песнопения на канун субботы (составитель Шеломо Мордехай б. Йосеф Луцкий) — рукопись А 279; сборник песнопений караимских общин в Луцке, Троках, Галиче и других городах — рукопись А 84. Много смешанных сборников караимской литургии: песнопения, гимны, пиюты; молитвам на древнееврейском языке с переводом на караимский посвящена одна из ранних рукописей фонда — А 67₁ (1719); *обрядовые и свадебные песни, песнопения* в честь праздников содержит рукопись А 256 (Троки); обрядовые песни и элегии входят в рукопись А 253 (Троки), *обрядовые и застольные песни* — в рукописи А 254 и В 463₃ (Галич).

Другим видом религиозной литературы являлись *траурные песни* — «Қиналар» (қинот), достаточно точно датированные. К ним относятся и элегии (рукопись А 84₂, элегия на смерть Эсфири — дочери Мордехая Шеломо Мордкевича (составитель поэт Симха Леонович) — рукопись А 268). Благословения, элегии, песнопения содержит сборник А 275. Рукописи этого вида литературы содержат еще «Плач на день разрушения Иерусалима» — С 77_{11, 13} и др. В фонде имеются еще «пиюты» — духовные стихи. В их числе стихотворный перевод пиютов, сделанный караимским поэтом И. Григулевичем, — рукописи В 364 — пиюты, читаемые по субботам и соответствующие отделам Пятикнижия; В 478. Пиюты содержат рукописи А 205, А 255, А 267 — автор Ахарон б. Йосеф, А 277 и, наконец, одна из ранних рукописей фонда — перевод пиюта «Ты мой Бог!» Гимн на Йом Киппур Шеломо б. Ахарона. Но самую большую часть этого раздела составляют *сборники молитв и отдельные молитвенники*. К этому виду религиозной литературы относятся три самые ранние по времени создания рукописи: Молитвенник трокских караимов 1617 г. (А 13); собрание молитв и толкований, составленное Йосефом Шеломо Хачаир, 1690 г. (А 144₅); молитвенник 1718 г. (А 209); сборник повседневных и субботних молитв по ритуалу караимов Литвы и Польши — автор Йосеф б. Мордехай Малиновский (рукопись А 208); сборник молитв, гимнов, песнопений и элегий литовских караимов и много других. Сюда относятся и покаянные молитвы — «селихот». Это рукописи А 269, В 482, В 551; есть и караимская *аггада* в переводе Мордехая б. Шеломо Казаза — краткое повествование для пасхального вечера об исходе евреев из Египта (В 496₁₃); духовные песни — «иллахи» (рукописи А 9, А 18, А 19).

Значительную часть раздела составляют *караимские катехизисы*, излагающие десять заповедей в форме вопросов на древнееврейском языке и ответов на караимском.

Есть и *правила ритуального убоя скота* — также в форме вопросов и ответов.

Перевод Пятикнижия относится к периоду 1780—1878 гг. Остальная же религиозная литература охватывает период 1617—1902 гг. Местом переводов были в основном города Тракай, Галич, Луцк.

А. Н. Самойлович писал: «Среди печатных книг, еврейских по алфавиту и турецких по языку, имеются и издания крымчаков-талмудистов. Все ли вышеописанное рукописное собрание происходит из караимской среды или в нем представлена и крымчакская литература, остается невыясненным» (с. 39).

Выделенных нами крымчакских рукописей всего 16. Это переводы отдельных русских правительственных указов: 1805 и 1812 гг. Крым (А 59₂); памятные и календарные записи 1812 и 1815 гг. Крым. (А 61); два «меджума», народный роман «Ашық Қариб» (А 128) и рукопись

В 420₅, в состав которой вошли: сказки (мәсәлә), народные песни (түркү, кангун, главным образом из народных романов Кер оглу, Ашық Қариб, Дахир и Зухра). Рукопись второй половины XIX в. Коллекция М. И. Манто. Севастополь. В фонде имеется и сборник стихов крымчакского поэта Марселя Переча. Время написания сборника — XX в. Крым. Всего 39 стихов. В их числе: «Первое мая», «Песня любви», «Колыбельная», «Мать и дитя», «9-е января», «Октябрь» и др. Сборник содержит также песни (түркү) (В 420₆). Имеется еще сборник революционных песен (1920. Крым. — В 420₃). Рукопись В 420₉ содержит 54 свадебные песни.

Большой интерес представляют две рукописи: С 77₁₇ и С 77₁₈, содержащие образцы крымчакской прозы. Это воспоминания двух солдат-крымчаков Менахема Бермана и Ионы Пейсаха о русско-японской войне 1904—1905 гг. (Крым).

На крымчакском же языке имеется «Грамматика древнееврейского языка и еврейско-крымчакский словарь до буквы Л». Рукопись С 77₁₄ относится ко второй половине XIX в. Крым. Из произведений религиозного содержания интересны следующие: «Перевод части книг пророков Исайи, Иеремии, Осии, Амоса, Обадии и др.» (XIX в. Симферополь — рукопись В 98). На л. 01 этой рукописи имеется интересная приписка на древнееврейском языке: «По совету Вл. Дашевского — исследователя древностей сей дар (рукопись) принесена в Дом мудрости, именуемый Академией наук, от Мордехая Шелома, сына Элизера Леви Переца. 10 июня 1930 г. Симферополь». Другая рукопись (С 18) представляет собой большой сборник молитв и литургических песнопений, употребляемых крымчаками с отдельными пиютами на крымчакском языке. Вторая половина XVII в. (по бумаге). Крым. Рукопись была передана в ИВАН сыновьями Меира Пейсаха через Вл. Дашевского. Рукопись С 77₁₂ — порядок на 9 Аба. Плач на день разрушения Иерусалима на древнееврейском языке с крымчакским переводом (1850. Крым) и «Элегии» — С 77₁₃ (первая половина XIX в. Крым).

Остановимся кратко на внешнем виде караимских рукописей: в фонде имеются старинные европейские переплеты в виде деревянных досок, обтянутых темной плотной кожей с металлическими застёжками, характерные для европейских еврейских рукописей. Это рукопись А 209 — молитвенник караимов (1718. Литва). Бывшие владельцы: Симха б. Йосеф, Симха Йицхак б. Аврахам, Йосеф б. Шемуел. В 295 — рукопись представляет собой перевод книг последних пророков (9 ноября 1851 г. Крым). В рукописи указано имя владельца. Легенда (Я Э Б): «Яков Эзрович Бабаджан». Имя прежнего владельца рукописи — «Абрам Койлю». И, наконец, рукопись В 347 — «Перевод книг последних пророков» (по переплету, не ранее 1788 г. Крым). Имеется большое количество рукописей в кожаных переплетах, с золотым тиснением в центре (чаще всего медальон), где дано имя составителя и название рукописи, иногда и имя ее владельца. По своему содержанию это сборники междума, часто предназначенные для подарка, А 9, А 30, А 113, А 151, А 154, В 554 — рукописи, содержащие переводы Библии: «Перевод Пятикнижия» (А 17. Первая половина XIX в.; В 225. Крым.; В 476. XVIII — нач. XIX в. (датировка по бумаге). Евпатория). На одной крышке переплета перекрещивающиеся линии, а на другой — ромбик с растительным орнаментом, так же и по краю. «Перевод книг первых пророков» (В 414. Начало XIX в. Крым.; В 439. 1808. Крым). «Перевод книг последних пророков» (В 100. 1807. Крым; В 363, В 440. Обе — первой четверти XIX в.). «Перевод книги агиографов» (В 224, В 113),

«Псалмы» (В 282. 1817. Севастополь). «Песнопения» (А 67. 1719 и многие др.; А 65. 1861. Троки). Несколько рукописей древнееврейских грамматик (А 252. 1887. Паневежис; В 371. 1848. Крым; В 413. 1826. Крым). Кроме кожаных, встречаются еще дерматиновые переплеты: рукопись А 13 — с кожаным корешком и золотым тиснением «Молитвы» (Н. Д. Кокизов. 1617. Трокай); местный переплет с золотым тиснением, на котором вытеснено название сборника, корона, монограмма СГ и дата 1877. Это подарочная рукопись в честь Габбая (А 160. Меджума). Рукописи А 138 и А 145, тоже содержащие меджума. Дерматинный переплет имеют рукописи религиозного содержания — элегии: А 270, А 271, А 272, А 275; литературные: В 297, В 298, В 299, содержащие исторические драмы. Европейские картонные переплеты с кожаным корешком и тиснением — это рукописи религиозного содержания: А 255 — пиюты (духовные стихи), А 269, А 270, А 259, А 257 — молитвы, песнопения; библии — В 98, В 99; грамматики — рукописи В 115, В 240, В 296, В 350, В 370 и др. Встречаются европейские картонные переплеты, обтянутые материей с кожаным корешком и тиснением. Это рукописи А 217 — меджума, А 18 — меджума, В 556 — Библия (Галич), В 551 — молитвенник. Среди них выделяется рукопись Библии, обтянутая синим бархатом (А 71). Рукопись может быть обтянута холстом — В 223; В 226 (Библия); обшита ситцем с кожаной наклейкой и золотым тиснением: «Сиддур. С. Нейман» — рукопись А 205. Картонные переплеты с белой наклейкой и кожаным корешком имеют так называемые «Пинкось караимских общин»; это рукописи Д 3 — книга речей Симхи Бобовича — караимского гахама; Д 43 — сборник записей 1823—1843 гг., Д 45 — 1841 — 1845 гг., Д 46 — от 1801 г., Д 47, Д 49, Д 44. Но встречаются рукописи, не имеющие переплета. Они обычно вложены в картонную обложку. Это переводы Библии (В 227, В 323, В 348, В 492), катехизисов, грамматики (В 349, В 350, В 351 и др.), иногда это общие тетради с картонной обложкой (В 200, В 351), клеенчатой (В 354, В 362, В 420), бумажной (А 277, В 420₅, В 482, 486, 560). Иногда это сшитая или сброшюрованная тетрадь (В 496_{17, 18}; С 77_{13, 14, 17-20}; Д 39_{а1, 6}; В 480), сброшюрованные или даже несброшюрованные листы; рукописи, просто вложенные в лист бумаги. Кожаные переплеты главным образом темно-коричневые, черные и темно-зеленые, но встречаются и светлоресничные, темно-синие и красные, иногда с клапанами и металлическими застежками. На переплетах часто вытеснен растительный орнамент, иногда по краям и в уголках — растительный орнамент с лирой (А 67, А 65); название рукописи может быть заключено в овал (А 154), прямоугольник (А 151) или ромб (А 78, А 252, А 284). На другой стороне переплета бывает геометрический орнамент, иногда в виде перекрещивающихся линий (А 67, В 230), растительный орнамент с корзиной цветов в центре (В 413) или цветы, раскиданные по всему переплету (В 439).

Бумага европейская, чаще всего русская, почти всех русских фабрик: лошенная с филигранью «А. Гончаров» и белой датой: «1802» (В 452₁), «1818» (А 30), «1829» (А 50), «1834» (В 113), «1836» (В 480), «1837» (А 139), «1841» (А 18); с литерами МФАГ (Медынская фабрика А. Гончарова) и белой датой «1811» (В 226), «1812» (В 440 и Д 43); фабрики Калужской губернии Медынского уезда (1780—1812) с белой датой и литерами ЯМГЯ (Ярославская мануфактура господина Ивана Яковлева): «1810» (В 98), «1812» (В 158). Иногда «ЯМ» и белая дата «1812» (А 61), «1815» (В 21). Бумага с филигранью, литеры РФИЯ (Ростовская фабрика Ивана Яковлева) и белой датой «1792» (Д 46).

Герб Ростовского уезда. Бумага с литерами АП (фабрика Анны Полторацкой) и белой датой «1824» (В 486₁); с литерами МОКФЕ (Московского округа Копнинской фабрики Елизаветы Баташевой) и белой датой «1826» (В 413, В 492). Бумага с литерами МУШФПР (Медынского уезда Шанской фабрики Пелагеи Ртищевой) и с белой датой «1804» (Д 39а); с филигранью Добрушской писчебумажной фабрики Могилевской губернии Гомилевского уезда Вылевской волости (А 205, Д 39а₁₂); с филигранью (герб г. Костромы — А 223₃), с литерами АСНХТ (Антон Семенович Хлюстин, село Троицкое Медынского уезда — Д 49); филигрانی: пятиконечная звезда и литеры АНТ (А 254, А 268, В 463₃); три полумесяца по вертикали и литеры АО (В 100); бумага европейская, лощеная, с филигранями и литерами GFA (А 78), литерами и верже (В 227), с филигранью, литерами PS и белой датой «1834» (В 323), филигрань — цветок семилистника и литеры Gbillic Gfa (В 473), филигрань — Lacroix Freres (В 494), Wolfha (А 17), Van der Ley (В 482, В 99) и др. Имеется бумага литовская, лощеная (А 252, А 260); плотная литовская, с верже (В 551); латвийская, с филигранью «Latvija» (А 277). В рукописи А 127 — бумага разноцветная, в линейку с золотым обрезом. Имеются и печати русских фабрик: Аристархова (1844—1862) — рукописи А 9, А 264, В 148, В 496₂₆; Курской фабрики Сергеева № 5: А 256, В 264, В 270, В 348, В 383₉, 389₉; Сурской фабрики П. Ф. Сергеева: А 151, В 353; ЕС (фабрика в с. Сергеевском Покровского уезда Владимирской губернии): В 240₇, В 496₁₆. Больше всего бумаги со штемпелями фабрики Говарда (рукописи А 138, А 145, А 160, А 166, А 256; В 115, В 350, В 370 и многие другие); Татаровской фабрики А. Протасьева (В 84_{1, 2}), фабрики князя Паскевича (В 496_{4а, 10}), фабрики Способина и К° Владимирской губернии Судогорского уезда Тучковской волости (В 239, В 293₂); фабрики А. Гончарова — штемпель под дворянской короной (А 113, А 154) и др.

Часто встречается филигрань «Pro Patria» (А 69, А 85, А 208, А 259, А 271); лилия на гербовом щите под короной (В 556), лилия, трилистник (А 84); филигрань «С. Билибин» и белая дата «1839» (В 554) и др.

Основной почерк рукописей — крымский полукурсив, западно-караимский полукурсив, реже — западно-караимский курсив и крымский курсив. Крымский курсив близкий к квадратному почерку (рукописи А 71, А 160, А 268). Иногда в рукописях курсив или полукурсив сочетается с квадратным почерком (рукописи В 6, В 349, В 371, В 383, В 98, В 99, В 100 и др.). Квадратным почерком выделяются заглавия. В основном все рукописи написаны черными чернилами, иногда коричневыми, черной тушью, некоторые рукописи написаны черными, синими чернилами и черным карандашом (А 127, А 265); черными и синими чернилами (А 263), черными, красными, синими и зелеными чернилами написана рукопись А 160; черными и красными чернилами — А 151; черными, синими, фиолетовыми чернилами и черным карандашом — рукопись А 264; черными, зелеными и красными чернилами — рукопись В 282 и др. Черной тушью написаны более старые рукописи (А 13 (1617), А 126, А 139, А 208, А 268, А 272, В 98, В 158 и др.); черной и красной тушью — рукопись В 235; черной, красной и зеленой тушью — рукопись В 347. Текст значительного числа рукописей вокализирован (35), некоторые вокализированы частично (15). В рукописях употребляется еврейская и русская постраничная пагинация, иногда еврейская полистная. Летосчисление еврейское, мусульманское, иногда русское. Дата передается с помощью букв еврейского алфавита.

Художественное оформление рукописей: цветные унваны и заставки, выполненные оранжевой и желтой краской (В 439); заставки и унваны, выполненные черной, зеленой и красной тушью (В 347); две заставки и примитивные рисунки, сделанные черными чернилами (В 296); рисунки, заставки, цветные орнаменты (А 160), сделанные разными чернилами; рамки и геометрические орнаменты, сделанные красными и черными чернилами (В 496₂); в качестве заставок употребляются переводные картинки (А 113), унваны и заставки, выполненные коричневыми, оранжевыми и красными красками (В 476).

Переписчиками рукописей были Ахарон б. Илия Кальфа (В 115), Шемуел Пигит (В 121₄, В 297, В 298), Аврахам Шамаш (В 158), Давид б. Симха (В 226, В 323, В 439), Ахарон Леви (А 223, В 427), С. М. Нейман (А 205, В 341), Шемуел Фиркович (В 296) и др.

Хотелось бы еще остановиться на приписках к рукописям, где даются сведения о происхождении и покупке отдельных рукописей (рукопись А 18. Л. 003): «Книга подарена Шапшалу в 1908 г. в Чуфут-Кале», и самого Шапшала: «Интересны последние, чисто караимские дестаны». В 548. Л. 266: «Эта рукопись обнаружена среди остатков домашней библиотеки покойного отца моего — преподавателя и заведующего Одесским караимским национальным училищем А. В. Бабаджана (1853—1932) в Одессе». В 554: «Меджума составлено Авдеем Семен. Прик. Он сам скончался 17.X 1941 г. Сдан его супругой Т. Н. Прик, 1948 г.». На внутренней стороне переплета приписка черным карандашом (С. М. Шапшал): «Меджума крым. караимов (нар. фол. на разг. яз.)» и др. В 368 — приписка о покупке данной рукописи Я. Э. Бабаджаном у А. Койлю. В 296. Л. 726: «Сию книгу написал Самуил Зарич Фиркович в Евпатории».

Научное значение Собрания караимских рукописей велико. Они содержат материал для изучения культурных взаимосвязей караимов и крымчаков с другими народами СССР, являются источником для изучения истории, культуры, литературы, фольклора и языка не только караимов, крымчаков, но и других тюркских народов.

Ленинградское собрание караимских и крымчакских рукописей, насколько нам известно, является самым крупным и фактически единственным в СССР, а возможно, и в мире. Опубликована лишь незначительная часть его материалов, да и они уже стали библиографической редкостью.

Сам факт существования фонда в Ленинграде выдвигает задачу выявления, описания и исследования этих рукописей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. Спб. 1900.
2. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
3. Шапшал С. М. Научный обзор рукописей библиотеки при караимском отделе Историко-этнографического музея АН ЛитССР. Вильнюс, 1952.
4. Филоненко В. И. Крымчакские этюды. Одесса, 1972. Т. 35, № 1.
5. Лебедев В. В. Материалы по крымчакскому языку и фольклору в собрании Е. И. Пейсаха // Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ТЮРКСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: (СБОРНИК СТАТЕЙ)

МАХАЧКАЛА, 1985. 204 с.

Сборник открывается вступительной статьей ответственного редактора и составителя сборника Н. С. Джидалаева «Актуальные проблемы тюркско-дагестанских этноязыковых контактов» (с. 3—26), где предлагаются критерии для разграничения тюркизов, вошедших в дагестанские языки из разных тюркских языков, а также из других языков (особенно иранских и арабского) через тюркское посредство.

Статья А. Г. Гюльмагомедова «Фонетические элементы азербайджанского языка в лезгинском языке (на материале куткашенских говоров)» (с. 27—34) показывает сильное влияние азербайджанского языка на фактически не имеющих письменности на родном языке носителей куткашенских говоров кубинского наречия лезгинского языка.

Воздействие буйнакского диалекта кумыкского языка на функционирующий в его окружении кадарский диалект даргинского языка является объектом исследования в статье С. М. Гасановой «Взаимовлияние пограничных диалектов даргинского и кумыкского языков» (с. 35—42). В ней же затрагивается и проблема воздействия кадарского диалекта даргинского языка на речь кумыкского сел. Дургели.

Аналогичные проблемы применительно к островному кайтакскому диалекту кумыкского языка, испытывающему влияние даргинского языка, освещаются в статье Н. Э. Гаджихмедовой «Даргинское влияние на кайтакский диалект кумыкского языка» (с. 115—127).

Интересный пример полного переплетения исконных и заимствованных элементов (в частности аварского *чи* 'человек' и тюркского аффикса со значением лица *-чы/-чи*) анализируется Н. С. Джидалаевым и С. З. Алихановым в статье «Генезис аварского словообразовательного эле-

мента *-чи*» (с. 43—53).

Анализу некоторых названий частей тела в языках Дагестана посвящена статья К. С. Кадыражиева под несколько претенциозным названием «Общие соматические термины в кумыкском и северо-кавказских языках» (с. 54—66).

Другая статья того же автора «Булгарский ономастикон Дагестана» (с. 95—105) касается этимологического анализа древних этнических названий указанного региона без опоры на текстологию старых источников.

Для обеих статей характерна четко выраженная тенденция к смелому конструированию рискованных фонетических преобразований *ad hoc* и стремление к использованию (без предварительных дефиниций!) терминоподобных словечек (с. 95 и др.), надобность в которых едва ли оправдана.

Представляется вполне перспективным помещение в сборнике статьи Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова — своеобразного монографического исследования по истории и этимологии одного социально-политического термина «Чанка» (с. 67—94), имеющего хождение в языках Центрального и Северного Дагестана, а также в чеченском, ингушском и карачаево-балкарском языках. Китайское происхождение термина, постулируемое в статье, нуждается в дополнительном обосновании, как и предполагаемое булгарское посредство.

Большой фактический материал в виде микротопонимов тюркского происхождения с территории Салатави (в особенности самого топонима *Салатов* и термина *сала*), ныне заселенной аварцами, трактуется на базе кумыкского языка в статье Т. Г. Таймасхановой «Тюркский элемент в

аварской топонимии (на материале сала-тавского диалекта» (с. 106—114).

В статье Т. Н. Эфендиева «Влияние табасаранского языка на соседние говоры азербайджанского языка (предварительное сообщение)» (с. 128—135) рассматривается азербайджанская речь табасаранцев и табасаранский субстрат так называемого (по условной терминологии автора) табасаранского диалекта азербайджанского языка в Табасаране, где по различным причинам произошла смена языков у его обитателей. Статья интересна как попытка рассмотреть формирование субстратных явлений *in statu nascendi*.

Небольшая тюркская эпитафия приблизительно XIV—XV вв. в прорисовке, в арабистической транскрипции на базе русской графики, в чтении на основе современной кумыкской графики и в русском переводе с территории Каракайтага, заселенной даргинцами, опубликована в статье Т. М. Айтберова и Б. Салихова «К вопросу о распространении тюркского языка в Дагестане» (с. 136—138).

В статье Г.-А. А.-К. Гусейнова «Тюркиз-

мы в чеченском языке (проблемы, суждения, материалы)» (с. 139—155) чеченский лексический материал тюркского происхождения, расположенный по тематическим группам, в приложении сопоставляется с кумыкским — как наиболее близким и вероятным источником.

Первый в тюркологии опыт эпистографического анализа структуры дагестанских неопубликованных писем на северокавказском тюрки («кумыкском письменном языке») дан в статье Г. М.-Р. Оразаева «Архитектоника тюркоязычных писем XVIII в., адресованных кизлярскому коменданту (к истории тюркоязычной письменной традиции на Северном Кавказе)» (с. 156—179).

Завершается сборник «Кратким библиографическим списком лингвистических работ на русском языке по проблеме «Тюрко-дагестанские языковые контакты», составленным Г. М.-Р. Оразаевым (с. 180—202). Как бы подводя итоги сделанного в этой области, библиография одновременно ставит те проблемы, которые требуют первоочередного разрешения.

И. Г. Добродомов

Т. ТАЛИПОВ. ФОНЕТИКА УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

АЛМА-АТА, 1988. 256 с.

Лингвистическое богатство уйгурского языка, своеобразие его фонетической системы привлекали и продолжают привлекать внимание многих отечественных и зарубежных тюркологов. Уйгурскому языку посвятили труды В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, К. К. Юдахин, А. К. Боровков, В. М. Насилов, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Э. Н. Наджип, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, А. Т. Кайдаров, Г. С. Садваксов, А. Габен, К. Брокельман, О. Прицак, Г. Ярринг и др. Монография Т. Талипова «Фонетика уйгурского языка» является первым в тюркологии специальным исследованием, посвященным изучению общих тенденций развития фонетической системы уйгурского языка. Во введении автор пишет об узловых вопросах уйгурской исторической фонетики.

Можно согласиться с автором в том, что, несмотря на множество трудов, посвященных как диахроническому, так и синхроническому аспектам тюркских языков на уровне фонетики и фонологии, многие вопросы все еще не изучены, и ряд фонетических явлений не получил теоретического обобщения. Исследование исторического процесса развития фонетической системы уйгурского языка имеет большое значение

и для многих тюркских языков, для которых язык уйгуров представляет несомненный историко-генетический интерес.

В I главе «Развитие фонологической системы уйгурского языка» подробно исследуются как качественные, так и количественные изменения в фонологии и фонетике уйгурского языка, анализируются общие тенденции развития фонетической системы. Ценным, на наш взгляд, является мнение автора об имманентном характере развития рассматриваемых фонетических явлений в истории тюркских языков. Параллельное синхронное употребление форм слов с широкими и узкими гласными в основе в древнетюркских письменных памятниках Т. Талипов объясняет неравномерным проявлением акцентно-просодических факторов в древнетюркских языках.

Изучение данных письменных памятников в сравнении с данными ряда тюркских языков позволило автору сделать важный вывод о том, что в процессе фонетического развития и влияния различных приводящих факторов фонологические структуры вокализма и консонантизма тюркских языков, в том числе и уйгурского, были подвержены определенным изменениям, что подтверждается появлением или расшире-

нием сферы употребления отдельных фонем и фонемосочетаний.

В этой же главе рассмотрены вопросы преемственной связи древнеуйгурского языка с современным уйгурским языком и его диалектами. На основании изучения древнетюркских письменных памятников в историческом и синхронном планах делается вывод о том, что староуйгурский, а также новоуйгурский языки исторически связаны с древнеуйгурским. При этом автор считает, что ни один из современных тюркских языков, включая уйгурский, в силу особенностей своего исторического развития не может быть непосредственно возведен к определенной древнетюркской группе языков (с. 29—33). В главе детально излагаются мнения отечественных тюркологов о диалектном членении древнетюркских языков на основе данных фонетики.

Во II главе исследуется развитие фонетической системы уйгурского языка. Подвергаются серьезному анализу значение и роль письменных памятников в изучении вопросов исторической фонетики, рассматриваются фонетические изменения, связанные с морфологическими процессами, а также обусловленные иноязычными заимствованиями.

Подробно анализируются позиционные модификации звуков в истории уйгурского языка, связанные с репласацией древнетюркского ударения. Автор делает вывод, что репласация древнетюркского ударения значительно видоизменила вокализм и консонантизм слова (с. 64). Т. Талипов обоснованно пишет, что в истории уйгурского и других тюркских языков просодика играла решающую роль в фонетической эволюции слова (с. 62—63). При всей его спорности и проблематичности можно, на наш взгляд, принять рабочий тезис автора о том, что сдвиг акцентной системы явился поворотным пунктом в переходе от пратюркского к общетюркскому состоянию, что привело, в частности, к нейтрализации фонемных противопоставлений гласных и согласных в различных позициях тюркского слова.

В III главе рассматриваются качественные редукция аналутных и инлаутных гласных, явления синкопы, апокопы. Показаны пути позиционной модификации гласных в истории уйгурского языка, выявлен целый ряд «праформ» на материале других тюркских языков. Изучение данных письменных памятников и сравнение их с межтюркскими и междиалектными данными позволили автору сделать ряд выводов. В древнетюркских письменных памятниках позиционное сужение широких гласных в аналуте и инлауте графически почти не отражено. Т. Талипов резонно утверждает, что такое положение объясняется не только полифоническим характером древнетюркской письменности, но и орфографической традицией не отражать на письме качественные изменения звуков. Вариации

одного и того же фонетического явления могли увеличивать число диалектных изоглосс, причем различные периоды истории уйгурского языка имели свою специфику развития и диалектного варьирования. Это последнее обстоятельство объясняется неравномерным развитием языковой системы в результате непрерывного взаимодействия языков и диалектов и хронологического несовпадения одних и тех же процессов.

Несомненный интерес как для истории уйгурского языка, так и общей тюркологии представляет IV глава монографии («Качественное расширение узких гласных в финальной позиции слова»). Необходимо признать, что проблема огласовки узких гласных в финале многих общетюркских слов в тюркологии до последнего времени специально не ставилась. В этом плане данная глава монографии Т. Талипова выглядит самостоятельной, законченной работой, где анализируется качественная и количественная модификация уйгурских узких гласных в подударном ауслауте в связи с другими тюркскими языками. Автор считает, что существование параллельных форм слов с чередующимися финальными узкими и широкими гласными — одно из древнейших общетюркских явлений — отражалось в истории конкретных тюркских языков и их диалектов по-разному. В истории уйгурского языка в результате качественного расширения узких гласных ауслаута появилось множество слов с лабиально-диagramмической структурой. На этой основе Т. Талипов выдвигает гипотезу об арханности появления параллелизм в истории тюркских языков и наметившейся уже в древнетюркскую эпоху тенденции нарушения прогрессивной лабиальной гармонии в аффиксах. Это утверждение автора, при всей его гипотетичности, весьма оригинально.

В последующих двух главах (V и VI) монографии исследуется появление отдельных гласных (с. 169—200) и согласных звуков (с. 201—235). Возникновение отдельных фонематических единиц в уйгурском языке до сих пор специально не рассматривалось. Т. Талипов в рецензируемой работе восполнил этот пробел. Он устанавливает в истории уйгурского языка конвергенцию близких по артикуляции общетюркских узких гласных (ы) и (i) и появление на их месте индифферентного звука (и). В результате обратного влияния на качество широких (а) и (э) начального слога появился совершенно новый звук (е).

Для тюркологии имеет большое значение воспроизведение в деталях фонетической истории, последовательной эволюции основных направлений развития фонологической системы праязыка.

Т. Талипов предпринимает серьезную попытку проследить в общих чертах ход исторического развития отдельных согласных звуков, таких, как (ж), (ж), (й)

и некоторых других, в истории уйгурского языка. В главе, посвященной этому вопросу, он делает обзор существующих научных взглядов, излагает собственные представления, показывает роль интра- и экстралингвистических факторов в фонетической эволюции тюркских языков; намечает определенные этапы в развитии тех или иных звуков и т. д. По многим вопросам у автора сложилось свое собственное мнение, но ему в общем удалось, на наш взгляд, избежать субъективизма в оценке других концепций. Монография Т. Талипова открывает новые перспективы фонетических и фонологических исследований, освещает сложные вопросы общетюркских тенденций развития и интерференции фонетических явлений в истории тюркских языков.

В монографии, однако, имеются отдельные положения, требующие доработки. На наш взгляд, автор, следуя тезису о доминирующем силовом ударении на первом слоге, правильно ставит вопрос о нейтрализации дифференциальных признаков гласных фонем непрерывных слогов. Если это так, то непонятно мнение автора о решающей роли ударения в позиционной модификации гласных. Не логичнее ли связать это явление с комбинаторно-позиционными условиями и выяснить роль этих условий в позиционной модификации гласных? Тем более, что автор звуковые изменения рассматривает и как переходящие в морфологическую структуру грамматической формы. Скрупулезно проследжены пути возникновения й ~ ж ~ дж. Т. Талипов для анализа привлекает факты многих тюркских

языков и приходит к выводу о том, что «...неудобство инициального (й) (природная близость к гласным)... на определенном этапе развития тюркских языков было устранено... путем замещения его более звонным сибилантом (ж) и аффрикатой (дж)» (с. 220). В казахском языке этот ряд соответствия дополняется вариантами (д) и (н): *жайқал ~ найқал, жалаң ~ дала* // *далаң*; факты казахского языка требуют дополнительного изучения. Некоторые соображения автора относительно аффиксов из других тюркских языков требуют, на наш взгляд, дополнительного анализа. Так, аффиксы *-қа, -ық, -ра (-а)* (с. 146—147) в составе некоторых слов казахского языка автор считает результатом деабилитации, расширения узких гласных и рассматривает это как проявление позиционного расширения узких гласных. Следует отметить, что процесс расширения узких гласных древнетюркского языка и сужения широких гласных, охвативший башкирский и татарский языки, почти не затронул казахский язык. Это положение подтверждается состоянием современного казахского языка и отмечается всеми исследователями истории казахского языка. Ничто не подтверждает, что аффикс *-а* в слове *аса* произносился как *-у (-ру)*, *-ақ* в словах *шатақ, құмақ, шашақ* — как *-уқ* (однако *жыртық* в древнетюркском *йыртық*), *-қа* в словах *жанқа, тұтқа* — как *-ку* (однако *тұтқы*, где *-қы* образует совершенно другое слово с иным значением).

Монография Т. Талипова представляет интерес для исторической тюркологии.

М. Томанов

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТУВИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»

Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории в первом полугодии 1987 г. выпущен очередной сборник «Исследования по тувинской филологии» в который вошли статьи, посвященные наиболее актуальным на сегодняшний день проблемам тувинского языка, литературы и фольклора.

Сборник открывает статья проф. Ш. Ч. Сата «Развитие синтаксиса тувинского литературного языка». Автор, утверждая, что в настоящее время в тувинском языке появляются черты, которые ранее в народно-разговорном языке отсутствовали, эти новшества выявляет в области словосочетания, предложения и в передаче чужой речи.

Статья Л. А. Шамина «Структурные типы полипредикативных конструкций тувинского языка» посвящена ведущим структурным типам полипредикативных

конструкций (ППК) тувинского языка, передающим разнообразные семантические отношения между двумя событиями действительности.

В публикации Д. А. Монгуша «Предложения с главным членом (сказуемым) в винительном падеже в тувинском языке» дано интересное описание простого предложения с главным членом (именным сказуемым), который выражается именем (субстантивированным прилагательным, причастием, существительным, местоимением) в форме винительного падежа. Автор делает вывод, что предложения такого типа выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к высказываемому, а потому предлагает внести их в разряд модальности достоверности.

Статья К. Б. Куулар «Возвратный залог тувинского языка», хотя и является на-

чальным этапом специального изучения глагольных залогов тувинского языка, тем не менее содержит ряд новых моментов в сравнении с предшествующими работами в этой области.

В виде статьи под названием «У истоков тувинского языка» подготовлен доклад заслуженного деятеля науки Тувинской АССР В. М. Надеяев, который был им прочитан на научной конференции, посвященной 40-летию Тувы.

Будучи сторонником субстратной теории, В. М. Надеяев утверждает, что предки носителей тувинского языка, по крайней мере до VIII в., не были тюркоязычными. По его мнению, название Тыва пришло к тувинцам позже VII в. Раньше их этническими предками были чики. Древние голубые тюрки не оказали заметного влияния на чиков и их язык. Языком, который сделал его тувинским, является уйгурский язык. Чики восприняли древний уйгурский язык через призму своей артикуляционно-акустической базы. Для В. М. Надеяева артикуляционно-акустическая база этноса, переданная через язык, является важным показателем в определении подобных проблем. Этот вопрос интересен еще и тем, что высказывание мнения автора о сравнительно поздней тюркизации населения Тувы значительно расходится с положениями историков.

Б. И. Татаринцев в статье «Проблемы изучения этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения)» осуществляет пересмотр этимологии некоторых названий тувинских родоплеменных групп, ранее относимых к числу монголизмов.

Публикация Р. Г. Ахметьянова посвящена анализу этимологических дублетов родственных по происхождению, но различающихся по времени и источникам появления в тувинском языке слов, их специфике по сравнению с другими тюркскими языками.

19 августа 1985 г. безвременно скончался заслуженный деятель науки Тувинской АССР Владимир Михайлович Надеяев.

В статье Е. И. Убрятовой, И. Я. Селютинной, Н. Н. Широковой, К. А. Бичелдей кратко изложена биография ученого, освещены его основные научные концепции, указаны научные заслуги в области тюркской филологии.

Проблеме жанровой принадлежности романа известного тувинского писателя К. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» посвящена статья С. Н. Лебедевой «Жизненная правда и художественный вымысел в романе К. Кудажы „Улуг-Хем неугомонный“».

В статье С. М. Байсклан «Изобразительные средства тувинских героических сказаний» предпринята попытка выявить наиболее характерные эпитеты и сочетания с ними на основе критерия частотности их появления в сказаниях.

В рецензируемый сборник вошли две статьи З. Б. Самдан. В первой — «Художественное осмысление взаимоотношений человека и природы в тувинском фольклоре» — автор в философском аспекте на материале устного народного творчества рассматривает взаимоотношение человека и природы. Вторая статья «О некоторых особенностях собирания и изучения тувинской сказочной прозы» написана на основе ранее составленной программы собирания и изучения тувинской сказочной прозы.

В статье М. В. Монгуш «Ламаистско-шаманский синкретизм в фольклоре тувинцев» констатируется наличие в тувинском фольклоре ряда религиозных сюжетов.

В сборник вошли научные статьи, которые написаны на богатом фактическом материале, поэтому он, несомненно, будет полезен как для языковедов, литераторов, фольклористов, так и для преподавателей вузов, учителей школ и студентов, интересующихся вопросами тувинского языка и литературы. Как сравнительно-сопоставительный материал он вызовет интерес широкого круга тюркологов и монголистов.

У. П. Оней-оол

А. ДЖУНИСБЕКОВ. ПРОСОДИКА СЛОВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

АЛМА-АТА: НАУКА, 1987. 90 с.

В рецензируемой работе автор, подводя итоги своих исследований просодики тюркского слова (на материале казахского языка) предлагает принципиально новый подход к вопросу словесного ударения. Он считает, что словесное ударение, словесный тон и словесный сингармонизм являются фонетическими средствами, выполняющими аналогичную функцию: они скрепляют звуковые сегменты слова в единое целое. При этом если словесное ударение является просодическим средством достижения единства слова на фонетическом уровне в индоевропейских языках, то словесный тон — такое же средство в языках Юго-Восточной Азии, а словесный сингармонизм — в тюркских языках.

Основное положение книги заключается в следующем: исследование фонологической системы казахского языка должно начинаться с установления просодики слова, ибо только с ее помощью можно определить порядок и линейную величину членения речи, основные типы звуков, которые следует описать артикуляционно-акустически.

А. Джунисбеков выдвигает альтернативу: или принять точку зрения акцентной организации казахского слова и проводить сегментный анализ на уровне фонемы, или признать сингармоническую организацию казахского слова и найти обусловленные ею принципы деления на функциональные сегменты и сами сегменты.

Автор считает, что широкое применение методов экспериментальной фонетики в изучении просодических явлений не способствовало решению этих вопросов в силу отсутствия общей теоретической платформы, объясняющей специфику фонологии тюркских языков. Накопленные экспериментальные данные так и не стали основой для создания собственно тюркской фонологической теории из-за их «европоцентристской» интерпретации, которая в конечном счете повторяла результаты традиционных слуховых методов.

В экспериментально-фонетических работах, отмечает А. Джунисбеков, наиболее распространенным методом является чтение списка изолированных слов. Этот метод, по мнению автора, оправдан при неоспоримом наличии фонологического ударения в индоевропейских языках, когда известно его место, а целью эксперимента является описание его фонетической природы. Для доказательства же наличия или отсутствия словесного ударения в языке и опре-

деления его места в слове этот метод, как считает исследователь, непригоден, поскольку при чтении списка отдельных слов невозможно избежать перечислительной или назывной интонации, а их фонетические характеристики легко могут быть приняты за словесное ударение.

Проанализировав результаты многочисленных исследований по тюркской акцентологии, автор приходит к выводу, что следует говорить не о словесном ударении в тюркских языках, а о коммуникативно-логико-эмоционально-экспрессивной выделенности того или иного слога в слове. Следовательно, те акустические явления, которые акцентологами рассматриваются как акустический коррелят словесного ударения, — результат более высокого уровня, нежели словесный акцент, единицы языка.

Положительное решение проблемы А. Джунисбеков видит в сингармонизме. По его мнению, реальная картина фонетического устройства тюркских языков может быть создана только при правильном понимании функции сингармонизма и верном описании его фонетических характеристик. Ключ к разгадке специфики фонологического устройства тюркских языков, как полагает автор, — в сингармонизме. На наш взгляд, справедливы положения А. Джунисбекова о том, что, например, наличие универсальных сегментов гласных и согласных звуков в европейских и восточных языках, как теперь стало ясно, оказалось недостаточным основанием для проведения идентичного членения потока речи на минимальные значимые единицы. Последние оказались неидентичными: в европейских языках — фонемы, в восточных — тонемы. Следовательно, наличие и в тюркских языках тех же универсальных сегментов — гласных и согласных — не позволяет безоговорочно свести членение тюркской речи к одной из вышеназванных форм. Скорее всего, иная структура тюркских языков предполагает не только иной критерий членения речи, но и иной минимальный значимый сегмент. К сожалению, в столь интересной по постановке проблемы работе мы не находим ответа на вопрос, как должен называться этот сегмент.

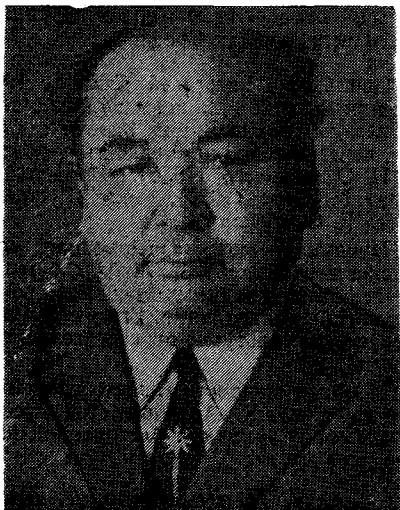
Далее рассматриваются функции сингармонизма, вопросы слога и слогоделения, которым автор также дает оригинальную интерпретацию.

Ж. А. Абуов

PERSONALIA

КАЛЛЫ АЙЫМБЕТОВИЧ АЙЫМБЕТОВ

(К 80-летию со дня рождения)

Общественность Каракалпакской автономной республики отметила 80-летие со дня рождения известного филолога К. Айымбетова. Он был одним из пионеров собирания и изучения фольклора каракалпаков, заложил основы литературоведения.

К. Айымбетов родился в семье бедного дехканца, в раннем детстве остался сиротой, батрачил. Советская власть открыла ему путь к получению образования. В 1925—1929 гг. он, учась в Турткульском педтехникуме, принимал активное участие в ликвидации безграмотности, в комсомольской работе. Окончив в 1933 г. филологический факультет Алма-Атинского пединститута и возвратившись в родные края, К. Айымбетов начинает работать старшим научным сотрудником в открывшемся в том же году в Турткуле комплексном научно-исследовательском институте.

Молодой ученый трудился в тесном содружестве с находившимися в то время в Каракалпакии Н. А. Баскаковым, С. Е. Ма-

ловым, А. А. Соколовым, Г. Алпаровым, которые оказали огромное влияние на его научное становление.

В 1929 г. в составе возглавляемой А. А. Соколовым научной экспедиции он побывал во всех районах автономной республики, во многих районах Туркменской ССР, в окрестностях Хивы, Ургенча, где собирал литературно-лингвистические и этнографические материалы. Это была хорошая школа для будущего исследователя. В последующие годы Айымбетов совершил научный подвиг, записав от Огиза жырау эпос «Алпамыс», а от сказителя Ерполата — эпосы «Едиге», «Маспатша».

Ему удалось также записать множество поговорок, пословиц, сказок, легенд, загадок. Благодаря подвижнической деятельности ученого был спасен от исчезновения целый пласт художественного наследия народа. Он кропотливо собирал сведения о жырау-сказителях, баксы-певцах, кыссаханах — чтецах народных книг, песенниках, материалы о национальных музыкальных инструментах.

Много сил отдал ученый развитию книгоиздательства, созданию школьных учебников, хрестоматий.

В те же годы он принимал участие в подготовке первого фольклорного сборника «Каракалпакское народное творчество», снабдив его научным комментарием.

Еще в 30-е годы К. Айымбетов выступил с серией докладов, статей по проблемам каракалпакского языка и литературы, перехода на новый алфавит. В написанных в соавторстве с Г. Убайдуллаевым работах «Проект орфографии каракалпакского языка в связи с переходом на латинскую графику», «Орфография каракалпакского литературного языка», «Краткие изменения в орфографии каракалпакского литературного языка», «Проект новой орфографии каракалпакского литературного языка» научно обоснованы преимущества новой орфографии, ее значение для изучения русского языка.

Ученый внес вклад в становление и развитие каракалпакской лексикографии. В

1934 г. им был составлен «Русско-каракалпакский словарь терминов делопроизводства», опубликованный в нескольких номерах газеты «Кызыл Қарақалпақстан».

Его работа «Қарақалпақские пословицы и поговорки» стала основой для будущего четырехтомного «Толкового словаря каракалпакского языка» (к настоящему времени вышли из печати три тома).

Статьи «О записи каракалпакского фольклора», «Об эпосе «Алпамыс», «Истоки каракалпакской драматургии», «О Бердахе и его дутаре», «О каракалпакских жырау-сказителях и баксы-певцах» и другие публиковались на каракалпакском, русском, узбекском, казахском, туркменском языках. В них были разработаны теоретические основы литературоведения, определены направления развития национальной литературы. Принимая активное участие в подготовке и проведении юбилей выдающегося каракалпакского поэта-классика Бердаха в 1950 г., К. Айымбетов проделал огромную работу по выпуску в свет сборника его произведений. В 1959 г. по его инициативе были изданы «Қарақалпақские народные сказки», а в 1947, 1956 гг. — «Қарақалпақские народные пословицы и поговорки».

В 1956 г. К. Айымбетов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Очерки истории каракалпакской советской драматургии», основой для которой послужили его многолетние изыскания в этой области.

Работая старшим научным сотрудником Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР (1959—1965), он защитил докторскую диссертацию «Қарақалпақские народные сказители» (1965). Научная общественность оценила эту работу не только как большой успех каракалпакской фольклористики, но и как вклад в советскую фольклористику в целом. Она отличается не только глубиной исследования поставленной проблемы, но и

принципиально новым подходом к изучению фольклора. Позднее К. А. Айымбетов продолжил исследования, написав книги «Қарақалпақский фольклор» (учебное пособие для студентов университета) (1977), «Қарақалпақские пословицы, поговорки и меткие слова» (1978), а также сборник воспоминаний «Отблески минувших дней» (1972).

Ученый всегда подчеркивал единство устного народного творчества и письменной литературы.

Перу К. А. Айымбетова принадлежат более двухсот пятидесяти научных трудов, статей, рецензий, посвященных актуальным проблемам каракалпакской фольклористики, литературоведения.

Ученый-филолог широкого диапазона представлял каракалпакское литературоведение и фольклористику на различных научно-теоретических конференциях, где выступал с интересными докладами и сообщениями, поддерживал связи с видными учеными республик Средней Азии и Казахстана.

Член Союза писателей СССР с 1934 г., он долгие годы занимался художественным переводом, написал ряд повестей, рассказов, перевел комедии «Бедность — не порок» А. Н. Островского (1936), «Проделки Скапена» Мольера (1939), пьесу «Русский вопрос» К. Симонова (1947).

Научные заслуги, общественная, литературная деятельность К. А. Айымбетова были отмечены правительственными наградами, почетными званиями. Его именем назван Нукусский культурно-просветительный техникум.

Народная мудрость гласит: «добрый живет дважды». К. А. Айымбетов и сегодня жив в своих трудах, в благодарной памяти всех, кто его знал, учился у него.

У. Д. Доспанов, А. Алымов

МИХАИЛ РОМАНОВИЧ ФЕДОТОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения чувашского языковеда, доктора филологических наук, профессора Михаила Романовича Федотова.

Уроженец Шемуршинского района Чувашской АССР, М. Р. Федотов, получив среднее педагогическое образование, учительствовал в родных местах до 1939 г., до призыва в армию. Всю Великую Отечественную войну он был на фронте.

После демобилизации М. Р. Федотов вернулся к преподаванию, работал в Марийской АССР.

В 1953 г. он окончил Горьковский педагогический институт иностранных языков и после открытия Чувашского государствен-

ного университета им. И. Н. Ульянова стал доцентом кафедры иностранных языков этого вуза.

В 1969 г. М. Р. Федотов защитил докторскую диссертацию на тему: «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении» и до ухода на пенсию являлся профессором кафедры иностранных языков Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. И сегодня он поддерживает связи с коллегами, учениками в качестве консультанта.

М. Р. Федотов известен в тюркологии как прекрасный компаративист, но первые его научные работы были связаны с преподаванием немецкого языка в чувашской

школе. Они и сейчас являются хорошим пособием для учителей, но, к сожалению, давно стали библиографической редкостью.

Немало внимания М. Р. Федотов уделял изучению современного чувашского языка, написал монографию «Средства выражения модальности в чувашском языке».

Глубокое знание тюркских, финно-угорских, западно-европейских языков позволило М. Р. Федотову создать фундаментальные работы по истории чувашского языка и чувашско-финно-угорским языковым контактам.

В 1965—1968 гг. вышло в свет его монографическое исследование в двух частях— «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми» и «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками». Первая часть посвящена чувашско-марийским языковым связям, во второй части М. Р. Федотов рассматривает проблему генетического отношения языка дунайских и волжских болгар к чувашскому языку и влияние последнего на пермские языки. Отдельная глава посвящена также марийским лексическим заимствованиям в чувашском языке.

Проблемы тюркско-финно-угорских языковых связей М. Р. Федотов рассматривает в ряде интересных статей: «Марийские заимствования в чувашском языке», «О генетической соотносимости пермского ЭН и чувашского АН в отрицательной форме повелительного наклонения», «Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам», «Формы принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа в тюркских

и финно-угорских языках», «К этимологии некоторых марийских слов» и др., опубликованных в Таллине, Баку, Чебоксарах в 60—70-х годах.

Немало у М. Р. Федотова работ по истории чувашского языка и письменности. Вопросам исторической фонетики он посвятил книгу «История чувашского языка. Ч. 1: Звуки».

М. Р. Федотов много сил отдал изучению сложной проблемы — места чувашского языка в алтайской семье. Он глубоко исследовал сравнительную грамматику тюркских языков, древнетюркский язык и древнетюркские письменные памятники.

Учебные пособия для студентов университета, статьи стали подступами к созданию трехтомного труда «Чувашский язык в семье алтайских языков» (ч. I. Чебоксары, 1980; ч. II. Чебоксары, 1983; ч. III. Чебоксары, 1986). А. Н. Кононов оценил это исследование как крупное достижение чувашского и общетюркского языкознания. В болгарском журнале «Сопоставительное языкознание» за 1987 г. Ю. Кирилова отметила, что особенно ценно решительное отстаивание М. Р. Федотовым тезиса о тюркской основе чувашского языка и о том, что чувашский язык является прямым наследником древнебулгарского языка.

С точки зрения общетюркской фонетики и морфологии большой интерес представляют статьи М. Р. Федотова «Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке» (Баку, 1984), «Инфинитивы в тюркских языках» (Баку, 1981), «Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги» (Баку, 1978).

Ряд работ М. Р. Федотов посвятил исторической лексикологии чувашского языка и ономастике: «Арабские и персидские заимствования в чувашском языке» (Чебоксары, 1963), «О названиях дней у чувашей» (Чебоксары, 1962), «Роль чувашских слов в образовании ойконимии Марийской АССР» (Баку, 1988), «Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии» (Таллин, 1970).

М. Р. Федотов полон творческих сил. В настоящее время находится в производстве его новая монография о чувашско-марийских языковых связях.

За научные и педагогические заслуги М. Р. Федотов удостоен правительственных наград.

Друзья и коллеги М. Р. Федотова желают ему крепкого здоровья и новых творческих свершений в его многогранной научной деятельности.

И. С. Галкин

Н Е К Р О Л О Г

АХНЕФ АХМЕТОВИЧ ЮЛДАШЕВ

Советская тюркологическая наука понесла утрату: 20 июля 1988 г. на шестьдесят девятом году жизни трагически погиб видный тюрколог, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор филологических наук Ахнеф Ахметович Юлдашев.

А. А. Юлдашев родился в 1920 г. в деревне Калышалы Туймазинского района Башкирской АССР. Окончив педагогическое училище, он работал учителем иностранных языков в Баймакском районе. В годы Великой Отечественной войны был военным переводчиком. В 1947 г. после успешного завершения учебы на факультете иностранных языков Куйбышевского педагогического института получил направление в аспирантуру Московского государственного университета. Защитив кандидатскую диссертацию на тему «Язык тептярей», он более тридцати лет работал старшим научным сотрудником сектора тюркских и монгольских языков в Институте языкознания АН СССР. Докторская диссертация А. А. Юлдашева была написана на тему «Аналитические конструкции глагола в тюркских языках».

Ахнеф Ахметович был лингвистом необычайно широкого диапазона: его в равной мере интересовали проблемы фонологии и

грамматики, лексикографии и истории тюркских языков. Он автор более ста двадцати работ. Широко известны такие монографии А. А. Юлдашева, как «Аналитические формы глагола в тюркских языках» (1965), «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (1958), «Принципы составления тюрко-русских словарей» (1972), «Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках» (1977), статьи «Об аналитических формах настоящего времени в тюркских языках», «К проблеме аналитизма в тюркских языках» и др.

Ряд трудов ученого посвящен изучению диалектной системы башкирского языка. Его работы «К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР», «Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР», «Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку», «К методике сбора диалектологического материала по современному башкирскому языку на современном этапе» явились значительным вкладом в развитие башкирской диалектологии как науки.

Ахнеф Ахметович активно участвовал в создании «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». В монографиях и отдельных статьях по грамматической теории им высказывались новые точки зрения на ряд вопросов современного башкирского языкознания. Таковы его работы «Категория глагольного вида в башкирском языке» (1955), «Принципы выделения и трактовки категории залога в башкирском языке» (1957), «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (1958), «Сложные предложения с придаточными условными в башкирском языке» (1962), «Основные типы производных слов с аффиксом *-ла-ла* в башкирском языке» (1969).

Большое место в научно-исследовательской деятельности А. А. Юлдашева занимала проблематика, связанная с формированием и развитием башкирского национального языка. Еще в 1959 г. он опубликовал большую статью под названием «К проблеме формирования башкирского национального языка», в которой подробно освещается история формирования и раз-

вития башкирского литературного языка. Различным аспектам этой сложной проблемы были посвящены последующие его работы: «Формирование единых норм башкирского языка», «Башкирский язык», «К характеристике современного башкирского литературного языка» и др.

Много сил и энергии вложил А. А. Юлдашев в создание академической грамматики башкирского языка, в которой впервые в башкирском языкознании получили глубокую научную разработку проблемы морфологии, теории словообразования, категорий залога и видов глагола, связанного сказуемого и др.

Наряду с исследовательской деятельностью, Ахнеф Ахметович занимался подготовкой научно-педагогических кадров для тюркоязычных республик и областей, особенно для Башкирии. Большое внимание он уделял редакторской и переводческой работе.

Нельзя не сказать несколько слов о человеческих качествах А. А. Юлдашева. Талантливого ученого отличали исключительное трудолюбие и скромность, высокая внутренняя культура и личное обаяние, доброжелательность и чуткость в обращении с коллегами, высокая требовательность к себе.

Партия и правительство высоко оценило боевые и трудовые заслуги А. А. Юлдашева: он удостоен девяти правительственных наград.

Светлая память об Ахнефе Ахметовиче Юлдашеве — видном ученом, замечательном человеке — навсегда сохранится в сердцах его многочисленных коллег, друзей и учеников.

Э. Р. Тенишев, З. Г. Ураксин, А. А. Чеченов, М. В. Зайнуллин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1988 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
Мусаев К. М. (Москва). Ленинские заветы и развитие тюркских языков в СССР	2	3— 23

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ахматов И. Х. (Нальчик). Полипредикативные конструкции с субъектными оборотами в тюркских языках	2	24— 32
Гузев В. Г. (Ленинград). О категории аспектуальности	1	3— 11
Джураев А. Б. (Ташкент). Ареальная лингвистика: сущность и структура	6	21— 27
Иванов С. Н. (Ленинград). О методологических вопросах грамматики	3	3— 14
Исламов М. И. (Баку). Социально-экономическое развитие и современные диалекты	4	9— 12
Нигматов Х. Г. (Бухара), Абдуллаев К. М. (Баку), Банару В. И. (Кишинев), Халияров Х. Х. (Бухара), Махмудов Н. М. (Ташкент), Нурманов А. (Андижан), Сайфуллаева Р. Р. (Ташкент). Способы синтаксической связи и актуальные вопросы тюркского синтаксиса	4	3— 8
Покровская Л. А. (Ленинград). Семантико-функциональный аспект сравнительного исследования именных частей речи в тюркских языках	5	3— 9
Полинская М. С., Чернин В. Ю. (Москва). Терминология родства у крымчаков	3	15— 23
Сергеев В. И. (Чебоксары). Многозначность слова и контекстная семантика	1	12— 19
Талипов Т. Т. (Алма-Ата). Об одной тенденции структурно-фонетического развития древнетюркского показателя имени действия на -ыг в истории тюркских языков [1]	5	10— 15
Татаринцев Б. И. (Кызыл). О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов	1	20— 27
Хангишиев Дж. М. (Махачкала). К вопросу о категории наклонения глагола в кумыкском языке	4	13— 20
Щека Ю. В. (Москва). Связь текста посредством нулевого члена и некоторые типы «синдетических» сложноподчиненных предложений в турецкой разговорной речи	2	33— 42
Щербак А. М. (Ленинград). Принципы составления исторических грамматик тюркских языков	6	3— 11
Юдакин А. П. (Москва). Сущность тюркского изафета и становление имени прилагательного в тюркских языках	6	12— 20

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА.

Абдуллин И. А. (Казань). Крупная вежа в татароведении	6	28— 33
Байтанаев Б. А. (Алма-Ата). Традиции повтора в казахской литературе	5	37— 40
Васильева О. В. (Москва). «Повесть о Сефер-бей-заде» (XVII в.) и роман Намыка Кемалы «Приключения Али-бея» (XIX в.)	4	32— 35
Геошюв Н. (Баку). Символ любви у Джалаладдина Руми и Мухаммеда Физули	2	51— 62
Ибраимов К. (Фрунзе). Мифопоэтические традиции и художественное произведение	4	26— 31
Короглы Х. (Москва). Древнетюркская литература	5	16— 21
Короглы Х. (Москва). К тюркско-венгерским фольклорным связям	3	24— 29

	№	Стр.
Кулиев В. М. (Баку). Г. Тукай и азербайджанская литературно-общественная мысль начала XX века	2	43— 50
Кумисбаев У. (Алма-Ата). Низами и казахская литература	3	50— 57
Меликов Т. Д. (Москва). О структуре стихотворных текстов «Книги моего деда Коркуда»	1	28— 33
Меликофф Ирен (Франция). О среднеазиатском происхождении суфизма Анатолии	5	22— 28
Нагиев Дж. (Баку). Югославское издание «Китаби Деде Коркуд»	3	30— 40
Нагиев М. З. (Баку). О рукописях сочинений Хата'и	5	29— 36
Образцов А. В. (Ленинград). К интерпретации традиционных сюжетов у Ахмеда	1	34— 40
Петров Л. П. (Чебоксары). Из истории чувашских дохристианских имен	4	21— 25
Самедова Л. С. (Баку). Перевод романа «Герой нашего времени» на азербайджанский язык в дореволюционном Азербайджане	3	41— 49
Субханбердина У. Х. (Алма-Ата). Фольклор и литература в казахской дореволюционной периодике	6	34— 42
Толгуров З. (Нальчик). Роль традиций в развитии прозы Северного Кавказа	2	63— 69
Урманчиев Ф. (Елабуга). Мотив бездетности в тюркском эпосе	1	41— 46

ОНОМАСТИКА

Добродомов И. Г. (Москва). Оскол	2	81— 91
Саттаров Г. Ф. (Казань). Ойконимические термины со значением «город» и «село» в истории татарского языка и топонимии	1	47— 58
Федотов М. Р. (Чебоксары). Роль чувашских слов в образовании ойконимов Марийской АССР	1	59— 66

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Абдуллин И. А. (Казань). Некоторые аспекты источниковой базы истории литературных языков	3	82— 85
Абилхасимов Б. А. (Алма-Ата). Некоторые вопросы изучения истории казахского литературного языка	3	58— 62
Ахундов А. (Баку). Имеется ли комитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка?	4	42— 43
Благова Г. Ф. (Москва). Соотношение «истории литературного языка» и «исторической грамматики» в исследовании средневекового тюркоязычного памятника	1	79— 85
Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. (Уфа). Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей?	4	36— 41
Гаджиев Т. И. (Баку). Дифференциальный подход к предметам исторической грамматики и истории литературного языка	6	43— 50
Галляудинов И. Г. (Казань). История литературного языка как саморазвитие системы (общеметодологические проблемы)	2	75— 80
Жубанов Е. Х. (Алма-Ата). О природе казахского наддиалекта и проблемах истории литературного языка	3	63— 67
Исаев С. М. (Алма-Ата). К вопросу о периодизации истории казахского литературного языка	3	92— 95
Насилов Д. М. (Ленинград). Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников	2	70— 74
Садыхов А. Ш. (Баку). Способ выражения прямой и косвенной речи в прозаических памятниках азербайджанского языка	3	68— 77
Тенишев Э. Р. (Москва). Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков	1	67— 78
Тугушева Л. Ю. (Ленинград). «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари и его связи с раннесредневековой тюркоязычной литературой	1	86— 94
Хакимзянов Ф. С. (Уфа). История татарского литературного языка	3	78— 81
Хаков В. Х. (Казань). О методах и источниках составления истории тюркских литературных языков	3	86— 91
Халилов Ш. Х., Мамедов Н. Х. (Баку). Общепринятый разговорный язык и литературная норма	6	51— 58
Худиев Н. М. (Баку). Обогащение азербайджанского литературного языка советского периода за счет аббревиатур	1	95— 102

	№	Стр.
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ		
Ализаде С. Г. (Баку). Азербайджанское языкознание о языковом стиле и стилях азербайджанского литературного языка.	5	53— 62
Асилова Н. А. (Ташкент). Об источниках «Китаб ал-идрак ли-л-исан ал-атрак» Абу Хаййана	4	48— 51
Гузев В. Г., Пиотровский Р. Г., Щербак А. М. (Ленинград). О создании машинного фонда тюркских языков	2	92—101
Джанибеков Х. (Нальчик), Чеченов А. А. (Москва). О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего неочевидного времени индикатива карачаево-балкарского глагола (форма типа келгенди)	1	103—114
Джубанов А. Х. (Алма-Ата). Подготовка тюркоязычного текста для получения словоуказателя произведений индивидуального писателя на ЭВМ	1	115—122
Зарбалиев Х. М. (Баку). Об одном способе образования числительных	4	83— 86
Маматов М. Ш. (Ташкент). К вопросу о категории номинализации действия	5	41— 52
Мамедова М. Г. (Баку). Автоматизированный анализ и коррекция терминологических словарей (на материале словаря лингвистических терминов азербайджанского языка)	2	102—114
Меметов А. (Ташкент). Фонетическое освоение русских заимствований в крымско-татарском языке	6	72— 80
Мусабекова Н. Ч. (Баку). Проблема словообразовательного анализа гидронимов Азербайджана. Типовые конструкции гидронимов	4	52— 58
Нурманов А. Н. (Андижан). Синтаксические конструкции, находящиеся вне оппозиции	3	110—113
Нуруллаев Х., Туйчиев М. (Самарканд). Глагол қилмоқ как строевой элемент	4	70— 72
Сеидов Ю. М. (Баку). Об одном забытом типе словосочетаний	4	44— 47
Секиринский С. А. (Симферополь). Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII—нач. XX в.)	4	87— 97
Сулеева Г. О. (Джамбул). О природе значения процессуальности в разносистемных языках	6	67— 71
Умаров Э. А. (Ташкент). Издатель «Санглаха» Джерард Клосон	4	73— 78
Хусаинов К. Ш. (Алма-Ата). Звукоизобразительные глаголы плача в казахском языке	6	59— 66
Чебодаева Л. И. (Ленинград). К вопросу о причастиях и деепричастных конструкциях в хакасском языке	4	79— 82
Чернов М. Ф. (Чебоксары). Несвободные глагольно-именные перифразы в современном чувашском языке	4	59— 69

НАСЛЕДИЕ

Гафаров Б. Г. (Москва). Н. К. Дмитриев и первая крымская языковая экспедиция	5	80— 84
Зифельдт-Симумяги А. Р. (Баку). К вопросу о языке хазар	6	83— 88
Ковальский Тадеуш (ПНР). К вопросам формального изучения поэзии тюркских народов	5	63— 79
Медведева Л. Я. (Ленинград). О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института востоковедения АН СССР	6	89—102
Салмин А. К. (Чебоксары). Чувашские сказки о паттырах: источники, списки	2	115—125
Тагирзаде А. (Баку). Халид Саид Ходжаев	3	96— 97
Тагирзаде А., Гулиев А. (Баку). Профессор Артур Рудольфович Зифельдт-Симумяги	6	81— 82
Тенишев Э. Р. (Москва). Заметки Н. К. Дмитриева в книге С. К. Церуниана «Курс османских разговоров»	4	98—105
Филиппов Л. К. (Саратов). О работе Н. Г. Чернышевского «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии»	3	104—109
Ходжаев Х. С. (Баку). «Дивани Лугати Тюрк» Махмуда Кашгарского	3	97—103
Цинциус В. И. (Ленинград). Морфемизация компонентов словосочетаний и сложных слов как один из аспектов сравнительно-исторической морфологии алтайских языков	5	85— 89

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Беседа с Ч. Айтматовым	3	114—119
------------------------	---	---------

№ Стр.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- Кузнецов П. И. (Москва). Что равно нулю? 4 106—107
 Татаринцев Б. И. (Кызыл). О некоторых этноязыковых наименованиях
 в современной научной литературе 3 120—122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

- Абдуллабекова Г. (Баку). Вклад азербайджанских ученых XIX—XX вв.
 в развитие польской ориенталистики 4 108—115
 Исмаилов Г. С. (Баку). Изучение турецкой филологии в Азербайджане 5 90—102
 Чень Вей (Москва). Краткий обзор исследований языков алтайской
 группы в Китае 2 126—130
 Шека Ю. В. (Москва). Türk Dilbilimi Konferansı Bildirileri 3 123—127

РЕЦЕНЗИИ

- Абуов Ж. А. (Алма-Ата). А. Джунибеков. Просодика слова в казах-
 ском языке 6 108
 Арсланов Л. Ш. (Елабуга). Исследования по исторической диалекто-
 логии татарского языка 1 128—129
 Векилов А. П. (Ленинград). Tuncer Gülensoy. Anadolu ve Rumeli
 ağızları bibliografyası: (Anadolu, Kıbrıs, Suriye, Irak, Bulgaristan,
 Yunanistan, Yugoslavya ve Rumanya Türk ağızları) 5 105—107
 Данияров Х., Юлдашев Б. (Самарканд). Ўзбек халқ шевалари морфо-
 логияси 3 128—129
 Добродомов И. Г. (Москва). Тюркско-дагестанские языковые взаимо-
 отношения: (сборник статей) 6 103—104
 Е. Ж. (Алма-Ата). Проблемы казахской терминологии 3 129—130
 Махмудов Н. М. (Ташкент). Т. Турсунова. Меъморлик терминларининг
 лексик-грамматик тадқиқи 1 131—132
 Опей-оол У. П. (Кызыл). «Исследования по тувинской филологии» 6 106—107
 Орузбаева Б. О. (Фрунзе). Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі 5 103—104
 Пинес В. Я. (Баку). Studies on modern turkish: proceedings of the third
 conference on turkish linguistics/Hendrik E. Boeschoten, Ludo
 Th. Verhoeven (eds.) 1 123—127
 Томагов М. (Алма-Ата). Т. Талипов. Фонетика уйгурского языка 6 104—106
 Шукюрли А. Д., Касумлы Э. А. (Баку). Мәймәдов М. Дилләрин гар-
 шылыгы алағәси 1 129—130
 Юсупов Р. А., Гарипова Ф. Г. (Уфа). М. З. Закиев. Проблемы языка
 и происхождения волжских татар 4 116—117
 2 131—132

АННОТАЦИИ

- Арсланов Л. (Елабуга). Ф. С. Баязитова. Говоры татар-кряшен в срав-
 нительном освещении 3 131—132
 Ахмедов М. М. (Баку). Igor destanı (Oleg torunu Svyatoslav oglu
 Igor'un seferi destanı) 4 118
 Ибраев Ш. (Алма-Ата). О. А. Нурмагамбетова. Казахский героический
 эпос «Кобланды-батыр» 5 111
 Каграманов Дж., Тагирзаде А. (Баку). Мәммәдов Јунис. Азәрбајҹан
 дилиндә сөzlәрин лексик-семантик инкишафы 5 111—112
 Онучин А. Н. (Пермь). Башкирская этнонимия: сборник статей. 5 107—108
 Садыков Т. (Фрунзе). Тюркологические исследования 2 132—133
 Сайрамбаев Т. (Алма-Ата). Е. Агманов. Қазақ тілінің тарихи синтаксисі 2 131
 Скрибник Е. К. (Новосибирск). Вопросы алтайского языкознания 4 118—119
 Скрибник Е. К. (Новосибирск). Сложное предложение в языках разных
 систем 5 109—110
 Ходжиев А., Саттаров М., Джусупов М. (Ташкент). Н. Авазбаев. Струк-
 тура слога в языках различных типов 2 133—134

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Абдуллаев Х., Мамедов М. (Гюлистан). Первая республиканская
 научно-теоретическая конференция «Ономастика Узбекистана» 3 134—136
 Бичелдей К. (Кызыл). Пальмбаховские чтения 1 133—134

	№	Стр.
Исхаков Г., Семятова Г. (Алма-Ата). Шестые маловские чтения	2	134—136
Тумашева Д. Г. (Казань). Совещание заведующих кафедрами родных языков и литератур	3	133—134
Фомкин М. С. (Ленинград). Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археологии	4	120—121
М. С. Ф. (Ленинград). О мемориальной библиотеке академика А. Н. Кононова	3	132
Фомкин М. С. (Ленинград). О шестидесятилетии С. Г. Кляшторного	3	132—133
Шукюров А. Д. (Баку). Научно-методическая конференция, посвященная вопросам культуры речи	4	122

PERSONALIA

Абдрахманов А. А. (Алма-Ата). Асет Болганбаевич Болганбаев	4	126
Бикбаев Р. (Уфа). Гайса Батыргареевич Хусанов	2	137
Булгаков Р. М. (Уфа). Талмас Магсумович Гарипов	5	114
Галкин И. С. (Йошкар-Ола). Михаил Романович Федотов	6	110—111
Джанузаков Т., Нурмагамбетов А. (Алма-Ата). Нуржамал Оралбаевна Оралбаева	5	115—116
Доспанов У. Д., Алымов А. (Нукус). Каллы Айымбетович Айымбетов	6	109—110
Корабаев С. (Алма-Ата). Заки Ахметович Ахметов	4	124—125
Тенишев Э. Р. (Москва), Абиладзе Ц. А. (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия	4	123—124
Тенишев Э. Р. (Москва), Ганиев Ф. А., Юсупов Р. А. (Казань). Мирфатих Закиевич Закиев	5	113—114
Хузангай А. Я. (Чебоксары). Иван Андреевич Андреев	3	137

НЕКРОЛОГИ

Мамедов Н. Дж. (Баку). Азиз Шариф	4	127—128
Тенишев Э. Р., Чеченов А. А. (Москва), Ураксин З. Г., Зайнуллин М. В. (Уфа). Ахнеф Ахметович Юлдашев	6	112—113

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. М. Шербак (Ленинград). Принципы составления исторических грамматик тюркских языков 3
 А. П. Юдакин (Москва). Сущность тюркского изафета и становление имени прилагательного в тюркских языках 12
 А. Б. Джурев (Ташкент). Ареальная лингвистика: сущность и структура 21

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- И. А. Абиллин (Казань). Крупная веха в татароведении 28
 У. Х. Субханбердина (Алма-Ата). Фольклор и литература в казахской дореволюционной периодике 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Т. И. Гаджиев (Баку). Дифференциальный подход к предметам исторической грамматики и истории литературного языка 43
 Ш. Х. Халилов, Н. Х. Мамедов (Баку). Общепародный разговорный язык и литературная норма 51

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- К. Ш. Хусаинов (Алма-Ата). Звукоизобразительные глаголы плача в казахском языке 59
 Г. О. Сулеева (Джамбул). О природе значения процессуальности в разном системных языках 67
 А. Меметов (Ташкент). Фонетическое освоение русских заимствований в крымско-татарском языке 72

НАСЛЕДИЕ

- А. Тагирзаде, А. Гулиев (Баку). Профессор Артур Рудольфович Зифельдт-Симумяги 81
 А. Р. Зифельдт-Симумяги (Баку). К вопросу о языке хазар 83
 Л. Я. Медведева (Ленинград). О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института востоковедения АН СССР 89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- И. Г. Добродомов (Москва). Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения: (сборник статей) 103
 М. Томапов (Алма-Ата). Т. Талипов. Фонетика уйгурского языка 104
 У. П. Опей-оол (Кызыл). «Исследования по тувинской филологии» 106
 Ж. А. Абуов (Алма-Ата). А. Джунибеков. Просодика слова в казахском языке 108

PERSONALIA

- У. Д. Доспанов, А. Алымов (Нукус). Каллы Айымбетович Айымбетов 109
 И. С. Галкин (Йошкар-Ола). Михаил Романович Федотов 110

НЕКРОЛОГ

- Э. Р. Тенишев, А. А. Чеченов (Москва), Э. Г. Ураксин, М. В. Зайнуллин (Уфа). Ахнеф Ахметович Юлдашев 112
 Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1988 году 114

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. M. Scherbak (Leningrad). Compiling principles of Historical Grammars of the Turkic languages 3
 A. P. Yudakin (Moscow). The essence of the Turkic isafet and the adjective in the Turkic languages 12
 A. B. Jurayev (Tashkent). Areal linguistics: essence and structure 21

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.

- I. A. Abdullin (Kazan). Great landmark in the Tatar linguistics 28
 U. Kh. Subkhanberdina (Alma-Ata). Folklore and literature in the Kazakh pre-revolutionary periodicals 34

DISCUSSIONS

- T. I. Gajiyev (Baku). Differential approach towards Historical Grammar and History of Literary Language 43
 Sh. Kh. Khalilov, N. Kh. Mamedov (Baku). National spoken language and literary standards 51

MATERIALS AND REPORTS

- K. Sh. Khusainov (Alma-Ata). Onomatopoeic verbs of weeping in the Kazakh language 59
 G. O. Suleyeva (Jambul). About the nature of process in the languages with different systems 67
 A. Memetov (Tashkent). Phonetic assimilation of Russian borrowings in the Crimean-Tatar language 72

INHERITANCE

- A. Tagirzade, A. Guliyev (Baku). Professor Arthur Rudolfovich Zifeldt-Simumyagi 81
 A. R. Zifeldt-Simumyagi. (Baku). Towards the question of Khazar's language 83
 L. Ya. Medvedeva (Leningrad). About the Karaim and Krymchak manuscripts collection in the Leningrad Department of the Institute of Oriental Studies 89

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEWS

- I. G. Dobrodomov (Moscow). Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения: (сборник статей) 103
 M. Tomanov (Alma-Ata). Т. Талипов. Фонетика уйгурского языка 104
 U. P. Oreu-ool (Kyzyl). «Исследования по тувинской филологии» 106
 Zh. A. Abinov (Alma-Ata). А. Джунисбеков. Просодика слова в казахском языке 108

PERSONALIA

- U. D. Dospanov, A. Alymov (Nukus). Kally Ayimbetovich Ayimbetov 109
 I. S. Galkin (Yoshkar-Ola). Mikhail Romanovich Fedotov 110

OBITUARI

- E. R. Tenishev, A. A. Chechenov (Moscow), Z. G. Uraksin, M. V. Zainullin (Ufa). Akhnaf Akhmetovich Yuldashev 112
 References of the articles published in Soviet Turkology in 1988 (№№ 1—6) 114

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор Б. М. Абдуллаев

Корректоры А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 19.10.88 г. Подписано к печати 30.12.88 г. ФГ 05271. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 8235. Тираж 2450. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.